A portrait of Mikhail Bakunin, a man with a full, grey beard and long, wavy hair, wearing a dark suit and a white shirt with a dark tie. The background is a dark, muted green.

*“Наша пресловутая
цивилизация для народа
не что иное, как источник
рабства и нищеты”.*

М. Бакунин

Михаил Бакунин

БУНТ — ДЕЛО ПРАВОЕ

ЗАПИСКИ РУССКОГО АНАРХИСТА

Михаил Александрович Бакунин

Бунт – дело правое. Записки русского анархиста

«Я пришел к убеждению, что никакое государство, а тем паче Всероссийское, без подлости и зверства даже год продержаться не может, – писал в середине XIX века Михаил Бакунин. – Дыша притеснением и обманом, правительство должно смотреть на всех внутри и внароуже как на врагов. Жизнь правительства есть непрерывный ряд гнусностей и преступлений против всех чужеземных народов, а также, и главным образом, против своего собственного народа и против свободы его».

Дворянин по происхождению, артиллерийский офицер, Бакунин глубоко изучил современные ему общественно-политические теории, активно участвовал в революционном движении и в конце концов стал одним из самых известных теоретиков анархизма. Народное восстание, бунт он считал единственным средством преобразования общества. «При поголовной нищете всего русского народа, доведенного отеческим управлением до столь отчаянного положения, ему не остается другого выхода и спасения, как только в самом разрушительном бунте», – утверждал Бакунин.

В книге представлены работы М.А. Бакунина, характеризующие его взгляды.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

#1	0006
Русский бунт	0007
Война наружу, война внутри	0007
Русское завоевательное государство	0045
Организация всенародного бунта	0074
Романов, Пугачев или Пестель	0107
Государство – это зло	0134
Отрицание человечности	0134
Рабы церкви – рабы государства	0215
Письма о патриотизме	0308
Наши цели и задачи	0369
Чего мы хотим?	0369
О свободе и демократии	0380
Революционный катехизис	0391

**Михаил Александрович
Бакунин**

**Бунт – дело правое. Записки
русского анархиста**

© ООО «Издательство Родина», 2022

Русский бунт

Война наружу, война внутри

(Из статьи «Наука и насущное революционерное дело»)

Люди, мыслящие и занимающиеся ныне политическими и социальными вопросами в России, делятся на два разряда: одни хотят или воображают себе, что хотят, всевозможных реформ, улучшений, освобождений и всякого преуспеяния для нашего бедного, измученного народа, но стремятся ко всем этим благам путем государственным; они почти всегда порицают и часто ругают правительство, того или другого министра, пожалуй, самого государя, но вместе с тем думают, что государство есть лучшее и даже единственное средство для достижения народных целей и для осуществления высоких народных судеб; и потому ставят всегда и везде на первом плане преуспеяние и силу государства как единственно возможную основу для блага народ-

ного.

Другие, напротив, дошли до того убеждения, что государство по существу и по форме вместе с церковью принадлежит к гнуснейшим и ко вреднейшим порождениям исторического невежества и рабства; что вообще всякое государство, а по преимуществу Всероссийское, не только мешает, но уничтожает в корне самую возможность благосостояния и свободы народов. Основываясь на таком убеждении, они думают, что для освобождения народа нашего необходимо полнейшее разрушение Всероссийского государства.

К первому разряду принадлежат реформаторы-государственники, ко второму – революционеры.

Я, со своей стороны, пришел к тому убеждению, что не стоит тратить слов с государственниками, какими бы либеральными они ни казались. Кажись или будь они в самом деле от природы и мягкосерды, и человеколюбивы, и благородны, суровая логика обрекает их на подлость, на зверство, потому что никакое государство, а тем паче Всероссийское, без подлости и без зверства ни существовать, ни

даже год продержаться не может.

Другое дело революционеры; с ними говорить можно и должно. Но и революционеры делятся, в свою очередь, на две категории: на доктринеров и на людей живого и насущного дела.

Революционерами доктринерными я называю тех, которые дошли до революционного понимания и до сознания необходимости революции не из жизни, а по книжкам. В иных, менее серьезных, но зато более драматических и самолюбивых, чтение истории прошедших революций возбудило юношеское воображение; пример знаменитых революционных героев возбудил желание сделаться или, по крайней мере, казаться такими же героями. Они мечтают о насильственных переворотах, в которых разыгрывают, разумеется, сами не последнюю роль, о баррикадном бое, о терроре и об общеспасительных, издаваемых ими, декретах, и им самим становится страшно при одной мысли о том, как они будут страшны.

Эти люди тешатся невинною игрою в революцию. Всегда самолюбивые и даже тщеслав-

ные, они в начале своей карьеры довольно искренни; принимая пыл юношеского воображения за жар сердца, громкую фразу за мысль и стремительность темперамента за доказательство энергии и воли, они сначала серьезно верят в себя. Потом жар остывает, но пустота мысли и привычка ходульности остаются, и они становятся под конец неисправимыми фиглярами и фразерами.

С этими людьми всякий разговор бесполезен. Им дела нет до дела, а только до себя. Говоря беспрестанно во имя народа, они никогда не заботились и ничего знать не хотят о народе. Народ для них только предлог, пешка, подстава, бессмысленная и мертвая масса, ожидающая жизни, мысли, счастья, свободы от них и единственно только от них. Они чувствуют в себе диктаторское призвание и не сомневаются в том, что народ будет двигаться как глупое стадо по их мановению. Постоянное вождение с собою доходит в них до сумасшествия. Никакой предмет, никакое происшествие, как бы велики они ни были, не могут заставить их забыть о себе: во всем они видят только себя. Пусть же продолжают они

собой любоваться; мы отвернемся от них.

Есть доктринеры более серьезные: люди, дошедшие до революционного сознания не путем личной, самолюбивой фантазии, а путем глубокого объективного мышления, путем серьезного изучения истории и настоящего положения народа. Эти люди знают и объяснят вам как нельзя лучше, почему в настоящее время всякий порядочный человек должен быть революционером. И – странная вещь! – зная это так хорошо, они редко и с необыкновенным трудом становятся сами настоящими революционерами. Как объяснить это явление?

По-моему, оно объясняется очень хорошо. Дошли они до революционного сознания не путем жизни, а мысли, наперекор всей их жизненной обстановке. Сравнительно с невыносимой жизнью миллионов их жизнь хороша и легка. Даже сама государственная действительность, столь черствая и беспощадная для народа, касается до них гораздо учтивее и мягче. В их собственной жизни сравнительно редко встречаются обстоятельства, происшествия и случаи, могущие пробудить

дить в человеке непримиримую ненависть, неутомимую страсть разрушения. Их революционная страсть по преимуществу отвлеченная, головная и только редко серьезная.

Разумеется, тяжело и часто становится невыносимо для умного и благородного человека жить в мире подлости, пошлости, зверства, быть ежедневным свидетелем самой гнусной и вопиющей неправды. Но к чему человек не привыкнет? Само чувство негодования притупляется, когда мерзость становится фактом непрерывным и повсеместным. Лишь только личная обида смертельна, к чужим же обидам привыкнуть можно.

Наконец, когда становится невтерпеж, можно уехать на время и отдохнуть за границей, можно также уйти в святой и вечно юный мир науки, искусства, дружбы, любви; можно заняться или устройством какого-нибудь невинного кооперативного товарищества, или разумною обстановкою своей собственной жизни.

* * *

Если же совесть бунтует и не соглашается на такие примирения и сделки, то ее можно

утомонить следующими рассуждениями: «Действительность, без сомнения, мерзка, но она сильна, и мы против нее бессильны. Сила же не заключается в произволе того или другого лица, а в совокупности всех drobных общественных сил, фактов, стремлений и настроений, которых она есть порождение и полнейшее выражение. Она существует как непреходящий результат всего живущего и действующего в обществе; значит, никакая личная сила не в состоянии ее уничтожить, и было бы смешно со стороны одного или нескольких лиц пытаться ее уничтожить.

Если действительность наша такова, что она производит из своей среды, делает возможными и даже необходимыми царей, министров и государственных людей, подобных нынешним, то мы должны поневоле покориться неотвратимой необходимости, против которой всякая попытка бунта была ребячеством. Если б даже нам удалось уничтожить царя вместе со всем царским семейством и со всеми его чудотворцами, архангелами, и ангелами-исполнителями, то другие, такие же или даже, пожалуй, их хуже, не замедлили бы

стать на их место. Они не болезнь, а только проявление болезни, точно так же как вошь в голове нечистоплотного человека есть продукт нечистоты, или гной раны продукт зависящего от него телесного повреждения.

Хотите вы, чтоб вперед такие цари и министры сделались невозможными, не занимайтесь ими; и, не тратя сил на бесплодные бунты, устремите их исключительно на изменение общественной среды, которая, в виде паразитов и гноя, порождает таких уродов. Будем действовать неусыпно и неутомимо, но действовать разумно, осторожно и хладнокровно, не ожидая плодов на будущий день и довольствуясь мыслью, что наши усилия готовят разумный общественный строй для будущих поколений.

Что же станем мы делать? Отказавшись от всякой политической и служебной деятельности, которая для нас в настоящее время ни в правительственном, ни в антиправительственном смысле решительно невозможна, предадимся изучению и живой пропаганде печатью, словом и жизнью зрелых социальных идей; образуем кружки литературно-со-

циальные, кооперативные общества науки, работы и жизни. Прежде всего нам нужен свет, как можно более света! Большинство между нами невежи, мы должны много учиться и всему научиться прежде, чем станем помышлять о практических преобразованиях общества.

Итак, станем учиться и помогать учиться другим. Научим невеж, поддержим бедных. Таким образом, мы образуем в непродолжительное время фалангу молодых людей, честных деятелей, знающих, чего им желать, чего им хотеть, куда им стремиться.

Разумеется, главным предметом изучения у наших кружков будет Россия, ее история, ее настоящее положение. Мы все толкуем о ней, каждый хочет ее освободить, и никто не знает ее, не знает, чего действительно надо народу, чего он хочет и куда неотвратимый фатум истории его ведет?

Вот когда мы действительно узнаем его, узнаем его прошедшее и его настоящее, тогда нам будет легко угадать его будущее, а раз его угадав, мы с знанием и непоколебимой верой, осмысленной этим знанием, вступим на по-

прище дела, и тогда мы будем всемогущи, тем более, что к тому же времени, вероятно, дозреет сознание народное, зреющее ныне гораздо быстрее, чем прежде.

Да наконец, и мы сами, занимаясь, с одной стороны, своим собственным образованием, можем, с другой, более или менее способствовать его скорейшему созреванию.

Нет сомнения, что правительство будет нам мешать на каждом шагу вместе со всеми скотами и дураками – а их легион! – они будут на нас клеветать, доносить, нас будут жестоко преследовать. Но если нас будет много, если мы своими мирными, но вместе с тем непреклонно к одной и той же цели стремящимися фалангами покроем всю Русскую землю и пойдем дружно, опираясь друг на друга, опираясь на закон и на свое несомненное право, сильные мыслью, служащею нам звездой путеводной, – мы победим всех противников, все препятствия, мы будем сильнее правительства и додумаемся, наконец, до народа, до возбуждения жизни народной».

* * *

Вот, кажется, во всей ее полноте програм-

ма наших умных доктринеров. Тут есть и светлая мысль, и высокий подвиг. Нет только никакой реальности, нет действительной почвы, нет настоящего дела, нет жизни. Для того чтоб разбить раз навсегда эту систему, это последнее убежище получестного доктринаризма – вполне честным никакое доктринерство быть не может, – я прослежу ее аргументацию шаг за шагом; а для того чтоб не удаляться от своего предмета, буду брать доказательства и примеры по преимуществу из русской государственной и общественной действительности.

Итак, поклонившись по русскому обычаю на все четыре стороны, вступаю в бой с этим современным чудовищем – доктринерством, поедаящим столько живых сил и губящим столько молодых людей в России.

Я допускаю охотно первое положение его, что действительность, т. е. политические, гражданские и общественные порядки, существующие в данное время во всякой стране, – есть окончательный итог или, вернее, результат борьбы, столкновения, взаимного уничтожения, переселения и вообще комбинации и

взаимного действия всех разнородных внутренних и внешних сил, действующих в этой стране и на эту страну. Что ж из этого следует? Во-первых, то, что изменение этих порядков не иначе возможно и никогда иначе не происходит, как через изменение самого равновесия между силами, действующими в данном обществе.

Для того чтобы решить важный вопрос, как изменились в истории и как в настоящее время могут быть изменены существующие равновесия или порядки в обществе, взглянем поближе на самую сущность общественных сил.

Точно так же, как в органическом и неорганическом мире все, что живет или даже просто механически, физически и химически существует, непременно, в какой бы то ни было мере, влияет на весь окружающий мир, точно также в обществе самое ничтожное человеческое существо представляет собою частицу общественной силы. Разумеется, что если взять эту частицу в ее полнейшем уединении, то она будет в сравнении с громадной совокупностью всех общественных сил ни-

чтожна, почти равна нулю. Поэтому, если б я сам один и без всякой связи с кем бы то ни было намеревался переменить существующие порядки только потому, что они мне, именно мне и только мне одному не нравятся, – я был бы дураком.

Если б нас собралось десять, двадцать, тридцать человек с одинаковою целью, то это было бы уж гораздо серьезнее, хотя все еще далеко не достаточно для достижения самой цели, если только эта цель по самому существу своему не чересчур ограничена и ничтожна. Дружное усилие нескольких десятков людей гораздо серьезнее всякого одинакового усилия не потому только, что сумма нескольких единиц всегда больше одной единицы, – в многомиллионном обществе сумма нескольких десятков ничтожных частиц в сравнении с громадною суммою всех общественных сил также почти равна нулю, – но потому, что когда десять или более людей соединяют свои усилия для достижения общей цели, между ними зарождается новая сила, далеко превосходящая простую арифметическую сумму их частных усилий.

В политической экономии этот факт был впервые подмечен Адамом Смитом и приписан натуральному действию разделения работы. Но в рассматриваемом мною случае действует, т. е. создает новую силу, не только разделение работы, а также, и еще в гораздо большей мере, стовор – стовор и последующее за ним непременно создание плана действия, а потом и наилучшее распределение и механическое или рассчитанное устройство многочисленных сил сообразно с созданным планом.

Дело в том, что со времени, как существует история, во всех странах, даже самых просвещенных и сознательных, вся сумма общественных сил делится на два главные, существенно друг от друга различные и часто, можно даже сказать почти всегда, друг другу противоположные разряды. На сумму сил бессознательных, инстинктивных, традиционных, как бы стихийных и совсем почти неорганизованных, хотя и исполненных жизни, и на несравненно меньшую сумму сил сознательных, стоворенных, соединенных намеренно и действующих по заданному плану и

сообразно плану механически организованных.

К первому разряду принадлежит вся многомиллионная масса народа и даже по многим отношениям значительное большинство образованного и привилегированных сословий и, наконец, даже вся низшая бюрократия и войско; хотя и сословия, и бюрократия, и войско по существу своему, по выгодам своего положения и по целесообразному, более или менее механическому устройству принадлежат ко второму разряду, центр которого, разумеется, занимает правительство. Одним словом, общество разделено на меньшинство, состоящее из эксплуататоров, и на огромную массу, более или менее сознательно эксплуатируемую.

Разумеется, что нет возможности отделить резкою чертою один мир от другого. В обществе, как в природе, самые противоположные силы в предельных пунктах сливаются. Сама бюрократия и войско представляют страннейшее смешение страдательности и деятельности в деле государственного эксплуатации, причем, разумеется, чем ниже,

тем более страдательности, чем выше, тем более сознательной деятельности.

На самом верху этой лестницы стоит немногочисленная группа чистейших и сознательнейших эксплуататоров: Верховное Правительство, т. е. прежде всего Государь-Император со всем августейшим домом своим, потом его двор, его министры, все высшие чины в военном, в гражданском и в духовном ведомстве, а рядом с ними высший финансовый, промышленный и торговый мир, заедающий, с позволения правительства и под его покровительством, все богатство или, вернее, всю бедность народную.

* * *

Что касается народа, то за исключением весьма редких моментов, в которые он, выведенный из терпения, выходил сам, собственным движением на сцену, народ играл до сих пор во всех государствах гораздо более роль зрителя, чем актера, в исторической драме, а если и был отчасти актером, так вроде тех безгласных, которых выводят на сцену для представления войска или народа.

В борьбе сословных партий между собою

народ, разумеется, был всегда призываем на помощь каждою, и каждая, пока в нем нужда-лась, обещала ему, разумеется, всевозможные блага; но лишь только борьба кончалась победой той или другой партии или их обоюд-ною сделкой, обещания естественным обра-зом забывались; мало того, народ должен был вознаградить и той и другой все убытки. При-мирение или победа не могла иначе совер-шиться, как на его исключительный счет. Впрочем, ведь иначе и быть не могло, и все-гда будет так, пока не изменятся совершенно экономические и политические условия об-щественной жизни.

О чем могут спорить сословные партии между собою? Только о богатстве и власти. Что ж такое богатство и власть, как не два неразлучные вида эксплуатирования народ-ного труда и народной неорганизованной си-лы. Все сословные партии богаты и сильны только силою и богатством, уворованными ими у народа. Значит, поражение какой бы то ни было партии есть поражение известной части силы народной; убыток и разорение ее непременно есть разорение такой же части

народного богатства.

Торжество же и обогащение торжествующей партии не только ничего не приносит народу, но ухудшает его положение; во-первых, потому что он всегда один платит все издержки борьбы; а во-вторых, потому что победившая сторона, не имея более соперника в деле эксплуатации народной жизни и силы, начинает его эксплуатировать с гораздо большею энергией и бессовестностью.

Таков опыт, сделанный всеми народными массами от начала самой истории, и народ, этот многовековой ученик, доходит, наконец, до разумного сознания, до ясного понимания вещей рядом подобных опытов, из которых каждый стоил ему невесть сколько мучения, разорения и крови.

В основании всех исторических вопросов, национальных, религиозных и политических, лежал всегда не только для чернорабочего народа, но и для всех сословий и даже для государства и церкви, самый важный, самый существенный вопрос экономический. Богатство было всегда и до сих пор остается неизменным условием для осуществления

всего человеческого: власти, силы, ума, знания, свободы. Это до такой степени справедливо, что самая идеальная церковь в мире, христианская, проповедующая презрение к благам мира сего, едва только успела победить язычество и на развалинах его поставить свое могущество, как уж устремила всю энергию свою на приобретение богатства.

Политическая сила и богатство неразлучны. Кто силен, тот имеет все средства для приобретения богатства и непременно должен стремиться к приобретению его, потому что без богатства он долго не сохранит своей силы. Кто богат, тот может и непременно должен стать сильным, потому что если у него не будет силы, сила чужая отнимет у него богатство.

Весь социальный вопрос сводится на вопрос чрезвычайно простой. Толпы народные обречены были до сих пор, всегда и везде, на нищету и на рабство. Они составляли везде и всегда огромное большинство в сравнении с притесняющим и эксплуатирующим их меньшинством. Значит, численная сила была всегда, как и теперь, на их стороне.

Почему ж не воспользовались они ею до самой настоящей минуты для того, чтоб свергнуть с себя разорительное и ненавистное иго? Можно ли представить себе, чтоб было время, когда они его любили, когда оно им не было тяжело?

Это было бы противно здравому смыслу, противно самой природе. Все живое стремится к благосостоянию и воле, и для того, чтоб ненавидеть своего притеснителя или грабителя, не нужно даже быть человеком, достаточно быть животным.

Следовательно, долготерпеливость масс объясняется другими причинами.

* * *

Одна из главных причин, несомненно, заключается в народном невежестве. Вследствие этого невежества народ не обнимает себя как солидарную и в своей солидарности всемогущую массу, он разъединен в своем понятии о себе, точно так же как под влиянием гнетущих его обстоятельств разъединен в жизни. Эта двойная разъединенность есть главный источник его ежедневного бессилия.

Вследствие этой разъединенности в наро-

де, невежественном или стоящем на низшей степени исторического образования или исторического коллективного опыта, каждое лицо, каждая община видит в претерпеваемых ими бедах и притеснениях явление личное или частное, а не общее явление, касающееся всех одинаково и долженствующее поэтому всех связать в едином и общем предприятии, отпоре или деле.

Напротив, область смотрит на область, община на общину, семья на семью и лицо на другое лицо как на врага, готового его притеснить и ограбить, а пока продолжается это взаимное отчуждение, всякой еле-еле сговорившейся и организованной партии, касте или государственной власти, представляющей собою сравнительно даже самое незначительное число людей, весьма легко терроризировать, надувать и притеснять миллионы чернорабочих.

Вторая причина, также непосредственное последствие того же самого невежества, состоит в том, что народ не видит и не знает главных источников своих бедствий и ненавидит часто только проявления причины, а

не самую причину, точно так же как собака нередко кусает палку, которою ее бьет человек, а не человека, бьющего ее палкою. Поэтому правительствам, кастам, партиям, основывавшим доселе все существование свое на заблуждении народном, было чрезвычайно легко обманывать народ, эту постоянную жертву всех государств и всякого государствения.

Не зная настоящих причин своих бед, народ, разумеется, не мог знать и тех путей, и тех средств, которыми он может от них избавиться, а прибегал или, лучше, давал себя увлекать от одного ложного пути на другой, столько же ложный, и, ища средств для спасения там, где их не было и быть не могло, сам служил средством против себя для своих эксплуататоров и притеснителей.

Таким образом, народные массы, подвигаемые все тою же самою социальною потребностью улучшения своей жизни и освобождения от нестерпимого гнета, давали себя увлекать из одной религиозной бредни в другую, из одной политической формы, созданной для их притеснения, в другую, готовящую им притеснение такое же и нередко и худшее;

точно человек, мучимый болезнью, поворачивающийся с бока на бок в надежде, что на другом боку ему будет легче, и чувствующий при каждом новом повороте, что ему все становится хуже и хуже.

Такова была до сих пор история чернорабочего люда во всех странах, в целом мире. История безнадежная, страшная, гнусная, способная привести в отчаяние всякого ищущего в ней человеческой справедливости. И все-таки в отчаяние приходиться не следует. Как она ни гадка, нельзя сказать, чтоб она прошла даром и не принесла никакой пользы. Что ж делать, если самой природой своей человек осужден путем всевозможных мерзостей и мучений доработываться из тьмы крошечной до разума, из скотства до человечества!

Путем исторических заблуждений и неразлучных с ними бед образовались безграмотные толпы. Они потом и кровью, нищетой, голодом, рабской работой, мучением и смертью платили за каждое новое движение, в которое их вовлекали эксплуатировавшие их меньшинства. Вместо книг, которых они читать не умели, вся история записывалась на

их шкуре. Такие уроки не забываются. Платя так дорого за каждую новую веру, надежду, ошибку, народные толпы рядом исторических глупостей доходят до разума.

Они дознали горьким опытом суетность всех религиозных верований, всех национальных и политических движений, вследствие чего в их понимании впервые поставился определенно и ясно социальный вопрос, вопрос, который один соответствует их первоначальному и многовековому инстинкту, но который в продолжение веков, от самого начала государственной истории, был заслонен от них религиозными, политическими и патриотическими туманами. Туманы рассеяны, и вся Европа охвачена ныне социальным вопросом.

Народные массы в настоящее время везде начинают понимать настоящую причину всех своих бед, начинают понимать свою солидарность и сравнивать свое число, неотъемлемое, с ничтожным числом своих вековых грабителей... Но если они уже дошли до такого сознания, что ж мешает им освободиться теперь?

Недостаток организации, трудность сговора.

Мы видели, что во всяком исторически развитом обществе, например, хоть во всех нынешних обществах европейских, вся масса людей разделяется на три главные категории:

на огромное большинство массы, совсем неорганизованной, эксплуатируемой, но не эксплуатирующей;

на довольно значительное меньшинство, обнимающее все государственные сословия; меньшинство, в разную меру эксплуатирующее и эксплуатируемое, притеснительное и притесненное вместе;

и, наконец, на самое незначительное меньшинство чистых и совершенно сознательных и сговоренных между собою эксплуататоров и притеснителей – верховно-правительственное сословие.

Мы видели, что по мере своего разрастания и дальнейшего развития большинство государственных сословий само превращается в полуинстинктивную, пожалуй, государственно-организованную, но не сговоренную, не сознательно двигающуюся и действующую

массу, так что в отношении к чернорабочей массе, совсем не организованной, оно, разумеется, продолжает играть роль эксплуататорскую, продолжает эксплуатировать народ уже не по сословному преднамерению и не вследствие сговора, а на основании привычки, традиционного и юридического права, веря большею частью в законность и святость этого права; но в то же самое время в отношении к правительственному, сознательно сговоренному меньшинству оно играет в той или другой мере страдательную роль более или менее эксплуатируемой жертвы.

А так как у сословного большинства, хотя и недостаточно организованного, все-таки несравненно более богатства, свободы движения и действия, образования и всех других средств, необходимых для заговора и для создания организации, чем у чернорабочего люда, то и случалось нередко, что из среды сословного большинства подымались бунты и что эти бунты одерживали победу над правительством и ставили на его место другое, свое.

* * *

Таковы были доселе все внутренние политические перевороты, о которых нам повествует история. Из таких переворотов и бунтов для народа собственно, разумеется, не могло произойти никакого добра. Бунты сословные делаются за обиды сословные, а не за народные, имеют сословные, а не народные цели. Как бы ни спорили сословия между собою и как бы они ни восставали против существующего правительства, ни одна сословная революция не имела еще и не могла иметь целью низвержение тех экономических и политических основ государства, которые делают возможным эксплуатирование чернорабочих масс, т. е. самое существование сословности и сословий.

Как бы революционно ни было настроение сословий, как бы они ни ненавидели той или иной государственной формы, само государство для них свято; целость, сила, все интересы его провозглашаются ими единодушно как высшие интересы. Патриотизм, т. е. жертвование собою, своим лицом и имуществом для государственных целей, всегда признавался и до сих пор признается ими за высшую добро-

детель.

Поэтому ни одна революция, как бы она насильственна и дерзка ни была в своих проявлениях, не смела наложить святотатской руки на священный ковчег государства – а так как никакое государство без организации, без администрации, без войска и без довольно значительного количества людей, облеченных властью, т. е. без правительства, невозможно, то за свержением одного правительства всегда следовало постановление другого, более симпатичного или более полезного для восторжествовавших сословий.

Но, как бы оно ни было для них полезно и симпатично, новое правительство после первого медового месяца непременно начнет навлекать на себя негодование тех же самых сословий. Такова уж природа всякой власти, что она обречена делать зло. Я не говорю уже о зле народном; государство, эта крепость сословная, и правительство, как блюститель государственных интересов, для народа, в какой бы форме они ни существовали, – непременно и безусловное зло. Нет, говорю о зле, претерпеваемом самими сословиями, для ис-

ключительного блага которых существование и государства, и правительства необходимо, – говорю, что, несмотря на эту необходимость, оно всегда тяжело ложится на них и, служа их государственным интересам, не менее того их обирает и притесняет, разумеется, не в такой мере, в какой оно обирает и притесняет народ.

Правительство, не злоупотребляющее властью, не притеснительное, не лицеприятное и не ворующее, действующее только в смысле общесловных интересов и не забывающее их очень часто в заботе об исключительном удовлетворении лиц, стоящих во главе его, – такое правительство – это квадратура круга, идеал недостижимый, потому что противный человеческой природе. А природа человека, всякого человека, такая, что дайте ему власть над собою, он вас притеснит непременно, поставьте его в положение исключительное, вырвите его из равенства, он сделается негодяем.

Государственные сословия давно в этом убедились и создали даже пословицу, которая гласит, что «правительство есть необходимое

зло», необходимое опять-таки, разумеется, только для них, отнюдь не для народа, для которого само государство, ради которого необходимо правительство, есть зло не необходимое, а гибельное.

Для возможного уменьшения сословного зла, творимого непременно всяким правительством, государственные сословия придумали разные конституционные порядки и формы, которые обрекли ныне существующие европейские государства на беспрестанное колебание между сословной анархией и правительственным деспотизмом и которые до такой степени расшатали государственное здание, что даже мы, старики, можем надеяться быть еще свидетелями и помощниками его окончательного разрушения. Но нет сомнения, что, когда время разгрома наступит, огромное большинство людей, принадлежащих к государственным сословиям, как бы им ни были ненавистны существующие правительства, сплотятся вокруг них и будут защищать их против разъяренного чернорабочего люда, дабы спасти государство, спасти краеугольный камень своего сослов-

ного существования.

Почему ж правительство так необходимо для сохранения государства? Потому, что никакое государство без постоянного заговора существовать не может, заговора, направленного, разумеется, против народных чернорабочих масс, ради порабощения и правильного обирания которых существуют решительно все государства; и в каждом государстве правительство – не что иное, как заговор постоянный меньшинства против обираемого и порабощаемого им большинства.

Из самого существа государства выходит ясно, что не было и не может быть такого государственного устройства, которое не было бы совершенно противно интересам народным и к которому вследствие того народные массы не питали бы, сознательно или бессознательно, глубокой ненависти. При большой неразвитости масс случается, что они не только что не восстают против самого государства, но даже относятся к нему как будто бы с уважением, с любовью, ожидая от него возмездия, правды, и кажутся поэтому преисполненными патриотических чувств. Но

вглядитесь хорошенько в действительные отношения любого и даже самого патриотического народа к своему государству и вы увидите, что они любят и чтят в нем только идеальное представление, отнюдь же не его настоящие проявления.

Его действительность, его настоящую суть, поскольку она приходит в действительное соприкосновение с народом, народ ненавидит всегда и всегда готов разрушить ее, если только его не удерживает организованная правительственная сила.

* * *

Но чем более эксплуатирующее меньшинство умножается в государстве, тем менее оно становится способным к непосредственному управлению государственными делами. Многосторонность и разнородность интересов сословных порождают разногласие, а разногласие в свою очередь вызывает беспорядок, анархию, расслабление государственного строя, необходимого для удержания обираемого народа в должном повиновении. Поэтому сама выгода всех сословий без исключения требует непременно, чтоб из среды их

выработалось еще более тесное, правительственное меньшинство, способное вследствие относительной малочисленности своей сговориться между собою, организовать и организовать в пользу сословий и против народа государственные силы.

Всякое правительство имеет двойную цель: одну главную и громко признаваемую – сохранение и усиление государства, цивилизации и порядка гражданского, т. е. систематического и узаконенного преобладания сословий над эксплуатируемым ими народом. Другую, в глазах самого правительства чуть ли не столь же важную, хотя и не так охотно признаваемую целью, – сохранение своих, тесно правительственных преимуществ и своего личного состава. Первая цель относится к благу общесословному, вторая же относится только до честолюбия и до исключительных выгод правительственных лиц.

Первою целью правительство ставится во враждебное отношение только к народу; вторую же и к народу, и к сословиям вместе, и даже бывают в истории моменты, когда для достижения ее оно как бы становится к сосло-

виям еще враждебнее, чем к самому народу. Это случается, именно когда сословия, недобольные им, стараются его свергнуть или уменьшить его власть. Тогда чувство самосохранения заставляет правительство забывать иногда свою главную цель, составляющую весь смысл его существования: сохранение государства или сословного преобладания и блага против народного бунта. Но такие моменты долго продолжаться не могут, потому что правительству, какое бы оно ни было, так же невозможно существовать без сословий, как и сословиям без правительства. За неимением другого оно создает сословие бюрократическое, подобное нашему в России.

Вся правительственная задача состоит единственно в следующем: как наименьшими и наилучше организованными средствами и силами, взятыми у народа, держать этот народ в повиновении или гражданском порядке и как, с одной стороны, предохранить независимость не говорю, народа, о котором здесь и речи не может быть, но своего государства против честолюбивых замыслов соседних держав, а с другой стороны, как увели-

читать свои владения в ущерб тем же самым державам.

Одним словом, война внутри, война внаружу – вот жизнь правительства. Оно должно быть вооружено и начеку беспрестанно против врагов внутренних и внешних. Дыша само притеснением и обманом, оно должно смотреть на всех внутри и внаруже как на врагов и должно быть против всех в заговоре.

Впрочем, вражда государств и заправляющих ими правительств между собою никак не может сравниться с враждою каждого из них к своему чернорабочему народу; и точно так же как два сословия, борющиеся между собою, готовы позабыть самую непримиримую вражду ввиду восстания чернорабочего люда, точно так же два государства и правительства, воюющие друг против друга, готовы будут помириться, лишь только в одном из них подымется социальная революция.

Главный и самый существенный вопрос, равно для всех правительств, государств и сословий, в той или другой форме и под каким бы то ни было предлогом или названием – это покорение и содержание в рабстве народа,

потому что это вопрос жизни и смерти для всего, что называется ныне цивилизацией или гражданственностью.

Для достижения таковой цели правительствам все позволено. Что в частной жизни называется гнусностью, подлостью, преступлением, то для правительства становится доблестью, добродетелью, долгом. Макиавелли был тысячу раз прав, утверждая, что существование, преуспеяние и сила всякого государства – монархического или республиканского все равно – должно быть основано на преступлении.

Жизнь каждого правительства есть по необходимости непрерывный ряд подлостей, гнусностей и преступлений против всех чужеземных народов, а также, и главным образом, против своего собственного чернорабочего люда, есть нескончаемый заговор против благосостояния народа и против свободы его.

* * *

Правительственная наука выработалась и усовершенствовалась веками. Я не думаю, чтоб кто-нибудь мог упрекнуть меня в преувеличении, если я назову ее наукою выше-

го государственного мошенничества, добытого среди постоянной борьбы опытом всех государств, прошедших и настоящих.

Это наука о том, как грабить народ наименее для него чувствительным образом, так, чтоб не оставить у него ничего лишнего, потому что всякое лишнее богатство дало бы ему лишнюю силу, но вместе с тем так, чтоб и не отнять у него последнего, необходимого для его паскудной жизни и для дальнейшего производства богатств {Мы должны быть благодарны нашему правительству за то, что оно соблюдает так плохо это благоразумное правило.}; наука о том, как брать из народной среды солдат и, организовав их посредством искусственной дисциплины, как создавать войско, эту главную государственную, народопротивную и народоукротительную силу; как умным и целесообразным распределением нескольких десятков тысяч солдат по главнейшим пунктам известного края держать в страхе и повиновении миллионы людей; наука о том, как покрывать целые страны мельчайшею бюрократической сетью и как рядом бюрократических порядков, узаконений и

мер опутать, разъединить и обессилить народные массы так, чтоб они не могли ни створиться, ни соединиться, ни двинуться, чтоб они всегда оставались в относительном, спасительном для правительства, для государства и для сословий невежестве и чтоб к ним не могли подойти ни мысль новая, ни живой человек.

Вот единственная цель всякой правительственной организации, правительственного постоянного заговора против народа. И этот заговор, признаваемый всеми законным и не дающий себе даже труда скрывать свои действия, ни даже от себя отпираться, обнимает наружу всю дипломатию, внутри всю администрацию: военную, гражданскую, полицейскую, судебную, финансовую, просветительную и церковную.

Русское завоевательное государство

(Из работы «Государственность и анархия»)

Со времени образования новой государственности в истории, с самой половины шестнадцатого века, Германия, причисляя к ней Австрийскую империю, поскольку она немецкая, никогда не переставала быть, в сущности, главным центром всех реакционных движений в Европе, даже не исключая того времени, когда великий коронованный вольнодумец Фридрих II переписывался с Вольтером.

Немцы стараются уверить себя и других, что главным зачинщиком всех реакционных мерзостей была Россия. Мы не станем защищать императорскую Россию, потому что именно вследствие нашей глубокой любви к русскому народу, именно потому, что мы страстно желаем ему полнейшего преуспевания и свободы, мы ненавидим эту поганую всероссийскую империю так, как ни один

немец ее ненавидеть не может. Русские социальные революционеры стремятся прежде всего к совершенному разрушению нашего государства, убежденные в том, что пока государственность, в каком бы то виде ни было, будет тяготеть над нашим народом, народ этот будет нищим рабом.

Не из желания защищать политику петербургского кабинета, а ради истины, которая всегда и везде полезна, мы ответим немцам следующее. Что русская империя, по существу своему, не может хотеть другого влияния на Европу, кроме самого зловредного и противусвободного, что всякий новый факт государственной жестокости и торжествующего притеснения, всякое новое потопление народного бунта в народной крови, в какой бы то стране ни было, всегда встретят в ней самые горячие симпатии, кто может в этом сомневаться? Но не в этом дело. Вопрос в том, как велико ее действительное влияние, и занимает ли она по своему уму, могуществу и богатству такое преобладающее положение в Европе, чтобы голос ее был в состоянии решать вопросы?

Достаточно вникнуть в историю последнего шестидесятилетия, а также и в самую суть нашей татаро-немецкой империи, чтобы ответить отрицательно. Россия далеко не такая сильная держава, какою любит рисовать ее себе хвастливое воображение наших квасных патриотов, ребяческое воображение западных и юго-восточных панславистов, а также обезумевшее от старости и от испуга воображение рабствующих либералов Европы, готовых преклоняться перед всякою военною диктатурою, домашнею и чужою, лишь бы она их только избавила от ужасной опасности, грозящей им со стороны собственного пролетариата.

Кто, не руководствуясь ни надеждою, ни страхом, смотрит трезво на настоящее положение петербургской империи, тот знает, что на западе и против запада она собственно инициативною, не будучи вызвана к тому какою-либо великою западною державою и не иначе как в самом тесном союзе с нею, никогда ничего не предпринимала и предпринять не может. Вся ее политика состояла искони только в том, чтобы примазаться как-нибудь

к чужому начинанию; и со времени хищнического разделения Польши, задуманного, как известно, Фридрихом II, предлагавшим было Екатерине II разделить между собою точно так же и Швецию, Пруссия была именно тою западною державою, которая не переставала оказывать эту услугу всероссийской империи.

Следует отметить, что новейшее государство по своему существу и цели есть необходимо военное государство, а военное государство с тою же необходимостью становится государством завоевательным; если же оно не завоевывает само, то оно будет завоевано по той простой причине, что где есть сила, там непременно должно быть и обнаружение или действие ее. Из этого опять-таки следует, что новейшее государство непременно должно быть огромным и могучим государством; это есть неперемненное условие сохранения его.

* * *

Итак, общество не может быть и оставаться государством, если не сделается завоевательным государством. Та самая конкуренция, которая на экономическом поле уничто-

жает и поглощает небольшие и даже средние капиталы, фабричные заведения, поземельные владения и торговые дома в пользу огромных капиталов, фабрик, имуществ и торговых домов, уничтожает и поглощает маленькие и средние государства в пользу империй. Отныне всякое государство, если оно хочет существовать не на бумаге только и не по милости его соседей, пока им угодно терпеть его существование, но действительно, самостоятельно, независимо, должно непременно быть завоевательным.

Но быть завоевательным государством значит быть вынужденным держать в насильном подчинении много миллионов чужого народа. Для этого необходимо развитие громадной военной силы. А где торжествует военная сила, прощай, свобода! Особенно прощай, воля и благоденствие рабочего народа. Из этого следует, например, что образование великого славянского государства есть не что иное, как образование громадного славяно-народного рабства.

«Но, — ответят нам славянские государственники, — мы не хотим одного великого

славянского государства, мы желаем только образования нескольких чисто славянских государств средней величины как необходимо-го залога для независимости славянских народов». Но это мнение противно логике и историческим фактам, силе вещей; никакое государство средней величины существовать самостоятельно теперь не может. Значит, или славянских государств не будет, или будет одно громадное и всепоглощающее государство панславистское, кнутовое, петербургское.

Да и может ли славянское государство бороться против громадного могущества новой пангерманской империи, если оно само не будет столь же громадно и столь же могущественно? Рассчитывать на дружное действие многих отдельных государств, связанных одними интересами, никогда не следует; во-первых, потому что соединение разнородных организаций и сил, хотя бы равнялось или даже превышало по числу сил противников, все-таки слабее последних, потому что последние однородны и организация их, повинующаяся одной мысли, одной воле, крепче и проче; во-вторых, потому что никогда не следует рас-

считывать на дружное содействие многих держав, даже и тогда, когда их собственные интересы требуют такого союза.

Правители государств, точно так же как и простые смертные, большею частью поражены слепотою, мешающею им видеть за интересом и за страстями минуты существенные требования их собственного положения. Значит, на правительственный ум соседних держав рассчитывать не должно, надо рассчитывать на свои собственные силы, и эти силы должны, по крайней мере, равняться силам противника. Стало быть, ни одно славянское государство, взятое отдельно, не будет в состоянии противиться напору пангерманской империи.

Но нельзя ли будет противопоставить пангерманской централизации панславянскую федерацию, т. е. союз самостоятельных славянских государств или штатов, вроде Северо-Американского или Швейцарского? И на этот вопрос мы должны отвечать отрицательно.

Во-первых, чтобы какой-нибудь союз мог состояться, необходимо, чтобы всероссийская

империя разрушилась, чтобы она распалась на много отдельных и друг от друга независимых и только федеративно друг с другом связанных государств, потому что соблюдение независимости и свободы небольших или даже средних славянских государств в таком федеративном союзе с такою громадною империею просто немыслимо.

Положим даже, что петербургская империя распадется на большее или меньшее число вольных штатов, и в таком случае, утверждаем мы, эта федерация не будет в состоянии бороться против пангерманской централизации по той простой причине, что военно-государственная сила будет всегда на стороне централизации.

Федерация штатов может до некоторой степени гарантировать буржуазную свободу, но государственно-военной силы создать не может потому именно, что она федерация; государственная сила требует непременно централизации. Нам укажут на пример Швейцарии и Соединенных Штатов Америки. Но Швейцария именно ради увеличения своих военных и государственных сил стремится те-

перь явным образом к централизации, а федерация остается поныне возможною в Северной Америке потому только, что на американском континенте в соседстве с великою республикою нет ни одного могучего централизованного государства вроде России, Германии или Франции.

* * *

Итак, чтобы противодействовать на государственном или политическом поприще торжествующему пангерманизму, остается одно только средство – создать панславянское государство? Средство во всех других отношениях чрезвычайно невыгодное для славян, потому что оно непременно повлечет за собою общее славянское рабство под всероссийским кнутом.

В немецкой крови, в немецком инстинкте, в немецкой традиции есть страсть государственного порядка и государственной дисциплины, в славянах же не только нет этой страсти, но действуют и живут страсти совершенно противные; поэтому, чтобы дисциплинировать их, надо держать их под палкою, в то время как всякий немец с убеждением сво-

бодно съел палку. Его свобода состоит именно в том, что он вымуштрован и охотно преклоняется перед всяким начальством.

Притом немцы народ серьезный и работающий, они учены, бережливы, отчетливы и расчетливы, что не мешает им, когда надо, а именно, когда того хочет начальство, отлично драться. Они доказали это в последних войнах. К тому же их военная и административная организация доведена до наивозможнейшей степени совершенства, степени, которой никакой другой народ никогда не достигнет. Так вообразимо ли, чтоб славяне могли состязаться с ними на поле государственности!

Немцы ищут жизни и свободы в государстве; для славян же государство есть гроб. Славяне должны искать своего освобождения вне государства, не только в борьбе против немецкого государства, но во всенародном бунте против всякого государства, в Социальной Революции.

Организовать народные силы для совершения такой революции – вот единственная задача людей, искренно желающих освобож-

дения славянского племени из-под многолетнего ига. Эти передовые люди должны понять, что то самое, что в прошедшие времена составляло слабость славянских народов, а именно их неспособность образовать государство, в настоящее время составляет их силу, их право на будущность, дает смысл всем их настоящим народным движениям.

Несмотря на громадное развитие новейших государств и вследствие этого окончательного развития, доведшего, впрочем, совершенно логически и с неотвратимой необходимостью самый принцип государственности до абсурда, стало ясно, что дни государств и государственности сочтены и что приближаются времена полного освобождения чернорабочих масс и их вольной общественной организации снизу вверх, без всякого правительственного вмешательства из вольных экономических, народных союзов, помимо всех старых государственных границ и всех национальных различий, на одном основании производительного труда, совершенно очеловеченного и вполне солидарного при всем своем разнообразии.

Передовые славянские люди должны наконец понять, что время невинной игры в славянскую филологию прошло и что нет ничего нелепее и вместе вреднее, народо-убийственнее, как ставить идеалом всех народных стремлений мнимый принцип национальности. Национальность не есть общечеловеческое начало, а есть исторический, местный факт, имеющий несомненное право, как все действительные и безвредные факты, на общее признание. Всякий народ или даже народец имеет свой характер, свою особую манеру существовать, говорить, чувствовать, думать и действовать; и этот характер, эта манера, составляющие именно суть национальности, суть результаты всей исторической жизни и всех условий жизни народа.

Всякий народ, точно так же как и всякое лицо, есть поневоле то, что он есть и имеет несомненное право быть самим собою. В этом заключается все так называемое национальное право. Но если народ или лицо существуют в таком виде и не могут существовать в другом, из этого не следует, чтобы они имели право и что для них было бы полезно ста-

вить – одному свою национальность, другому свою индивидуальность как особые начала и чтобы они должны были вечно возиться с ними. Напротив, чем меньше они думают о себе и чем более проникаются общечеловеческим содержанием, тем более оживотворяется и получает смысл национальность одного и индивидуальность другого.

Так точно и славяне. Они останутся чрезвычайно ничтожны и бедны, пока будут продолжать хлопотать о своем узком, эгоистическом и вместе с тем отвлеченном славянизме, постороннем, а по тому самому противном общечеловеческому вопросу и делу, и завоюют они только тогда как славяне свое законное место в истории и свободном братстве народов, когда проникнутся вместе с другими мировым интересом.

* * *

Мы, русские, все до последнего, можно сказать, человека знаем, что такое, с точки зрения внутренней жизни ее, наша любезная всероссийская империя. Для небольшого количества, может быть, для нескольких тысяч людей, во главе которых стоит император со

всем августейшим домом и со всею знатною челядью, она – неистощимый источник всех благ, кроме умственных и человечески-нравственных; для более обширного, хотя все еще тесного меньшинства, состоящего из нескольких десятков тысяч людей, высоких военных, гражданских и духовных чиновников, богатых землевладельцев, купцов, капиталистов и паразитов, она – благодущная, благодетельная и снисходительная покровительница законного и весьма прибыльного воровства; для обширнейшей массы мелких служащих, все-таки еще ничтожной в сравнении с народною массою, – скупая кормилица; а для бесчисленных миллионов чернорабочего народа – злодейка-мачеха, безжалостная обирательница и в гроб загоняющая мучительница.

Такою она была до крестьянской реформы, такую осталась теперь и будет всегда. Доказывать это русским нет никакой необходимости. Какой же взрослый русский не знает, может не знать этого?

Русское образованное общество разделяется на три категории: на таких, которые, зная

это, находят для себя слишком невыгодным признавать эту истину, несомненную точно так же для них, как и для всех; на таких, которые не признают ее, не говорят о ней из боязни; и наконец, на тех, которые за неимением другой смелости, по крайней мере, дерзают ее высказывать.

Есть еще четвертая категория, к несчастью слишком малочисленная и состоящая из людей не на шутку преданных народному делу и не довольствующихся высказыванием.

Есть, пожалуй, пятая, далее и не столь малочисленная категория людей, ничего не видящих и ничего не смыслящих. Ну, да с этими и говорить нечего.

Всякий сколько-нибудь мыслящий и добросовестный русский должен понимать, что наша империя не может переменить своего отношения к народу. Всем своим существованием она обречена быть губительницею его, его кровопийцею. Народ инстинктивно ее ненавидит, а она неизбежно его гнетет, так как на народной беде построено все ее существование и сила.

Для поддержания внутреннего порядка,

для сохранения насильственного единства и для поддержания внешней даже не завоевательной, а только самоохраняющей силы ей нужно огромное войско, а вместе с войском нужна полиция, нужна бесчисленная бюрократия, казенное духовенство... Одним словом, огромный официальный мир, содержание которого, не говоря уже о его воровстве, неизбежно давит народ.

Нужно быть ослом, невеждою, сумасшедшим, чтобы вообразить себе, что какая-нибудь конституция, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы изменить к лучшему это отношение государства к народу; ухудшить, сделать его еще более обременительным, разорительным – пожалуй, хотя и трудно, потому что зло доведено до конца; но освободить народ, улучшить его состояние – это просто нелепость!

Пока существует империя, она будет заедать наш народ. Полезная конституция для народа может быть только одна – разрушение империи.

Наша империя более чем всякие другие есть государство по преимуществу не только

военное, потому что для образования по возможности огромной военной силы она с самого первого дня своего основания жертвовала и теперь жертвует всем, что составляет жизнь, преуспевание народа. Но, как военное государство, она хочет иметь одну цель, одно дело, дающее смысл ее существованию, – завоевание.

Вне этой цели она просто нелепость.

* * *

Итак, завоевания во все стороны и во что бы то ни стало – вот вам нормальная жизнь нашей империи. Именно поэтому для всякого сколько-нибудь знающего и понимающего Россию должно быть ясно, что никакая война наступательная, предпринятая нашим правительством, не будет национальной в России. Во-первых, потому, что наш народ не только чужд всякого государственного интереса, но даже инстинктивно противен ему. Государство – это его тюрьма; какая же ему нужда укреплять свою тюрьму?

Во-вторых, между правительством и народом нет никакой связи, ни одной живой нити, которая могла бы соединить их, хотя на

одну минуту, в каком бы то ни было деле, нет даже способности, ни возможности взаимного разумения; что для правительства бело, то для народа черно, и обратно, что народу кажется очень бело, что для него жизнь, раздолье, то для правительства смерть.

Спросят, может быть, с Пушкиным: «Иль русского царя уже бессильно слово?». Да, бессильно, когда оно требует от народа, что противно народу. Пусть он только мигнет и кликнет народу: вяжите и режьте помещиков, чиновников и купцов, заберите и разделите между собою их имущество – одного мгновенья будет достаточно, чтобы встал весь русский народ и чтобы на другой день даже и следа купцов, чиновников и помещиков не осталось на русской земле. Но, пока он будет приказывать народу платить подати и давать солдат государству, а на пользу помещиков и купцов работать, народ будет повиноваться, нехотя, под палкою, как теперь, а когда сможет, то и не послушается. Где же тут магическое или чудотворное влияние царского слова?

И что же может царь сказать народу тако-

го, что бы могло взволновать его сердце или разгорячить его воображение? В 1828, объявляя войну Оттоманской Порте под предлогом обид, претерпеваемых греческими и славянскими единоверцами нашими в Турции, император Николай попробовал было своим манифестом, прочитанным в церквах, расшевелить в нем религиозный фанатизм. Попытка оказалась вполне неудачною. Если где у нас существует страшная и упорная религиозность, то разве только в раскольниках, менее всех признающих и государство, и даже самого императора. В православной же и казенной церкви царствует мертвый, рутинный церемониал рядом с глубочайшим индифферентизмом.

В начале крымской кампании, когда Англия и Франция объявили войну, Николай еще раз попытался возбудить религиозный фанатизм в народе, и столь же неудачно. Да, были народные ополчения. Но всем известно, как они были сформированы. Большею частью по царскому приказанию и по начальственному распоряжению. Это была тоже рекрутчина, только в другом виде и срочная.

Вот каков государственный интерес нашего крестьянства! В купечестве и дворянстве патриотизм выразился самым оригинальным образом: неумными речами, громкими верно-подданническими заявлениями, а главное, обедами да попойками. Когда же надо было одним давать деньги, другим самолично идти на войну во главе своих мужиков, охотников оказалось очень немного. Всякий старался поставить за себя другого. Ополчение наделало много шума, а пользы не принесло никакой. Но Крымская война была даже не наступательная, а оборонительная, значит, могла, должна была сделаться национальной, и почему же, однако, не сделалась? Потому, что наши высшие классы гнилы, пошлы, подлы, а народ естественный враг государства...

Скажете вы, что в случае нужды Россия, т. е. всероссийская империя, в состоянии поставить миллион войска; отчего же и не поставить, да только на бумаге. Стоит для этого только предписать указом новый рекрутский набор по столько-то с тысячи. Вот вам и ваш миллион. Да как его собрать? Кто будет его собирать? Ваши резервные генералы, гене-

рал-адъютанты, флигель-адъютанты, командиры резервных и гарнизонных батальонов на бумаге, ваши губернаторы, чиновники, Боже мой, сколько же десятков, а пожалуй, и сотен тысяч уморят они с голоду, прежде чем их соберут.

Да где вы, наконец, возьмете достаточное количество офицеров для организации нового миллионного войска и чем вооружите его? Палками? Ведь у вас нет достаточного количества денег для порядочного вооружения одного миллиона, а вы грозитесь вооружить другой миллион. Ни один банкир не даст вам займы; ну а если и даст, ведь на вооружение миллиона требуются года.

И этот-то народ надеются поднять во имя славянского вопроса! Есть между нашими славянофилами несколько честных людей, которые не на шутку верят, что русский народ горит нетерпением лететь на помощь «братьям славянам». Его чрезвычайно удивили бы, сказав ему, что он сам славянский народ.

Мы не должны обманывать славян. Те, которые говорят им о каком бы то ни было уча-

стии русского народа в славянском вопросе, или сами себя жестоко надувают, или бессовестным образом лгут и, разумеется, лгут с нечистыми целями. И если мы, русские социалисты-революционеры, зовем славянский пролетариат и славянскую молодежь на общее дело, то вовсе не предлагаем им как общую почву для дела наше общее более или менее славянское происхождение.

Мы можем признать только одну почву: Социальную Революцию, вне которой мы не видим спасения ни для их народов, ни для нашего, и думаем, что именно на этой почве, вследствие многих одинаковых черт в характере, в исторической судьбе, в прошедших и настоящих стремлениях всех славянских народов, а также и вследствие их одинакового отношения к государственным поползновениям германского племени, они могут братски соединиться, не для того, чтобы создать общее государство, а для того, чтобы разрушить все государства, и не для того, чтобы составить между собою замкнутый мир, а для того, чтобы вместе вступить на всемирное поприще, начиная по необходимости с заключе-

ния тесного союза с народами латинского племени.

* * *

Следует сказать еще о позиции Польши. Целый век прошел со времени разделения Польши, и в продолжение этих ста лет не прошло почти ни одного года, в который бы не была пролита мученическая кровь патриотов польских. Сто лет непрерывной борьбы, отчаянных бунтов! Есть ли другой народ, который мог бы похвастаться подобною доблестью?

Поляки мученики и герои, у них в прошедшем великая слава; славяне же еще дети, и все значение их в будущем. Славянский мир, славянский вопрос – это не действительность, а надежда, которая осуществиться может только посредством Социальной Революции; а к этой революции у поляков, говоря, разумеется, о патриотах, принадлежащих большею частью к образованному сословию и по преимуществу к шляхте, до сих пор выказывалось очень немного охоты.

Что же может быть общего между славянским миром, еще не существующим, и патри-

отически-польским миром, более или менее отжившим? И действительно, за исключением весьма немногих лиц, старающихся создать славянский вопрос в польском духе и на польской почве, поляки вообще нисколько не занимаются этим вопросом, им гораздо понятнее и ближе мадьяры, с которыми они имеют некоторое сходство и много общих исторических воспоминаний, от славян же южных и западных отделяют их главным и, можно сказать, решительным образом симпатии этих народов к России, т. е. к тому из врагов, которого они сами ненавидят более всех.

До 1850 г. можно сказать, что огромное большинство польской эмиграции революционное, именно потому, что большинство было уверено, что восстановление независимой Польши будет непременно результатом торжества революции в Европе. И что же, можно сказать, что в 1848 г. не было ни одного движения в целой Европе, в котором бы не участвовали и даже часто не предводительствовали поляки. Нам помнится, как один саксонский немец выразил на этот счет свое удивление: где только беспорядок, там непре-

менно поляки!

В 1850 г. вследствие повсеместного поражения эта вера в революцию упала, поднялась наполеоновская звезда, и множество, множество польских эмигрантов, огромное большинство сделали отъявленными и страшными бонапартистами. Боже мой, чего не ждали и не надеялись они от помощи Наполеона III! Даже явная, гнусная измена его в 1862—63 г. не в силах была убить в них этой веры. Она окончилась только в Седане.

Австрийские и большинство польских патриотов ринулось в Галицию, ринулось туда с отчаяния. Но вообразите себе, что Бисмарк, их отъявленный враг, вынужденный положением Германии, позовет их на восстание против России; покажет им не отдаленную надежду, нет, даст им деньги, оружие и военную помощь. Возможно ли, чтобы они отказались от этого?

Правда, что взамен этой помощи от них потребуются формальное отречение от большей части старых польских земель, находящихся теперь во владении Пруссии, Это будет им очень горько, но вынужденные обстоя-

тельствами и ввиду верного торжества над Россией, утешая себя, наконец, мыслью, что лишь бы только восстановить Польшу, а потом они возвратят свое, они поднимут все несомненно и с своей точки зрения будут десять тысяч раз правы.

Правда, что Польша, восстанавливаемая с помощью немецкого войска, под покровительством князя Бисмарка, будет странною Польшею. Но лучше странная Польша, чем никакой; да наконец, потом, подумают непременно поляки, можно будет и освободиться от покровительства князя Бисмарка.

* * *

Одним словом, для всероссийской империи ворота Европы отныне заперты. Но если ворота северо-запада заперты для нее навсегда, не останутся ли открытыми, и, может быть, еще тем вернее и шире, ворота южные и юго-восточные: Бухара, Персия и Афганистан до самой восточной Индии и, наконец, последняя цель всех замыслов и стремлений, Константинополь? Уже давно русские политики, горячие ревнители величия и славы нашей любезной империи, обсуждают вопрос,

не лучше ли перенести столицу, а с ней вместе и средоточие всех сил, всей жизни империи с севера на юг, от суровых берегов моря Балтийского на вечно цветущие берега Черного и Средиземного морей, одним словом, из Петербурга в Константинополь.

Есть, правда, до того ненасытные патриоты, что они хотели бы сохранить Петербург и преобладание на Балтийском море и вместе овладеть Константинополем. Но это желание до того неосуществимо, что даже они, несмотря на всю веру во всемогущество всероссийской империи, начинают отказываться от надежды на его исполнение.

Есть много разных условий, чтобы народ, замкнутый в государство, мог принять участие в мировом движении; сюда принадлежит природный ум и прирожденная энергия, образованность, способность к производительному труду и самая обширная внутренняя свобода, столь невозможная, впрочем, для масс в государстве.

На основании справедливой оценки характера и способностей немецких и русских, не говоря уже о денежных средствах, о сравни-

тельном количестве добросовестных, преданных и знающих чиновников всякого рода и также не говоря о науке, которая дает решительный перевес всем немецким предприятиям перед русскими.

Немецкая государственная служба дает результаты некрасивые, неприятные, можно сказать, мерзкие, но зато положительные и серьезные.

Русская государственная служба дает результаты столь же неприятные и некрасивые, а по форме нередко еще более дикие и с этим вместе пустые. Возьмем пример: положим, что в одно и то же время в Германии и в России правительства назначили одну и ту же сумму, положим, миллион, на совершение какого-нибудь дела. Что же вы думаете, в Германии украдут? Украдут, быть может, сто тысяч, положим, двести тысяч, зато уж восемьсот тысяч прямо пойдут на дело, которое совершится с тою аккуратностью и с тем знанием, которым отличаются немцы. Ну, а в России? В России прежде всего половину раскрадут, четверть пропадет вследствие нерадения и невежества, так что много-много, если на осталь-

ную четверть состряпают что-нибудь гнилое, годящееся напоказ, но для дела негодное.

Как мы уже сказали, русское государство по преимуществу – военное государство. В нем все подчинено единому интересу могущества всенасилующей власти. Государь, государство – вот главное; все же остальное – народ, даже сословные интересы, процветание промышленности, торговли и так называемой цивилизации – лишь средства для достижения этой единой цели. Без известной степени цивилизации, без промышленности и торговли никакое государство, и особенно новейшее, существовать не может, потому что так называемое богатство национальное, далеко не народное, а богатство привилегированных сословий, есть сила. В России оно все поглощается государством, которое, в свою очередь, становится кормильцем огромного государственного класса – военного, гражданского и духовного. Казенное повсеместное воровство, казнокрадство и народообирание есть самое верное выражение русской государственной цивилизации.

При поголовной нищете всего русского на-

рода, доведенного отеческим управлением до столь отчаянного положения, ему не остается другого выхода и спасения, как только в самом разрушительном бунте.

Организация всенародного бунта

(Из работы «Государственность и анархия»)

Считаем необходимым заметить, что то, что мы называем идеалом народа, ничего не имеет подобного с теми политически-социальными схемами, формулами и теориями, выработанными помимо народной жизни досугом буржуазных ученых или полуученых и предлагаемыми милостиво невежественной народной толпе как необходимое условие их будущего устройства. Мы не имеем ни малейшей веры в эти теории, и самые лучшие из них кажутся нам прокрустовыми кроватями, слишком узкими для того, чтобы охватить могучее и широкое раздолье народной жизни.

Наука, самая рациональная и глубокая, не может угадать формы будущей общественной

жизни. Она может определить только отрицательные условия, логически вытекающие из строгой критики существующего общества. Таким образом, социально-экономическая наука при такой критике дошла до отрицания лично-наследственной собственности и, следовательно, до отвлеченного и, как бы сказать, отрицательного положения собственности коллективной, как необходимого условия будущего социального строя.

Таким же путем дошла она до отрицания самой идеи государства и государственования, т. е. управления обществом сверху вниз, во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического, божественного или интеллигентно-ученого, и вследствие того пришла к противоположному, а потому и отрицательному положению – к анархии, т. е. самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх, не по приказанию какого бы то начальства, даже избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории, а вследствие совсем естественного развития

всякого рода потребностей, проявляемых самой жизнью.

Поэтому никакой ученый не в состоянии научить народ, не в состоянии определить даже для себя, как народ будет и должен жить на другой день социальной революции. Это определится, во-первых, положением каждого народа и, во-вторых, теми стремлениями, которые в них проявятся и будут сильнее действовать, отнюдь же не руководствами и уяснениями сверху и вообще никакими теориями, выдуманнами накануне революции.

Нам известно, что в России теперь развилось целое направление к образованию так называемых народных учителей. Утверждают, что должно прежде всего научить народ, а когда он научится и поймет свои права и обязанности, тогда только можно его бунтовать. Тут сейчас же является вопрос, чему вы станете учить народ? Не тому ли, чего сами не знаете, не можете знать и чему сами должны прежде всего выучиться у народа?

В этом направлении или в этой далеко, впрочем, не новой партии необходимо различать две категории.

Самая многочисленная – это категория доктринеров, шарлатанов, большею частью и себянадувателей, которые, не отказываясь ни от каких удовольствий и выгод, доставляемых существующим обществом привилегированному и богатому меньшинству, вместе с тем хотят приобрести или сохранить репутацию людей, преданных в самом деле делу народного освобождения, а, пожалуй, даже революционеров, – когда это не бывает сопряжено с слишком большими неудобствами.

Таких господ в России появилось слишком много. Они учреждают народные банки, артели, потребительные и производительные общества, занимаются, конечно, женским вопросом и именуют себя громко поборниками науки, позитивистами, а теперь марксистами. Общая черта, отличающая их, – это ничем не жертвовать, беречь и холить свои дорогие личности пуще всего, и вместе с тем желают слыть передовыми людьми во всех отношениях.

С этою категориюю, как бы многочисленна она ни была, разговоры напрасны. До революции ее можно только разоблачать и срамить;

а в революцию... ну, тогда будем надеяться, что они сами пропадут.

Но есть другая категория, состоящая из молодых людей честных, действительно преданных, и которые бросались в это направление в последнее время как бы с отчаяния, только потому, что им кажется, что при настоящих обстоятельствах другого дела и выхода нет. Мы не определим их ближе, боясь обратиться на них внимание полиции; но те из них, которые прочтут эти строки, поймут, что слова наши обращены прямо к ним.

Именно их хотелось бы нам спросить: чему они намереваются учить народ? Хотят ли они преподавать народу рациональную науку? Сколько нам известно, их цель не такова. Они знают, что правительство остановило бы на первом шагу всякого, кто захотел бы внести науку в народные школы, и знают кроме того, что самому народу нашему в его настоящем слишком бедственном положении совсем не до науки. Для того чтобы сделать доступною для него теорию, надо переменить его практику и прежде всего преобразовать радикально экономические условия его быта, вырвать

его из повсеместной и почти поголовной голодной беды.

Каким же образом честные люди могут изменить экономический быт народа? Никакой власти у них нет, да и сама государственная власть, как мы это постараемся доказать ниже, бессильна исправить экономическое положение народа; единственное, что она может сделать для него, это – упраздниться, исчезнуть, так как ее существование несогласно с благом народным, могущим быть созданным только самим народом.

* * *

Что же могут сделать друзья народа? Возбудить его к самостоятельному движению и действию и прежде всего – утверждают именно добросовестные поборники того направления, о котором мы теперь говорили, – указать ему пути и средства к его освобождению.

Пути и средства могут быть двоякого рода: чисто революционные, стремящиеся прямо к организации всенародного бунта, и другие, более мирные, начинающие освобождение народа систематически медленным, но вместе с тем радикальным преобразованием его

экономического быта. Этот второй метод, если ему хотят следовать искренно, исключает, разумеется, пошлую проповедь о сбережении, столь любимую буржуазными экономистами, по той простой причине, что чернорабочему народу вообще, и особенно нашему, сберегать решительно нечего.

Но что же могут сделать честные люди для того, чтобы толкнуть наш народ на этот путь медленных, но радикальных экономических преобразований? Не откроют ли они в деревнях кафедры социологии? Во-первых, все то же отечески бдительное правительство не позволит; ну, а во-вторых, крестьяне ничего не поймут и насмеются над самим профессором; да, наконец, и сама социология – наука будущая; в настоящее же время она несравненно богаче неразрешимыми вопросами, чем положительными ответами, не говорим уже о том, что нашим бедным мужикам заниматься ею, право, некогда, на них можно действовать только путем практики, отнюдь же не посредством теорий.

В чем же может состоять эта практика? Именно практика, ставящая себе главной, ес-

ли не единственной целью – толкнуть всю огромную массу нашего крестьянства на путь самостоятельных экономических преобразований, в духе новейшей социологии? Она не может состоять ни в чем другом, как в образовании рабочих артелей и кооперативных обществ, ссудных, потребительных и производительных, и по преимуществу последних, как идущих прямее других к цели, т. е. к освобождению труда от господства буржуазного капитала.

Но возможно ли это освобождение при экономических условиях, преобладающих в настоящем обществе? Наука, опираясь на факты, а именно на целый ряд опытов, сделанных в продолжение последних двадцати лет в разных странах, решительно говорит нам: невозможно. Кооперация, во всех ее видах, есть, несомненно, рациональная и справедливая форма будущего производства. Но для того, чтобы она могла достигнуть своей цели – освобождения всех работающих масс и полного вознаграждения и удовлетворения их, необходимо, чтобы земля и капитал, во всех видах, сделались коллективной соб-

ственностью.

До тех пор, пока этого не будет, кооперация в большем числе случаев будет раздавлена всемогущею конкуренциею больших капиталов и большой поземельной собственности; в редких же случаях, когда, например, тому или другому, непременно более или менее замкнутому, производительному товариществу удастся выдержать и пережить эту борьбу, результатом этой удачи будет лишь зарождение нового привилегированного класса коллективных счастливцев в массе нищенствующего пролетариата.

Итак, при существующих условиях общественной экономии кооперация рабочих масс освободить не может, тем не менее, однако, она представляет ту выгоду, что даже в настоящее время приучает работников соединяться, организоваться и самостоятельно управлять своими собственными делами. Несмотря, однако, на признание этой несомненной пользы, кооперативное движение, сначала двинувшее нас быстро, в последнее время значительно ослабело в Европе, по той весьма простой причине, что массы рабочих, раз-

убедившись, что в настоящее время они посредством ее могут достигнуть своего освобождения, не нашли нужным прибегать к ней для довершения своего практического воспитания, лишь только они потеряли веру в достижение цели, они пренебрегли и путем, к ней ведущим, или, вернее, путем, к ней не ведущим, а гимнастикой, даже и полезной, им некогда заниматься.

Что истинно на Западе, не может быть ложью на Востоке, и мы не думаем, чтобы кооперативное движение могло принять сколько-нибудь серьезные размеры в России. В настоящее время в России кооперация еще невозможнее, чем на Западе. Одним из главных условий ее успеха, там, где она действительно удалась, была личная инициатива, выдержанность и доблесть, но личность гораздо более развита на Западе, чем у нас в России, где до сих пор преобладает гуртовое движение. Кроме того, сами внешние условия, как политические, так и общественные, а также и уровень образования на Западе несравненно благоприятнее для образования и развития кооперативных обществ, чем в

России, и несмотря на все это, на Западе кооперативное движение зачухло. Каким же образом может оно ужиться в России?..

* * *

Но справедливо ли, что нет теперь в России ни другого выхода, ни дела другого, кроме кооперативных предприятий? Мы думаем решительно, что это несправедливо.

В русском народе существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастаться чрезмерною нищетою, а также и рабством примерным. Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и пугачевским бунтом, и не переставшим поныне проявляться в непрерывном ряде частных крестьянских бунтов.

Что же служит ему препятствием к совершению победоносной революции? Недостаток ли в общем народном идеале, который был бы способен осмыслить народную рево-

люцию, дать ей определенную цель и без которого, как мы выше сказали, невозможно одновременное и всеобщее восстание целого народа, а следовательно, невозможен и самый успех революции? Но вряд ли было бы справедливо сказать, что в русском народе уже не выработался такой идеал.

Если бы его не было, если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере, в своих главных чертах, то надо бы было отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть непременно образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд.

Понятно, что если народ не выработает сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии ему его дать. Вообще нужно заметить, что никому, ни лицу, ни обществу, ни народу, нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в

некоторой степени развития. Возьмем лицо; если мысль уже не существует в нем как живой инстинкт и как более или менее ясное представление, служащее как бы первым обнаружением этого инстинкта, то вы ему ни за что в мире не растолкуете и, главное, не втолкуете.

Посмотрите на буржуа, довольного своей судьбой, надеетесь ли вы ему когда-нибудь объяснить право пролетария на полное человеческое развитие и на участие равное во всех наслаждениях, удовлетворениях и благах общественной жизни или ему доказать законность и спасительную необходимость социальной революции? Нет, если вы с ума не сошли, вы этого даже и пробовать не станете; а почему не станете? Потому что будете уверены, что будь даже этот буржуа от природы и добр, и умен, и благороден, и великодушен, и склонен к справедливости, – видите, какие я делаю уступки, а ведь таких буржуа немного на свете, – будь он чрезвычайно образован и даже учен, он все-таки вас не поймет и социальным революционером не сделается. А почему не сделается? По той простой

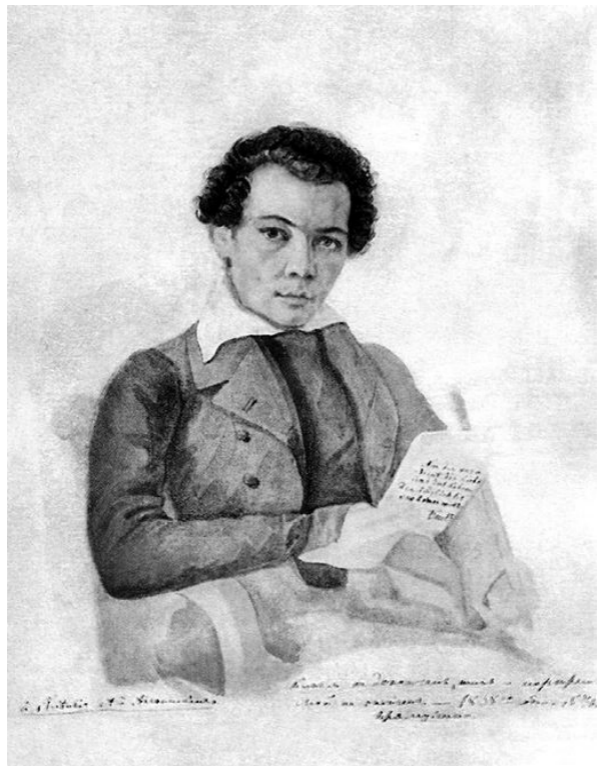
причине, что жизнь его не выработала в нем тех инстинктивных стремлений, которые бы соответствовали вашей социально-революционной мысли. Если же бы, напротив, эти стремления в нем существовали хоть в зародыше или даже в самых нелепых видах представления, то как бы ни было приятно для его чувственности и ни удовлетворительно для его самолюбия его общественное положение, он не мог бы быть доволен собою.

Напротив, возьмите человека наименее образованного и самого нелепого, если вы в нем только действительно откроете инстинкты и честные, хотя и темные, стремления, соответствующие социально-революционной идее, как бы дики ни были его настоящие представления, вы не пугайтесь, а только займитесь им серьезно, с любовью, и вы увидите, как широко и как страстно он обнимет, усвоит вашу идею или, вернее, свою собственную идею, потому что она не что иное, как ясное, полное и логическое выражение его собственного инстинкта, так что вы в сущности не дали ему ничего, не принесли ему ничего нового, а только уяснили ему то, что в нем жило

гораздо прежде, чем он встретился с вами. Вот почему я говорю, что никто ничего никому дать не может.

Но если это справедливо в отношении к лицу, тем более это справедливо в отношении к целому народу. Нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером, для того чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал Чаадаев, говоря именно о русском народе, писать на нем, как на белом листе, что угодно.

Михаил Бакунин родился 18 [30] мая 1814 года в тверском имении Прямухино. Мать Михаила Бакунина, Варвара Александровна приходилась троюродной сестрой декабристам Муравьевым. Она сама, как и ее муж, занималась воспитанием и обучением своих одиннадцати детей. Пятнадцати лет от роду Михаил Бакунин стал юнкером Петербургского артиллерийского училища, откуда был отчислен «за дерзость» после четырех лет обу-

чения. Служил в армии, в артиллерийской батарее, после отставки уехал в Москву, где по-

знакомился с Белинским, Боткиным, Грановским, Герценом, Огарёвым. В 1840 году Бакунин уехал за границу для изучения философии.

В числе самых великих гениев до сих пор было мало таких, которые бы действительно сделали что-нибудь для народа; гении народа чрезвычайно аристократические, и все, что они сделали до сих пор, послужило только к образованию, к усилению и к обогащению эксплуатирующего меньшинства; бедные массы народа, покинутые и задавленные всеми, должны были пробивать свою гигантски-мученическую тропу к свободе и к свету бесконечным рядом темных и бесплодных усилий.

Самые великие гении не приносили и не могли приносить нового содержания обществу, а, созданные самим обществом, они, продолжая и развивая многовековую работу, принесли и приносят только новые формы для того же содержания, беспрестанно вновь возрождающегося и расширяющегося самым движением общественной жизни.

Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу. Этот прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования, а путем естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облекающегося в свои формы, разумеется, чрезвычайно медленно, путем бесконечного ряда тяжелых и горьких исторических испытаний, доведших, наконец, в наше время народные массы, можно сказать, всех стран, по крайней мере всех европейских стран, до сознания, что им от привилегированных классов и от нынешних государств, вообще от политических переворотов, ждать нечего, и что они могут освободиться только собственным усилием своим, посредством социальной революции. Это самое определяет всеобщий идеал, ныне в них живущий и действующий.

* * *

Существует ли такой идеал в представлении народа русского? Нет сомнения, что су-

ществует, и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты.

Первая и главная черта – это всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности с двумя предыдущими, – это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству.

Однако русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно затрудняют и замедляют осуществление его; чертами, против которых поэтому мы всеми силами должны бороться, и против которых борьба тем возможнее, что она уже существует в самом народе.

Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя.

Можно было бы прибавить в виде четвертой черты христианскую веру, официально-православную или сенаторскую; но, по нашему мнению, у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе, не только в католических, но даже и в протестантских странах. Социальные революционеры, разумеется, не пренебрегают им и пользуются всяким случаем, чтобы в присутствии народа сказать убийственную правду господу Саваофу и богословским, метафизическим, политическим, юридическим, полицейским и буржуазно-экономическим представителям его на земле. Но они не ставят религиозный вопрос на первое место, убежденные в том, что суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством, не коренится, однако, столько в этом невежестве, сколько в его нищете, в его материальных страданиях и в неслыханных притеснениях всякого рода, претерпеваемых им всякий день; что религи-

озные представления и басни, эта фантастическая склонность к нелепому – явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно, не столько заблуждение ума, сколько протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты; что церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде – один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого.

Социальные революционеры знают это и потому убеждены, что религиозность в народе можно будет убить только социальной революцией, отнюдь же не отвлеченною и доктринерною пропагандою так называемых свободных мыслителей. Эти господа свободные мыслители с ног до головы буржуа, неисправимые метафизики по приемам, привычкам и жизни даже и тогда, когда называют себя позитивистами и воображают себя матери-

алистами. Им все кажется, что жизнь вытекает из мысли, есть как бы осуществление предпосланной мысли, вследствие чего и утверждают, что мысль, и, разумеется, их бедная мысль, должна заправлять и жизнью; и не понимают они того, что мысль, напротив, вытекает из жизни и что для того, чтобы изменить мысль, надо прежде всего переменить жизнь. Дайте широкую человеческую жизнь народу, и он вас удивит глубокою рациональностью своих мыслей.

Завзятые доктринеры, называющие себя свободными мыслителями, имеют еще другую причину предпосылать теоретическую, антирелигиозную пропаганду практическому делу. Они по большей части плохие революционеры и просто тщеславные эгоисты и трусы. К тому же по положению своему они принадлежат к образованным классам и очень дорожат комфортом и тонким изяществом, умственно-тщеславным наслаждением, которыми переполнена жизнь этих классов. Они понимают, что народная революция, по существу и по самой цели грубая и бесцеремонная, не остановится перед разрушением буржуаз-

ного мира, в котором им живет так хорошо, и потому, кроме того, что они отнюдь не намерены навлекать на себя значительные неудобства, сопряженные с честным служением революционному делу, и что им не хотелось бы также возбудить против себя негодование менее либеральных и смелых, но все-таки драгоценных покровителей, почитателей, друзей и товарищей по образованию, по житейским связям, по изяществу и материальному комфорту, они просто-напросто сами для себя не хотят и боятся такой революции, которая их самих свела бы с пьедестала и лишила бы вдруг всех выгод настоящего положения.

А между тем признаться им в этом не хочется, им непременно надобно удивить буржуазный мир своим радикализмом и увлечь революционную молодежь, а если можно, и самый народ за собою. Как же тут быть? Надо буржуазный мир удивить и не надо его сердить, надо увлечь революционную молодежь и вместе с тем избежать революционной пропасти! Для этого средство одно: устремить всю мнимо революционную ярость свою про-

тив господа бога. Так они уверены в несуществовании его, что гнева его не боятся. Другое дело начальство, всякое начальство, от царя до последнего полицейского! Дело другое люди богатые и могучие по своему общественному положению, от банкира и жида-откупщика до последнего купца-кулака и помещика! Их гнев может выразиться слишком чувствительно.

В силу такого рассуждения они объявляют беспощадную войну господу богу, отвергают наирадикальнейшим образом религию, во всех ее проявлениях и видах, громят богословие и метафизические бредни, все суеверия народные во имя науки, которую, разумеется, носят в карманах своих и которую испещряют все многоглаголивые писания свои, – но в то же самое время обращаются с чрезвычайною нежностью ко всем политическим и общественным силам мира сего, и если, вынужденные логикой и общественным мнением, позволяют себе даже их отрицать, то делают это так учтиво, так кротко, что надо иметь нрав чрезвычайно крутой, чтобы на них рассердиться, они непременно оставляют выхо-

ды и выражают надежду на их исправление.

* * *

Но оставим этих шарлатанов и обратимся к своему вопросу.

Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует. Это было бы не просто преступно, но и в видах достижения революционного дела вредно; вредно уже потому, что всякий обман по существу своему близорук, мелок, тесен, всегда шит белыми и гнилыми нитками, вследствие чего непременно обрывается и раскрывается, и для самой революционной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направление.

Человек силен только тогда, когда он весь стоит на своей правде, когда он говорит и действует сообразно своим глубочайшим убеждениям. Тогда, в каком бы положении он ни был, он всегда знает, что ему надо говорить и делать. Он может пасть, но осрамиться и осрамить своего дела не может. Если мы будем стремиться к освобождению народа путем лжи, мы непременно запутаемся, собьем-

ся с пути, потеряем из виду самую цель, и, если будем иметь хотя какое-нибудь влияние на народ, собьем с пути и самый народ, т. е. будем действовать в смысле и на пользу реакции.

Поэтому, так как мы сами глубоко убежденные безбожники, враги всякого религиозного верования и материалисты, всякий раз, когда нам придется говорить о вере с народом, мы обязаны высказать ему во всей полноте наше безверие, скажу более, наше враждебное отношение к религии. На все вопросы его по этому предмету мы должны отвечать честно и, даже когда становится нужно, т. е. когда предвидится успех, должны стараться ему объяснить и доказать справедливость своих воззрений. Но мы не должны сами искать случаев к подобным разговорам. Мы не должны ставить религиозный вопрос на первом плане нашей пропаганды в народе. Делать это, по нашему глубокому убеждению, однозначно с изменою народному делу.

Народ – не доктринер и не философ. У него нет ни досуга, ни привычки заниматься одновременно многими вопросами. Увлекаясь од-

ним, он забывает все другие. Поэтому наша прямая обязанность поставить перед ним главный вопрос, от разрешения которого, более чем от всех других, зависит его освобождение. Но этот вопрос указан самим положением его, всей его жизнью – этот вопрос экономически-политический, экономический в смысле социальной революции и политический в смысле разрушения государства. Занимать его религиозным вопросом – значит отвлекать его от настоящего дела, значит изменить его делу.

Народное дело состоит единственно в осуществлении народного идеала с возможным, в народе же самом коренящимся, исправлением и лучшим, прямее и скорее к цели идущим, направлением его. Мы указали на три несчастные черты, омрачающие, главным образом, идеал русского народа. Теперь заметим, что две последние: поглощение лица миром и богопочитание царя, собственно, вытекают как естественные результаты из первой, т. е. из патриархальности, и что поэтому патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло,

против которого мы обязаны бороться всеми силами.

Оно исказило всю русскую жизнь, наложив на нее тот характер тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия и, наконец, того холопского рабства, которые делают ее нестерпимой. Деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата. Гроб убеленный – выражение отличное для определения русской семьи.

Добрый русский семьянин, если он человек действительно добрый, но бесхарактерный, значит, просто добродушная свинья, невинная и безответная, существо, ничего ясно не сознающее, ничего определенно не хотящее и делающее безразлично и тем будто бы ненарочно, почти в одно и то же время, добро и зло. Его действия гораздо менее определяются целью, чем обстоятельствами, минутным расположением и, главное, средою;

привыкши повиноваться в семье, он продолжает повиноваться и гнуться по направлению ветра и в обществе, он создан быть и оставаться рабом, но деспотом не будет. На это у него не хватит силы. Если же он человек с нором и с огнем, он будет в одно и то же время и рабом и деспотом; деспотом, самодурствующим над всяким, кто будет стоять ниже его и будет зависеть от его произвола.

При этом воображаемый царь-отец, попечитель и благодетель народа помещен высоко, высоко, чуть ли не в небесную даль, а царь настоящий, царь-кнут, царь-вор, царь-губитель, государство, занимает его место. Отсюда вытекает, естественно, тот странный факт, что народ наш в одно и то же время боготворит царя воображаемого, небывалого и ненавидит царя действительного, осуществленного в государстве.

Русский мужик невежа, но не дурак. А он должен был бы быть круглейшим дураком, чтобы после стольких глаза колющих фактов и испытаний, вынесенных им на своей собственной шкуре, он не начал понимать наконец, что у него нет врага пуще царя.

Втолковать, дать ему почувствовать это всеми возможными способами и пользуясь всеми плачевными и трагическими случаями, которыми переполнена ежедневная народная жизнь, показать ему, как все чиновничьи, помещичьи, поповские и кулацкие неистовства, разбои, грабежи, от которых ему нет житья, идут прямо от царской власти, опираются на нее и возможны только благодаря ей, доказать ему, одним словом, что столь ненавистное ему государство – это сам царь и не что иное, как царь, – вот прямая и теперь главная обязанность революционной пропаганды.

* * *

Однако этого мало. Надо убедить если не весь народ, то по крайней мере значительную и наиболее энергичную часть его, что в народе живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может; и что если она до сих пор не освободила народа, так это только потому, что она могуча только, когда она собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно, и что до сих пор она не была собрана. Для того же чтобы создалось в

нашем народе чувство и сознание действительного единства, надо устроить род народной печатной, литографированной, писаной или даже изустной, газеты, которая бы немедленно извещала повсюду, во всех концах, областях, волостях и селах России о всяком частном народном, крестьянском или фабричном бунте, вспыхивающем то в одном, то в другом месте, а также и о крупных революционных движениях, производимых пролетариатом Западной Европы, для того чтобы наш крестьянин и наш фабричный работник не чувствовал себя одиноким, а знал бы, напротив, что за ним, под тем же гнетом, но зато и с тою же страстью и волею освободиться, стоит огромный, бесчисленный мир к всеобщему взрыву готовящихся чернорабочих масс.

Такова задача и, скажем прямо, таково единственное дело революционной пропаганды. Каким образом это дело должно быть совершено нашею молодежью, печатным образом рассказывать неудобно.

Скажем только одно: русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь своею молодежью, когда он встретится с

нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствовала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрекающая соучастница, повсюду и всегда, во всех народных волнениях и бунтах, как крупных, так и самых мелких. Надо, чтобы, действуя сама по строго обдуманному и положительному плану и подвергая в этом отношении все свои действия самой строгой дисциплине, для того чтобы создать то единодушие, без которого не может быть победы, она сама воспиталась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивлению, но также и к смелому нападению...

В заключение прибавим еще одно слово. Класс, который мы называем нашим умственным пролетариатом и который у нас уже в положении социально-революционном, т. е. просто-напросто отчаянном и невозможном, должен теперь проникнуться сознательною страстью социально-революционного дела, если он не хочет погибнуть постыдно и втуне, этот класс призван ныне быть приуготовителем, т. е. организатором народной револю-

ции. Для него нет другого выхода. Он мог бы, правда, благодаря полученному им образованию, стремиться достать какое-нибудь более или менее выгодное местечко в рядах уже чересчур переполненных и чрезвычайно него- степриимных грабителей, эксплуататоров и притеснителей народа. Но, во-первых, таких мест все остается меньше и меньше, так что они достижимы только для самого малого количества. Большинство останется только со срамом измены и погибнет в нужде, в пошлости и подлости. Мы же обращаемся только к тем, для которых измена немыслима, невозможна.

Порвавши безвозвратно все связи с миром эксплуататоров, губителей и врагов русского народа, они должны смотреть на себя как на капитал драгоценный, принадлежащий исключительно делу народного освобождения, как на такой капитал, который должен тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбуждение и на организацию всенародного бунта.

Романов, Пугачев или Пестель

(Из одноименной статьи)

Времена – что ни день – становятся серьезнее. Наступила и для русских пора дела. Замок праздный шум упоенной собою литературы. Под гнетом современных и еще более грозных будущих обстоятельств, ожидаемых и предвидимых всеми, люди наименее серьезные, наиболее развращенные болтовнею литературною, призадумались. – Полно болтать, опасно болтать, преступно болтать. Ведь дело идет о спасении себя, семьи, имущества, о спасении России от кровавых несчастий, от конечного разорения. Всякий должен теперь размыслить серьезно и свои политические верования и свое положение, а размыслив, решить: куда, к чему, с кем и за кем идти?

Теперь только наступает в России время действительного образования и развития партий. Несколько месяцев тому назад очень много людей не знали еще сами, к какому они принадлежат лагерю. Было, правда, много ученых разделений и подразделений в тео-

рии, но на практике они не разъединяли людей, потому что не было ясно определенной практической цели. Болтливо и шумною толпою стремились все вперед, на свободу, иные по убеждению, другие по инстинкту, третьи по моде, и, наконец, остальные из страха и, казалось, что в этой толпе все единомышленники и братья. Но вот засветилось первое, слабое зарево тех пожаров, которыми грозит, может быть, кровавая русская революция, и замолк гул праздной толпы. Она приутихла. – Пожары были совершенно случайны; такие пожары – обыкновенное, почти периодическое явление в России. Но возбужденные политические власти, а главное подлый страх, скрывающийся нередко за нашим шумливым геройством, придали ныне петроградским пожарам другое значение. Правительство первое дало пример. Оно нашло полезным обвинить в поджоге передовую молодежь и распространить эту клевету между народом, дабы возбудить его против студентов.

В прежнее время никто из литераторствующей, порядочной публики не смел бы присоединить своего голоса к клеветливому воп-

лю из ума вон испуганной власти. Того бы не потерпело общественное мнение, которое даже при самом Николае умело клеймить продажную литературу и литераторов Третьего отделения. Теперь им лафа. Пользуясь общим испугом публики, непривыкшей еще к общественным потрясениям, знакомой только с болтовней, а не с делом, они смело подняли свое знамя. А для того, чтоб не испугать слабых людей излишнею откровенностью, они написали на нем слово «Прогресс», искусно прикрывая клевету и донос недорогими либеральными фразами. И, нет сомнения, что они приобретут на первое время, но только на короткое время, значительную популярность.

Николаевский период развил в России очень много дряблых душ, без страсти в сердце, без живой мысли в голове, но с великолепными фразами на языке. Этим людям в последнее время становилось между нами неловко. Они чувствовали, что дело, доходит до дел, до жертвы... Их много и они все пойдут под доктринерское знамя, под сень благодушного правительства. Благо, отступление

открыто и для измены есть благовидный предлог, а для прикрытия ее великодушная фраза: «мы стоим за цивилизацию против варварства», то есть за немцев против русского народа... Что ж, с Богом, идите! Нам остается пожелать вам доброго пути, да успех на новом поприще. Только смотрите, не ошибитесь в расчете: случилось не редко, что те здания, под которыми люди скрывались от бури, бывали первые поражены громом.

Очистившись от старых друзей, сомнительных и слабонервных, мы стали сильнее. Нам нужны теперь люди, которые до конца были бы преданы народному делу, и на которых потому можно было бы рассчитывать, ибо теперь наша партия окончательно стала партией дела. А наше дело – служить революции.

Многие еще рассуждают о том, будет ли в России революция или не будет? Не замечая того, что в России уже теперь революция. Она началась последовательно, широко проникла во все составы умирающего от дряхлости государства и возобновляющейся общественной жизни; она царит во всех, везде и во

всем, действует руками правительства еще успешнее даже, чем усилиями своих приверженцев, и не успокоится, не остановится до тех пор, пока не переродит русского мира, пока не воздвигнет и не создаст нового славянского мира.

Династия явно губит себя. Она ищет спасения в прекращении, а не в поощрении проснувшейся народной жизни, которая, если б была понята, могла бы поднять царский дом на неведомую доселе высоту могущества и славы. Но где высота, там и бездна, и непонятая, оскорбленная, разоренная смешными попытками пигмеев удержать ее непреклонно логическое течение, та же народная жизнь может сбросить его, со всеми его советниками и доморощенными доктринерами, со всею бюрократическою и полицейскою сволочью, в бездонную пропасть... А жаль!

* * *

Двести лет стонал русский народ под гнетом Московско-Петербургского государства и переносил такие тягости, такие терзания, такие мытарства, каких иноземец себе представить не может. Прямою причиною всех

бедствий его были цари. Они, позабыв клятву своего родоначальника, народного избранника Михаила Романова, создали эту чудовищную самодержавную централизацию и окрестили ее в народной крови. Они образовали народу противные касты, и духовную и чиновно-дворянскую, как орудия для губительного самовластия, и отдали им народ, одним в духовное, другим в телесное рабство. Их силою, волею, их прямым покровительством держались единственно и буйный произвол полудикого дворянина и притеснительное варварство чиновников. Цари, до самой последней минуты, смотрели на русский народ с презрением горшечника к глине, как на бездушный матерьял, обязанный принять по их произволу любую форму. В конце царствования Николая, один генерал из немцев говорил полковнику, командиру образцового полка, принявшему партию несчастных мужиков-рекрут: «Вы мне хоть половину из них убейте, но чтоб другая за то была вымуштрована на славу». И что немец осмелился высказать громко, другие делали втихомолку. Жизнь простого человека, крестьянина, ме-

щанина, была ничем. Система царская истребила таким образом, в продолжении каких-нибудь двухсот лет, далеко более миллиона человеческих жертв, — так, без всякой нужды, просто вследствие какого то скотского пренебрежения к человеческому праву и к человеческой жизни. И в то время, когда дикое, разоренное в пух дворянство сорило народными деньгами, не менее блудные, не менее дикие и без сомнения более виновные цари наши сорили людьми.

Но факт замечательный! Русский народ, хотя и главная жертва царизма, не потерял веры в царя. Беды свои он приписывает кому и чему вам угодно и помещикам, и чиновникам, и попам, только отнюдь не царю. Есть правда, секты в расколе, переставшие за него молиться; есть другие, тайно ненавидящие царскую власть. Но это отрицание, хоть выработавшееся в среде народа, далеко не выражает народное большинство, которое еще крепко держится своей веры в царя.

Здесь не место углубляться в причине этого факта многозначительного, несомненного, а для нас особенно важного, потому что, рады

ли мы ему или нет, он обуславливает непременно и наше положение и нашу деятельность. В другом месте я старался объяснить его тем, что народ почитает в царе символическое представление единства, величия и славы русской земли. И думаю, что я не ошибся. Но этого мало: другие, более христианские народы, когда им приходится жутко, а восстание по каким бы то ни было причинам кажется невозможно, ищут своего утешения в вознаграждении загробном, в небесном царе, на том свете. Русский народ, по преимуществу, реальный народ. Ему и утешение то надо земное; земной бог – царь, лицо впрочем довольно идеальное, хоть и облеченное в плоть и в человеческий образ и заключающее в себе самую злую иронию против царей действительных.

Царь – идеал русского народа, это род русского Христа, отец и кормилец русского народа, весь проникнутый любовью к небу и мыслью о его благе. Он давно дал бы народу все что нужно ему – и волю и землю. Да он сам, бедный – в неволе: лиходеи бояре, да злое чиновничество вяжут его. Но вот наступит вре-

мя, когда он воспрянет и позвав народ свой на помощь, истребит дворян и попов, и начальство, и тогда наступит в России пора золотой воли! Вот кажется, смысл народной веры в царя. Вот чего он ждет от него. Ведь он, более двухсот лет, проведенных в неизъяснимых муках, ждет слова царского и воскресения; и теперь, когда все надежды, все ожидания его оживились предварительным обещанием царя, согласится ли он ожидать еще более? – Не думаю.

Ведь привязанность народа к царю не придворная, не холопская, а религиозная. И религия народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая удовлетворения себе на земле. В общем чувстве народном обетованный час исполнения, кажется, настал, и народ не даст ему пройти даром.

* * *

Как ни горько сознаться в этом, но я думаю, что для будущего успеха самого революционного дела, мы должны громко высказать то убеждение, что до сих пор влияние нашей партии на народ было близко к нулю. Революционная пропаганда еще не нашла к нему до-

стуга и не умела еще потрясти его безумной, его несчастной веры в царя. Никогда еще не чувствовался так сильно разрыв, существующий между народом и нами, и никто из нас не перешел еще через пропасть, отделяющую нас от него. Итак, если вы хотите встретиться с народом, свободным от наших влияний, сзывайте его теперь. Ну, а если пропустите время, то, пожалуй, наша передовая молодежь, наша надежда и наша сила, пробьет себе, наконец, дорогу к народу и чрез роковую пропасть подаст ему руку. Вина будет ваша.

И почему молодежь не за вас, а вся молодежь против вас? Ведь это для вас большое несчастье; — несчастье потому, что молодежь уже сама по себе составляет и право и силу, особенно когда, не заключааясь в себе, собой суетно не довольствуясь, она стремительно, страстно рвется в народ, к службе народной. Для такой молодежи нет непреодолимых препятствий. Народ, сам молодой и сам страстный, рано или поздно призовет ее.

Почему же она против вас? Предводитель демократической партии в Соединенных Штатах, полковник Дуглас, во время послед-

них президентских выборов, сказал одному из своих друзей; «наше дело потеряно, молодежь против нас!» – Глубокое слово! Молодежь, как народ, живет более инстинктом, а инстинкт всегда тянет ее на сторону жизни, на сторону правды... С нею беда. Она может ошибаться в мыслях, или вернее, в выражении мыслей своих, – в чувстве она ошибается редко. А чувство нашей молодежи, всю энергию свою, отталкивает ее от вас.

Вы, господа доктринеры всякого рода, ее ненавидите, как вообще не любят ее школьные учителя, которые чувствуют, что она вправе над ними смеяться. Она бежит от вас, потому что пахнет от вас фарисейским педантством, ложью и смертью: а ей прежде всего надо жизни воли да правды.

Не увлекалась ли она отвлеченными революционными идеалами и громким словом «республика»? Отчасти, пожалуй, и так. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимает что западные абстракции, консервативные ли, либерально-буржуазные, или даже демо-

кратические, к нашему русскому движению не применимы: – что оно – без сомнения – и демократическое и в высшей степени социальное, но что оно развивается вместе с тем при условиях, совершенно различных от тех, при которых совершались подобные же движения на Западе. И первое из условий – то, что оно не есть главным образом движение образованной и привилегированной части России. Таковым было оно во времена декабристов. Теперь главную роль в нем будет играть народ. Он есть главная цель и единая, настоящая сила всего движения. Молодежь понимает, что жить вне народа становится делом невозможным, и что кто хочет жить, должен жить для него. В нем одном жизнь и будущность, вне его мертвый мир. Но этот народ вступает на сцену не как лист белой бумаги, на котором всякий по произволу может записать свои любимые мысли. Нет, лист этот уж частью исписан и хоть осталось на нем еще много белого места, допишет его сам народ. Никому он не может поручить этого дела, потому что никто в образованном русском мире не жил еще его жизнью.

Русский народ движется не по отвлеченным принципам; он не читает ни иностранных, ни русских книг, он чужд западным идеалам, и все попытки доктринаризма, консервативного, либерального, даже революционного, подчинить его своему направлению будут напрасны. Да, ни для кого и ни для чего не отступится он от своей жизни. А жил он много, потому что страдал много. Несмотря на страшное давление императорской системы, даже в продолжение этого двухвекового немецкого отрицания, он имел свою внутреннюю живую историю. У него выработались свои идеалы, и составляет он в настоящее время могучий, своеобразный, крепко в себе заключенный и сплоченный мир, дышащий весеннею свежестью и чувствуется в нем стремительное движение вперед. Наступило, кажется, его время; он просится наружу, на свет, хочет, сказать свое слово и начать свое явное дело. Мы верим в его будущность, надеясь, что, свободный от закоренелых и на Западе в закон обратившихся предрассудков религиозных, политических, юридических и социальных, он в историю внесет новые начала и

создаст цивилизацию иную; и новую веру, и новое право, и новую жизнь.

* * *

Перед этим великим, серьезным и даже грозным лицом народа нельзя дурачиться. Молодежь оставит смешную и противную роль непрошенных школьных учителей мертвецам московской и с. – петербургской привилегированной журналистики. Ей самой предстоит подвиг другой, не учительский, а очистительный, подвиг сближения и примирения с народом. Ведь она, почти вся, по своему происхождению, образованию, по привычкам жизни и мысли, наконец по всем общественным отношениям своим, стоит вне народа, принадлежа к тому привилегированному официальному миру, который народ не без причины ненавидит, видя в нем главный источник всех своих бедствий.

Стремления ее чисты и благородны: она сама ненавидит исключительность своего положения и готова жертвовать всем народу, лишь бы только он принял ее в свое общение. Но народ не знает ее, и судя ее по платью, по языку, а главное по жизни, столь различной

от его жизни, принимает ее за врага. Где же тут учительствовать! разве без веры и доброй воли учащегося учение возможно? Да, наконец, чему мы станем учить? Ведь если оставим естественные и математические науки в стороне, последним словом всей нашей премудрости будет отрицание так называемых непреложных истин западного учения, полное отрицание Запада. Но народ наш Западом никогда не увлекался; потому ему и до отрицания его нет никакого дела. А главное то, что со всею своею наукою, мы бесконечно беднее народа. Народ наш, пожалуй, груб, безграмотен, я не говорю – неразвит, потому что у него было свое историческое развитие, покрепче и посущественнее нашего; он никаких книг, кроме немногих своих, еще не читает. Но зато в нем есть жизнь, есть сила, есть будущность – он есть... А нас собственно нет; наша жизнь пуста и бесцельна. У нас нет ни дела, ни поля для дела. И если будущность для нас существует, так только в народе. Итак, народ может и без нас обойтись, мы без него не можем.

Без сомнения, слившись с народом, приня-

тые народом, мы можем принести ему много пользы. Да, мы принесем ему громадный опыт неудавшейся западной жизни, которую мы вместе с Западом пережили, способность обобщения и точного определения фактов, ясность сознания. Знакомые с историей и наученные чужим опытом, мы можем продохранить его от обмана и помочь ему высказать его волю. — Вот и все. Мы принесем ему формы для жизни, он даст нам жизнь, кто даст больше? Разумеется народ, а не мы.

Вопрос о нашем сближении с народом, не для народа, а для нас, для всей нашей деятельности, есть вопрос о жизни и смерти. Сближение это необходимо, но оно трудно, потому что требует с нашей стороны совершенного перерождения, не только внешнего, но и внутреннего. Борода, русское платье, жесткие руки, грубая речь не составляют еще русского человека. Нужно, чтоб ум наш выучился понимать ум народа, и чтоб наши сердца приучились бить в один такт с его великим, но для нас еще темным сердцем. Мы должны видеть в нем не средство, а цель; не смотреть на него как на материал революции

по нашим идеям, как на «мясо освобождения», напротив смотреть на себя, если он на то согласится, как на слуг своего дела. Одним словом, мы должны полюбить его пуще себя, дабы он вас полюбил, дабы он нам свое дело поверил.

Любить страстно, отдаваться всею душою, побеждать громадные трудности и препятствия, силою любви и жертвы победить ожесточенное сердца народное, дело молодости. Вот, где ее назначение! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдаться его делу. Ну, тогда народ признает ее...

И теперь было бы еще не поздно. Не остановили бы ее никакие западнореволюционные предрассудки, ибо где жизнь, где правда, где разрешение судеб народа, там и она. И сколько молодой и благородной энергии, сколько живых сил и сколько ума было бы тогда к его услугам для совершения великого дела – умиротворения и воссоздания России.

Россия спокойно и твердо пошла бы широким путем свободного развития и, укрепившись внутри, восстановила бы скоро свое

утраченное внешнее обаяние. Величие России русскому народу так дорого, что он никогда от него не откажется. Он принес ему столько жертв!.. Но понятно, что оно должно быть ныне воздвигнуто на иных основаниях. Бог с ним с величьем петровским, екатерининским, николаевским, обрекшим русский народ на постыдную роль палача и вместе раба мученика! Мы искали силы и славы, а нашли лишь бесславие, заслужили ненависть и проклятия истерзанных нами народов, и кончили поражением и постыдным бессильем. Слава богу! Наша двухвековая тюрьма, петровское государство, наконец рушится. Никакая сила не восстановит его. Мы же сами подтолкнем его в пропасть, и воля нам! воля героической Польше! воля Белоруссии, Литве, Украине!

* * *

Большое утешение правительственного Петербурга теперь – это народ и привязанность народа к царю, Народом грозят они революционной молодежи. «Стоит только царю махнуть рукою, и студентов не будет». Да без сомнения не будет; да на другой день и дво-

рянства в целой России не будет, а с дворянством ляжет под топором все чиновничество; вы сами голубчики пропадете. Ну♦ка попробуйте махнуть рукой! И останутся народ да царь. Да что станет этот царь с этим народом делать? Ведь царь то наш бюрократический, а не земский. Он сам утонет в крови, чтоб уступить место какому♦нибудь Пугачеву!

Не попробовать ли лучше николаевских средств: кнута, виселицы, да Сибири? Средства хорошие. Но вряд ли они вам ныне помогут. Ведь страх убит в России. Ныне пойдут на лобное место, смеясь над вами. Да и самым трусам нет никакого расчета пятиться перед вашим страхом. В России есть теперь страх, пострашнее, – страх народного восстания. А если придется выбирать между топором или виселицею, так разумеется, лучше пасть с сознанием высокого подвига, чем жертвою рокового недоразумения народного.

У вас есть еще одно средство – война. Пожалуй, хоть за свободу славян, лишь бы только русскому народу не дать свободы. Но вы, враги русской и польской свободы, какую дадите вы свободу славянам? Или вы хотите по-

вторить в сотый раз старый, постыдный обман? Не удовлетворив никого и не разрешив ничего у себя дома, на что вы будете опираться? Даже войско придется вам содержать чужими субсидиями. И будете вы только служить средством для целей чужих, сами ничего не приобретете. Россию же в конец раззорите. Да, может быть, вы и рассчитываете на ее истощение? Может, думаете усмирить ее голодом? Смотрите, не ошибитесь в расчете: война не помешала у нас ни пугачевщине, ни новгородскому бунту.

Но напрасны все ваши старания. Ни война, ни уловки мнимо либерального (?!) министерства, ни явная реакция вам не помогут. Народ проснулся и ждет своего часа, вы сами способствовали его пробуждению. Кокетничая перед ним и возбуждая его против молодого образованного поколения, вы сами будите в нем сознание силы и он сам возьмет силу то, чего вы ему добровольно дать не хотите.

Когда правители губят страну, частные люди должны приняться за дело спасения. Всем истинным консерваторам, имеющим ум, чтоб

понимать и предугадывать необходимые происшествия, всем чиновникам военным и гражданским, любящим спокойствие и мир и желающим сохранить жизнь, имущество, жен, сестер и детей, всем, кому дороги благоденствие и слава России, я советовал бы об этом крепко подумать. Ведь времени на свободное размышление осталось немного. И не худо было бы, если бы они, стоворившись, составили между собою громадное консервативное общество, которое я им предложил бы назвать: «общество для спасения России от близорукости царской и от преступного министерского шарлатанства»...

А нам, революционной партии, что делать? Мы также сплотимся и станем под знамя «Народного дела». Мы хотим достигнуть его народным путем и не остановимся до тех пор, пока оно не исполнится совершенно.

Мы хотим и желаем:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью целого народа, так чтоб не было ни одного русского, который бы не имел части в русской земле.

2. Хотим самоуправления народного – об-

щинного, волостного, уездного, областного и наконец государственного, с царем или без царя, все равно и как захочет народ. Но чтоб не было в России чиновничества и чтоб централизация бюрократическая заменилась вольною областною федерацией.

3. Хотим, чтоб Польше, Литве, Украине, финнам и латышам прибалтийским, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, без всякого с нашей стороны вмешательства, прямого или косвенного.

4. Хотим братского и, если будет возможно, федерального союза с Польшею, Литвою, Украиною, прибалтийскими жителями и с народами Закавказского края. Готовы и обязаны помогать им против всякого насилия и против всех внешних врагов, особливо же против немцев, когда они сами позовут нас на помощь.

Вот необходимое последнее слово народно-русского дела. Этому то делу мы посвятили всю жизнь свою.

* * *

Теперь с кем, куда и за кем мы пойдём? Куда? мы сказали. С кем? мы также сказали: разумеется ни с кем, другим, как с народом. Но за кем? За Романовым, за Пугачевым или, если новый Пестель найдется, за ним?

Скажем правду; мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если б Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского. Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что сам народ русский еще его признает, и что сила его создана, готова на дело, и могла бы сделаться непобедимою силою, если б он дал ей только крещение народное. Мы еще потому пошли бы за ним, что он один мог бы совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все-таки они зло, великое зло и большое несчастье, не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и к полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской.

Итак, отношение наше к Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русского, славянского дела. Если царь во главе его, мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами. Ни для него и ни для кого в мире мы не отступимся ни от одного пункта своей программы. И если для осуществления ее будет необходима кровь, да будет кровь.

Мы без содрагания не можем подумать о тысячах жертв, которые падут, вероятно. Но вся тяжесть кровавой вины пусть ляжет тогда на единственного виновника, на царя, который всех может спасти и, кажется, всех погубит. А средство спасения и для него и для нас только одно: идти до конца во главе революции и не останавливаться на полдороге. Если б мы хотели остановить настоящую революцию, то не могли бы; никто в мире не может. А если бы могли, то не хотели бы, потому что она необходима для освобождения нашего народа, для совершения русских и славянских судеб.

Если царь изменит России, Россия будет повергнута в кровавые бедствия. Что будет,

какую форму примет движение, кто станет во главе его? Самозванец ♦ царь, Пугачев, или новый Пестель ♦ диктатор? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачев, то дай бог, чтоб в нем нашелся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию и, пожалуй, всю будущность России в крови. Если Пестель, то пусть будет он человеком народным, как Пугачев, ибо иначе его не потерпит народ. А может быть ни Пестель, ни Пугачев, ни Романов, а Земский Собор спасет Россию.

Предугадать нельзя ничего. Наш долг теперь крепко сомкнуться и единодушно готовиться к делу. Поклясться друг другу не отставать от народа, идти с ним, куда сил станет. Времени может быть осталось немного, – употребим его ни сближение с народом во чтобы то ни стало, дабы он признал нас своими и позволил бы нам спасти хоть несколько жертв. Сойтись с народом, слиться с ним в единую душу и во единое тело – задача трудная, но для нас неизбежная и неотвратимая. Иначе мы будем представителями не народного дела, а только своих тесных кружковых

интересов и своих личных страстей, чуждых и противных народу, а потому и преступных, ибо ныне что не служит исключительно делу народному, то преступно. Он один призван к жизни в России, и только что с ним и что за него, то лишь одно имеет право на жизнь, то будет иметь силу на жизнь. Вне его нет русской силы и, лишь только соединившись с ним, мы можем вырваться из бессилия. Вот почему мы должны сойтись с народом во что бы ни стало. Важнее этого, для нас нет теперь другого вопроса.

Как с ним сойтись? Путь к достижению цели один: искренность, правда. Если вы не обманываете ни его, ни себя, когда говорите о своих стремлениях к народу, то вы найдете дорогу в душу и в веру его. Любите народ, он вас полюбит, живите с ним, и он пойдет за вами, и вы будете сильны его силою. Народ наш умен, он скоро узнает своих друзей, когда у него будут друзья действительные. Формулировать общее правило, известный прием для сближения с народом нет возможности: все это было бы мертво и сухо, потому что было бы ложно. Живое дело должно вытекать из

живого ума и из живого сердца.

Вас много и вы рассеяны по всей русской земле. Пусть каждый из вас, служа общему делу, идет к народу по своему, но пусть каждый идет прямо и искренно, без хитрости, без обмана, пусть каждый несет в дар ему и весь ум и все сердце, и чистую, крепкую волю служить ему. Пусть каждый свяжет судьбу свою с его судьбою. Пусть каждый молодой человек перевоспитает себя в среде народной... И вы сделаетесь тогда, без сомнения, людьми народными.

Подвиг не легкий, но за то высокий и стоящий жертв: подвиг повивания новорождающегося русского мира! Кому он кажется противен, тот лучше не берись за русское дело. Для того есть приют под знаменем доктринеров. Путь наш труден. Отсталых, испуганных и усталых будет еще много... Но мы, друзья, выдержим до конца и безбоязненно, твердым шагом пойдем к народу, а там, когда с ним сойдемся, помчимся вместе; с ним, куда вынесет буря.

Государство – это зло

Отрицание человечности

(Из статьи «Федерализм, социализм и анти-теологизм»)

Человек – это не только самое индивидуальное из земных существ, но и самое социальное. Большой ошибкой со стороны Ж. Ж. Руссо было предположение, что первобытное общество основано на свободном договоре, заключенном дикарями. Но Руссо не единственный, кто это утверждает. Большинство современных юристов и публицистов из школы Канта или из всякой другой индивидуалистической и либеральной школы, не признающих ни общества, основанного на божественном праве теологов, ни общества, определяемого гегельянской школой, как более или менее мистическая реализация объективной морали, ни первобытно-животного общества натуралистов, берут в качестве исходного пункта молчаливый договор. Молчаливый

договор! Т. е. договор без слов и, следовательно, без мысли и без воли – возмутительная бессмыслица! Абсурдная фикция и, что хуже, злая фикция! Недостойное надувательство! Ибо он предполагает, что в то время, когда я еще не был в состоянии ни желать, ни думать, ни говорить, – я только тем, что покорно позволил себя оболванить, мог дать согласие на вечное рабство как свое, так и всего моего потомства!

Последствия общественного договора поистине пагубны, ибо они приводят к полному доминированию государства. А ведь взятый за исходный пункт принцип кажется чрезвычайно либеральным. Предполагается, что индивиды до заключения этого договора пользуются абсолютной свободой, ибо согласно этой теории только естественный, дикий человек совершенно свободен. Мы высказали свое мнение об этой естественной свободе, которая является лишь абсолютной зависимостью человека-гориллы от постоянного давления внешнего мира. Но предположим, что человек действительно свободен в исходном пункте своей истории, зачем же тогда ему об-

разовывать общество? Чтобы защитить себя, отвечают нам, от всех возможных вторжений внешнего мира, включая других людей, объединившихся или необъединившихся, но не принадлежащих к формирующемуся новому обществу.

Таковы эти первобытные люди, совершенно свободные, каждый сам по себе и для себя самого, но которые пользуются этой безграничной свободой до тех пор, пока не встретятся друг с другом, пока они пребывают в полной индивидуальной изоляции. Свободе одного не нужна свобода другого, напротив, свобода каждого довольствуется сама собой, существует сама по себе и непременно предстает отрицанием свободы всех других. Все эти свободы при встрече должны друг друга ограничивать, уменьшать, противоречить одна другой и взаимно уничтожаться...

Дабы не уничтожить друг друга совершенно, они заключают между собой явный или молчаливый договор, по которому они отказываются от своей части, чтобы обеспечить остальное. Этот договор становится фундаментом общества, а скорее, Государства; ибо

надо заметить, что в этой теории нет места для общества, в ней существует только Государство или, лучше сказать, общество в ней полностью поглощено Государством.

Общество – это естественный способ существования совокупности людей независимо от всякого договора. Оно управляется нравами и традиционными обычаями, но никогда не руководствуется законами. Оно медленно развивается под влиянием инициативы индивидов, а не мыслью и волей законодателя. Существуют, правда, законы, управляющие обществом без его ведома, но это законы естественные, свойственные социальному телу, как физические законы присущи материальным телам. Большая часть этих законов до сих пор не открыта, а между тем они управляли человеческим обществом с его рождения, независимо от мышления и воли составляющих его людей. Отсюда следует, что их не надо смешивать с политическими и юридическими законами, провозглашенными какой-либо законодательной властью, которые в разбираемой нами системе считаются логическими выводами из первого договора, со-

знательно заключенного людьми.

Государство не является непосредственным созданием природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению человеческой мысли; и мы попытаемся в дальнейшем показать, каким образом религиозное сознание создает его в среде естественного общества. По мнению либеральных публицистов, первое государство было создано свободной и сознательной волей людей; по мнению абсолютистов, это – творение божие. В обоих случаях оно стоит над обществом и стремится его полностью поглотить.

Во втором случае это само собой понятно, божественное установление обязательно должно поглотить всякое естественное устройство. Любопытнее другое – индивидуалистическая школа со своим свободным договором приходит к тому же результату. И в самом деле, эта школа начинает с отрицания самого существования естественного общества, предшествующего договору, ибо подобное общество предполагало бы естественные отношения между индивидуумами и, следовательно, взаимное ограничение их свободы,

что противоречит абсолютной свободе, которой каждый, согласно этой теории, имеет возможность пользоваться до заключения договора. Это означало бы не более и не менее, как этот самый договор, существующий в виде естественного факта и предшествующий свободному договору. Следовательно, согласно этой системе, человеческое общество начинается лишь с заключения договора. Но что тогда представляет собой это общество? Прямое и логическое осуществление договора, со всеми его постановлениями, законодательными и практическими следствиями, — это Государство.

* * *

Рассмотрим его подробнее. Что оно из себя представляет? Сумму отрицаний индивидуальных свобод всех его членов; или же сумму жертв, которые приносят его члены, отказывающиеся от части своей свободы ради общего блага. Мы видели, что согласно индивидуалистической теории свобода каждого — это ограничение или естественное отрицание свободы всех других: ну так вот, это абсолютное ограничение, это отрицание свободы

каждого во имя свободы всех или общего права, – это и есть Государство. Итак, там, где начинается Государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот.

Мне возразят, что Государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему все остальное. Но остальное – это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это все. В силу естественного, необходимого и непреодолимого хода вещей вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы удаляете, сколь бы малой она ни была.

Это история жены Синей Бороды, которая имела в своем распоряжении весь дворец с полной свободой проникать всюду, смотреть на все и дотрагиваться до всего, за исключением маленькой комнаты, которую ее ужасный муж: своей высочайшей волей запретил ей открывать под страхом смерти. И вот, презрев все великолепие дворца, вся ее душа со-

средоточилась на этой скверной комнатенке: она открыла ее и была права, ибо это было необходимым актом ее свободы, между тем как запрещение входить туда было вопиющим нарушением свободы.

Такова и история грехопадения Адама и Евы: запрещение вкусить плод с древа познания без другого мотива, кроме того, что это воля Господа, являлось со стороны Бога актом ужасного деспотизма; и если бы наши прародители послушались, весь человеческий род остался бы в самом унижительном рабстве. Их непослушание нас, напротив, освободило и спасло. На языке мифологии, это было первым актом человеческой свободы.

Но разве Государство, скажут мне, демократическое Государство, основанное на свободном голосовании всех граждан, может быть отрицанием их свободы? А почему же нет? Это целиком будет зависеть от назначения Государства и власти, которую граждане ему предоставят. Республиканское Государство, основанное на всеобщей подаче голосов, может быть очень деспотичным, даже более деспотичным, чем монархическое, если под

предлогом, что оно представляет общую волю, Государство будет оказывать давление на волю и свободное развитие каждого из своих членов всей тяжестью своего коллективного могущества.

Но Государство, возразят мне, ограничивает свободу своих членов лишь постольку, поскольку эта свобода направлена к несправедливости, ко злу. Оно мешает им убивать, грабить и оскорблять друг друга и вообще делать зло, но в то же время предоставляет им полную и всецелую свободу делать добро. Это опять все та же история Синей Бороды или запретного плода: что такое зло, что такое добро?

С точки зрения разбираемой нами системы, до заключения договора не существовало различия между добром и злом, и тогда каждый индивид пользовался своей свободой и своим абсолютным правом в полном одиночестве и нисколько не был обязан оказывать какое-либо почтение другим, разве только то, которого требовала его относительная слабость или сила, — другими словами, благоразумие и личный интерес {Подобные отноше-

ния, которые, впрочем, никогда не могли существовать между первобытными людьми, ибо социальная жизнь предшествовала пробуждению индивидуального сознания и сознательной воле, а также потому, что вне общества ни один человеческий индивид никогда не мог пользоваться ни абсолютной, ни даже относительной свободой, – подобные отношения, говорим мы, совершенно тождественны с теми, которые существуют в настоящее время между современными государствами, каждое из которых считает себя обремененным свободой власти и абсолютным правом в отличие от всех других. Поэтому оно оказывает всем другим государствам лишь то внимание, которого требует его собственный интерес, и все они неизбежно находятся в постоянном состоянии скрытой или открытой войны.}.

Тогда, согласно все той же теории, эгоизм был верховным законом, единственным правом, добро определялось успехом, зло – одной только неудачей, а справедливость была всего лишь узакониванием свершившегося факта, как бы он ни был ужасен, жесток и отвра-

тителен, – совершенно так же, как в политической морали, преобладающей в настоящее время в Европе.

Различие между добром и злом, согласно этой системе, начинается лишь с заключением общественного договора. Тогда все, что было признано составляющим общий интерес, было провозглашено добром, а все ему противоположное – злом. Договаривающиеся члены, сделавшись гражданами, связав себя более или менее торжественным обязательством, тем самым наложили на себя обязанность: подчинять свои частные интересы всеобщему благу, неделимому интересу всех, и свои личные права – государственному праву, единственный представитель которого, Государство, было тем самым облечено властью подавлять всякий бунт индивидуального эгоизма, но с обязанностью защищать каждого из своих членов в неприкосновенности его прав, пока эти последние не вступают в противоречие со всеобщим правом.

* * *

Теперь рассмотрим, что должно из себя представлять таким способом устроенное го-

сударство, как в его отношениях к другим, подобным ему государствам, так и в его отношениях к управляемому им населению. Это исследование представляется нам тем более интересным и полезным, что государство, – так, как оно определено здесь, – это именно современное государство, поскольку оно отделилось от религиозной идеи: это светское, или атеистическое, государство, провозглашенное современными публицистами. Посмотрим же, в чем состоит его мораль? Это, как мы сказали, современное государство, освободившееся из-под ига церкви и, следовательно, сбросившее иго всемирной, или космополитической, морали христианской религии и, добавим, еще не проникшееся ни гуманистической идеей, ни гуманистической моралью, что, впрочем, ему невозможно сделать, не уничтожая себя, ибо в своем отдельном от других существовании и обособленной концентрации оно слишком ограничено, чтобы быть в состоянии охватить, вместить интересы, а следовательно, и мораль всего человечества.

Современные государства достигли имен-

но такого состояния. Христианство служит им лишь предлогом и фразой, или средством обманывать простаков, ибо они преследуют цели, не имеющие никакого отношения к религиозным чувствам. И великие государственные мужи наших дней громко бы расхохотались, если бы кто-нибудь принял всерьез их демонстрации религиозных чувств. Они бы смеялись еще больше, если бы им приписали гуманистические чувства, намерения и стремления, которые они, впрочем, не упускают случая публично назвать глупостью. Что же остается, что составляет их мораль? Единственно, государственный интерес. С этой точки зрения, которая, за очень малым исключением, была точкой зрения государственных деятелей, сильных людей всех времен и всех стран, все, что служит к сохранению, возвеличению и укреплению Государства, каким бы святотатством это ни было с религиозной точки зрения, как бы это ни казалось возмутительно с точки зрения человеческой морали, является добром, и наоборот, все, что этому противоречит, будь то в высшей степени свято или по-человечески спра-

ведливо, является злом. Такова в действительности мораль и вековая практика всех государств.

Это относится и к государству, основанному на теории общественного договора. Согласно этой системе, добро и справедливость начинают существовать лишь с заключения договора и являются не чем иным, как содержанием и целью договора, т. е. общим интересом и государственным правом всех заключивших его индивидов, не считая тех, кто остался вне договора, следовательно, являются наибольшим удовлетворением коллективного эгоизма частной и ограниченной ассоциации, которая, будучи основана на частичном пожертвовании индивидуальным эгоизмом со стороны каждого из ее членов, отторгает от себя как посторонних и как естественных врагов огромное большинство человеческого рода, входящее или не входящее в аналогичные ассоциации.

Существование одного ограниченного государства предполагает и с необходимостью провоцирует образование других государств, ибо совершенно естественно, что индивиды,

находящиеся вне первого государства, существованию и свободе которых оно угрожает, объединяются, в свою очередь, против него. И вот человечество разбивается на неопределенное число государств, чуждых, враждебных и угрожающих друг другу. Для них нет общего права, нет общественного договора, ибо в противном случае они бы перестали быть абсолютно независимыми друг от друга государствами и стали бы союзными членами одного великого Государства. Но если только это великое Государство не охватит все человечество, то против него неизбежно будут враждебно настроены другие великие федеративные по своему внутреннему устройству Государства. Война будет всегда верховным законом и необходимостью, свойственной самому существованию человечества.

Каждое государство, федеративное оно или нет по внутреннему устройству, должно стремиться под страхом гибели сделаться самым могущественным. Оно должно пожирать других, дабы самому не быть растерзанным, завоевывать, чтобы не быть завоеванным, по-

рабощать, чтобы не быть порабощенным, ибо две равные, но в то же время чуждые друг другу силы не могли бы существовать, не уничтожая друг друга.

Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. Оно берет под свое покровительство лишь своих собственных граждан, признает человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ; не признавая вне себя никакого права, оно логически присваивает себе право самой жестокой бесчеловечности по отношению ко всем другим народам, которых оно может по своему произволу грабить, уничтожать или порабощать.

Если оно и выказывает по отношению к ним великодушие и человечность, то никак не из чувства долга; ибо оно имеет обязанности лишь по отношению к самому себе, а также по отношению к тем своим членам, которые его свободно образовали, которые про-

должают его свободно составлять или даже, как это всегда в конце концов случается, сделались его подданными. Так как международное право не существует, так как оно никак не может существовать серьезным и действительным образом, не подрывая саму основу принципа суверенности государств, то государство не может иметь никаких обязанностей по отношению к наследию других государств. Следовательно, гуманно ли оно обращается с покоренным народом, грабит ли оно его и уничтожает лишь наполовину, не низводит до последней степени рабства, – оно поступает так из политических целей и, быть может, из осторожности или из чистого великодушия, но никогда из чувства долга, ибо оно имеет абсолютное право располагать покоренным народом по своему произволу.

Это вопиющее отрицание человечности, составляющее сущность Государства, является, с точки зрения Государства, высшим долгом и самой большой добродетелью: оно называется патриотизмом и составляет всю трансцендентную мораль Государства. Мы называем ее трансцендентной моралью, по-

тому что она обычно превосходит уровень человеческой морали и справедливости, частной или общественной, и тем самым чаще всего вступает в противоречие с ними. Например, оскорблять, угнетать, грабить, обирать, убивать или порабощать своего ближнего считается, с точки зрения обыкновенной человеческой морали, преступлением.

В общественной жизни, напротив, с точки зрения патриотизма, если это делается для большей славы государства, для сохранения или увеличения его могущества, то становится долгом и добродетелью. И эта добродетель, этот долг обязательны для каждого гражданина-патриота; каждый должен их выполнять – и не только по отношению к иностранцам, но и по отношению к своим соотечественникам, подобным ему членам и подданным государства, – всякий раз, как того требует благо государства.

Это объясняет нам, почему с самого начала истории, т. е. с рождения государств, мир политики всегда был и продолжает быть ареной наивысшего мошенничества и разбоя – разбоя и мошенничества, к тому же высоко по-

читаемых, ибо они предписаны патриотизмом, трансцендентной моралью и высшим государственным интересом. Это объясняет нам, почему вся история древних и современных государств является лишь рядом возмутительных преступлений; почему короли и министры в прошлом и настоящем, во все времена и во всех странах, государственные деятели, дипломаты, бюрократы и военные, если их судить с точки зрения простой морали и человеческой справедливости, сто раз, тысячу раз заслужили виселицы или каторги; ибо нет ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, циничного воровства, бесстыдного грабежа и подлой измены, которые бы не были совершены, которые бы не продолжали совершаться ежедневно представителями государств без другого извинения, кроме столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес!

Поистине ужасное слово! оно развратило и обесчестило большее число лиц в официальных кругах и правящих классах общества, чем само христианство. Как только это слово

произнесено, все замолкает, все исчезает: честность, честь, справедливость, право, исчезает само сострадание, а вместе с ним логика и здравый смысл; черное становится белым, а белое – черным, отвратительное – человеческим, а самые подлые предательства, самые ужасные преступления становятся достойными поступками!

* * *

Великий итальянский политический философ Макиавелли был первым, произнесшим это слово, или, по крайней мере, первым, придавшим ему его настоящее значение и огромную популярность, которою оно и доселе пользуется в мире наших правителей. Будучи реалистом и позитивистом, он первым понял, что великие и могущественные государства могут иметь своей основой и держаться только на преступлении, на множестве больших преступлений и полном презрении ко всему, что называется честностью! Он это написал, объяснил и доказал с предельной откровенностью. И так как идея человечности в его время совершенно игнорировалась; так как идея братства, не человеческого,

а религиозного, проповедуемая католической церковью, была тогда, как и всегда, лишь отвратительной иронией, и церковь опровергла ее ежесекундно своими же поступками; так как в то время никому бы даже в голову не пришло, что существует какое-то народное право, — ибо народ всегда принимали за инертную и тупую массу, которой уготовано вечное послушание, на которую беспрепятственно можно налагать барщину и оброк; так как нигде, ни в Италии, ни вне ее, не было ничего, что бы было выше Государства, то Макиавелли вполне логично заключил, что Государство есть высшая цель всего человеческого существования, что надо служить ему во что бы то ни стало и что настоящий патриот не должен останавливаться, служа ему, ни перед каким преступлением, ибо интерес Государства превышает всего. Макиавелли советует совершать преступление, он предписывает его и делает его условием политической мудрости и истинного патриотизма.

Называется ли государство монархией или республикой, преступление равно необходимо и для его сохранения, и для его торжества.

Преступление изменит, конечно, свое направление и цель, но характер его останется тот же. Это всегда будет энергичное, непрестанное поправление справедливости, сострадания и честности – ради блага Государства. Да, Макиавелли прав, мы не можем в этом сомневаться, имея, вдобавок к его опыту, опыт трех с половиной столетий. Да, вся история говорит нам об этом: малые государства добродетельны лишь благодаря своей слабости, а могущественные государства поддерживаются лишь преступлением. Только вывод наш будет совершенно иной, чем вывод Макиавелли, и это по очень простой причине: мы – дети Революции и мы наследовали от нее Религию человечности, которую мы должны основать на руинах Религии божества; мы верим в права человека, в достоинство и необходимое освобождение человеческого рода; мы верим в человеческую свободу и в человеческое братство, основанное на человеческой справедливости. Одним словом, мы верим в победу человечности на Земле.

Но эта победа, которой мы желаем всем сердцем и хотим ее приблизить, объединив

наши усилия, эта победа, будучи по своей природе отрицанием преступления, собственно, отрицанием человечности, может осуществиться, лишь когда преступление перестанет быть тем, чем оно является в настоящее время почти повсюду: самой основой политического существования наций, поглощенных, поработанных идеей Государства. И так как теперь уже доказано, что никакое государство не может существовать, не совершая преступлений или, по крайней мере, не мечтая о них, не обдумывая, как их исполнить, когда оно бессильно их совершить, мы в настоящее время приходим к выводу о безусловной необходимости уничтожения государств.

Или, если хотите, их полного и коренного переустройства в том смысле, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху вниз державами, основанными на насилии или на авторитете какого-нибудь принципа, и, напротив, реорганизовались бы снизу вверх, с абсолютной свободой для всех частей объединяться или не объединяться и с постоянным сохранением для каждой части свободы выхода из этого объ-

единения, даже если бы она вошла в него по доброй воле; реорганизовались бы согласно действительным потребностям и естественным стремлениям всех частей, через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, округов, провинций и наций в единое человечество.

* * *

Таковы выводы, к которым нас неизбежно приводит исследование внешних отношений даже так называемого свободного государства с другими государствами. В дальнейшем мы увидим, что государство, основывающееся на божественном праве или религиозной санкции, приходит совершенно к тем же результатам. Рассмотрим теперь отношение государства, основанного на свободном договоре, к своим собственным гражданам или подданным.

Мы убедились, что исключая огромное большинство человеческого рода, ставя его вне сферы взаимных обещаний и обязанностей, связанных с моралью, справедливостью и правом, государство отрицает человечность и, посредством великого слова Патриотизм,

принуждает своих подданных к несправедливости и жестокости, как к высшему долгу. Оно ограничивает, обрубаёт, убивает в них человечность, дабы, перестав быть людьми, они были бы только гражданами или, с точки зрения исторической последовательности фактов, справедливей сказать, чтобы они не переросли уровень гражданина, не достигли высоты человека. Кроме того, мы увидели, что всякое государство, под страхом гибели и поглощения соседними государствами, должно стремиться к всемогуществу, а став могущественным, оно должно завоевывать. Кто говорит о завоевании, говорит о завоеванных, угнетённых, обращённых в рабство народах, какую бы форму это ни имело и как бы ни называлось. Итак, рабство является необходимым следствием существования государства.

Рабство может менять форму и название, но суть его остается прежней. Эта суть выражается в следующих словах: быть рабом – значит быть принужденным работать для другого, так же как быть господином – значит жить за счет труда другого. В древнем мире, подобно тому, как теперь в Азии, в Африке и

даже еще в части Америки, рабы прямо назывались рабами. В средние века они получили имя крепостных, в настоящее время их называют наемными работниками. Положение последних гораздо более достойно и менее тяжело, чем положение рабов, но, тем не менее, они все же принуждены голодом, а также политическими и общественными институтами поддерживать своим тяжелым трудом абсолютное или относительное безделье других. Следовательно, они рабы. И вообще ни одно древнее или современное государство никогда не могло обойтись без принудительного труда наемных или порабощенных масс как главного и неперемennого условия досуга, свободы и цивилизации политического класса – граждан. В этом отношении даже Соединенные Штаты Северной Америки не составляют исключения.

Таковы внутренние условия государства, которые обязательно следуют из его внешнего положения, т. е. из его естественной, постоянной и неизбежной враждебности по отношению ко всем другим государствам. Посмотрим теперь, каковы условия, непосредствен-

но вытекающие для граждан из свободного договора, на котором они основывают государство.

Назначение государства не ограничивается обеспечением защиты своих членов от всех внешних нападений, оно должно еще во внутренней жизни защищать их друг от друга и каждого – от самого себя. Ибо государство, – и это его характерная и основная черта, – всякое государство, как и всякая теология, основывается на предположении, что человек, в сущности, зол и плох. В рассматриваемом нами государстве добро, как мы видели, начинается лишь с заключения общественного договора и является, следовательно, не чем иным, как порождением этого договора, самим его содержанием. Оно не является порождением свободы. Напротив, покуда люди остаются изолированными друг от друга в своей абсолютной индивидуальности, пользуясь всей своей естественной свободой, не знающей других границ, кроме границ возможности, а не права, они признают только один закон, закон природного эгоизма: они оскорбляют, истязают и обкрадывают, убива-

ют и пожирают друг друга, каждый в меру своего ума, хитрости, материальных возможностей, подобно тому, как поступают, что мы и видели, в настоящее время государства. Таким образом, человеческая свобода рождает не добро, а зло, человек по природе дурен. Каким образом он стал плохим? Объяснить это – дело теологии. Факт тот, что государство при своем рождении находит человека уже дурным и берется сделать его хорошим, т. е. превратить естественного человека в гражданина.

На это можно было бы заметить, что, поскольку государство является продуктом свободно заключенного людьми договора, а добро является производением государства, то, следовательно, оно – произведение свободы! Подобный вывод совершенно неверен. Само государство, по этой теории, является не производением свободы, а, наоборот, добровольным пожертвованием и отречением от нее. Люди в естественном состоянии совершенно свободны с точки зрения права, но на деле они подвержены всем опасностям, которые каждую минуту угрожают их жизни и без-

опасности. Чтобы обеспечить и сохранить эту безопасность, они жертвуют, они отрекаются от большей или меньшей части своей свободы, и поскольку они жертвуют ею ради своей безопасности, поскольку становятся гражданами, они делаются рабами государства. Поэтому мы вправе утверждать, что, с точки зрения государства, добро рождается не из свободы, а, наоборот, из отрицания свободы.

Не знаменательно ли это сходство между теологией – этой наукой церкви, и политикой – этой теорией государства, и то, что два внешне столь различных порядка мысли и фактов приходят к одному и тому же убеждению: о необходимости пожертвовать человеческой свободой, чтобы сделать людей нравственными и превратить их согласно церкви – в святых, согласно государству – в добродетельных граждан. Что касается до нас, то мы нисколько не удивлены, ибо мы убеждены и постараемся ниже это доказать, что политика и теология две сестры, имеющие одно происхождение и преследующие одну цель, хотя и под разными названиями; что всякое государство является земной церковью, по-

добно тому, как всякая церковь, в свою очередь, со своими небесами – местопребыванием блаженных и бессмертных богов, является не чем иным, как небесным государством.

* * *

Итак, государство, как и церковь, исходит из той основной посылки, что люди по своей сущности дурны и что, предоставленные своей естественной свободе, они бы растерзали друг друга и явили зрелище самой ужасной анархии, где сильные убивали бы или эксплуатировали слабых. Не правда ли, это было бы нечто совершенно противоположное тому, что происходит в настоящее время в наших образцовых государствах? Государство возводит в принцип положение, что для того, чтобы установить общественный порядок, необходим верховный авторитет; чтобы управлять людьми и подавлять их дурные страсти, необходимы вождь и узда; но что этот авторитет должен принадлежать человеку гениальному и добродетельному, законодателю своего народа, как Моисей, Ликург и Солон, – и что тогда этот вождь и эта узда будут воплощать в себе мудрость и карающую мощь Госу-

дарства.

Во имя логики мы вполне могли бы обратиться к слову «законодатель», ибо в рассматриваемой нами системе речь идет не о кодексе законов, предписанном каким-нибудь авторитетом, а о взаимном обязательстве, свободно принятом свободными основателями государства. И так как эти основатели, согласно разбираемой системе, были не более и не менее, как дикарями, которые до тех пор жили в самой полной естественной свободе и, следовательно, должны были бы не знать различия между добром и злом, мы могли бы спросить: каким образом они вдруг сумели их различить и отделить друг от друга?

Правда, нам могут возразить, что, поскольку дикари заключили вначале между собой договор с единственной целью обеспечить их общую безопасность, то, что они называли добром, представляло собой лишь несколько пунктов, предусмотренных договором, например: не убивать друг друга, не грабить имущество друг друга и оказывать взаимную поддержку против всех нападений извне. Но впо-

следствии законодатель, гениальный и добродетельный человек, рожденный уже в среде сформировавшейся ассоциации и поэтому воспитанный в какой-то степени в ее духе, мог расширить и углубить условия и основы договора и таким образом создать первый моральный кодекс и первый кодекс законов.

Но сразу возникает другой вопрос: предположим, что человек, одаренный необыкновенным умом, рожденный еще первобытным обществом, получивший в этом обществе очень грубое воспитание, смог, благодаря своей гениальности, составить моральный кодекс; но каким образом он смог добиться того, чтобы этот кодекс был принят его народом? Силою одной логики? – Это невозможно. Логика в конце концов всегда торжествует, даже над самыми твердолобыми, но для этого надо много больше времени, чем продолжительность жизни одного человека, а если речь идет об умах слабых, то потребовалось бы, пожалуй, несколько столетий. С помощью силы, насилия? Но тогда это было бы общество, основанное уже не на свободном договоре, а на завоевании, на порабощении, что

прямо привело бы нас к действительным, историческим обществам, в которых все вещи объясняются, правда, гораздо более естественно, чем в теориях наших либеральных публицистов, но чье исследование и изучение не только не служат прославлению государства, как того хотели бы эти господа, а ведут нас, напротив, как мы это позже увидим, к желанию его скорейшего радикального и полного уничтожения.

Остается третий способ, посредством которого великий законодатель дикого народа мог бы заставить массу своих сограждан принять свой кодекс: а именно – божественный авторитет. И в самом деле, мы видим, что величайшие из известных законодателей, от Моисея до Магомета включительно, прибегали к нему. Он очень эффективен для наций, где верования и религиозное чувство еще имеют большое влияние, и, естественно, это сильнейшее средство для дикого народа.

Но только общество, которое было бы создано таким путем, не имело бы уже своим фундаментом свободный договор: созданное, конституированное прямым вмешательством

божьей воли, оно неизбежно будет государством теократическим, монархическим или аристократическим, но ни в коем случае не демократическим. А так как с богами торговаться нельзя, ибо они так же могущественны, как и деспотичны, и приходится слепо принимать все, что они предписывают, и подчиняться их воле во что бы то ни стало, отсюда следует, что в продиктованном богами законодательстве нет места для свободы.

* * *

Поэтому оставим пока основание государства – кстати, вполне историческое – путем прямого или косвенного вмешательства божественного всемогущества, пообещав вернуться к нему позже, и продолжим рассмотрение свободного государства, основанного на свободном договоре. Правда, мы пришли к убеждению в совершенной невозможности объяснить противоречивый сам по себе факт законодательства, порожденного гением одного человека и единогласно одобренного, свободно принятого целым народом дикарей, без того чтобы законодатель должен был прибегнуть к грубой силе или какому-нибудь бо-

жественному обману; но мы согласны допустить это чудо и просим теперь объяснения другого чуда, не менее трудного для понимания, чем первое: предположим, что новый кодекс нравственности и законов провозглашен и единогласно принят, но каким образом он применяется на практике, в жизни? Кто наблюдает за его исполнением?

Можно ли предположить, чтобы после этого единогласного принятия все или хотя бы большинство дикарей, составляющих первобытное общество, которые, до того как новое законодательство было провозглашено, были погружены в самую полную анархию, вдруг сразу, в силу одного этого провозглашения и свободного принятия, до такой степени преобразились, что начали бы по собственному почину и без другой побудительной причины, кроме своих собственных убеждений, добросовестно соблюдать и правильно выполнять все предписания и законы, налагаемые на них неведомой до сих пор моралью?

Допустить возможность такого чуда – значит признать одновременно бесполезность государства и способность естественного че-

ловека, побуждаемого только своей собственной свободой, понимать, желать и делать добро, что противоречило бы как теории так называемого свободного Государства, так и теории религиозного, или божественного, государства. Фундаментом обоих является предполагаемая неспособность человека возвыситься до добра и делать его по естественному побуждению, ибо такое побуждение, согласно этим теориям, непреодолимо и непрестанно влечет людей ко злу. Следовательно, обе теории учат нас, что для того, чтобы обеспечить соблюдение принципов и выполнение законов в каком бы то ни было человеческом обществе, необходимо, чтобы во главе государства стояла бдительная, регулирующая и, в случае нужды, репрессивная, карающая власть. Остается узнать, кто может и должен ею обладать?

Относительно государства, основанного на божественном праве и при вмешательстве какого-либо бога, ответ прост: власть должна принадлежать прежде всего священникам, а затем освященным ими светским властям. Гораздо более затруднителен ответ, если речь

идет о теории государства, основанного на свободном договоре. В чистой демократии, где царит свобода, кто мог бы быть действительно стражем и исполнителем законов, защитником справедливости и общественного порядка против низких страстей каждого? Ведь каждый, как считается, неспособен следить за самим собой и обуздывать самого себя в той мере, в какой это необходимо для общего блага, ибо свобода каждого имеет естественное влечение ко злу. Словом, кто же будет исполнять государственные функции?

Это будут лучшие граждане, ответят нам, самые умные и добродетельные, те, которые лучше других поймут общие интересы общества и необходимость для каждого, долг каждого подчинять им все частные интересы. В самом деле, необходимо, чтобы эти люди были так же умны, как и добродетельны, ибо если бы они были только умны без добродетельности, они бы могли заставить общественное дело служить их личным интересам, а если бы они были добродетельны, но не умны, они неизбежно провалили бы общественное дело, несмотря на все свои благие

намерения.

Итак, для того чтобы республика не погибла, необходимо, чтобы она обладала во все эпохи известным количеством людей такого рода; надо, чтобы на всем продолжении ее существования не прерывался последовательный ряд добродетельных и вместе с тем умных граждан.

Вот условие, которое реализуется не легко и не часто. В истории каждой страны эпохи, являющие значительное число выдающихся людей, отмечаются как эпохи необыкновенные, сияние которых проходит через века. Обычно в правящих сферах преобладает посредственность, серость, а часто, как мы это видим из истории, место этого цвета занимают черный и красный, т. е. торжествуют пороки и кровавое насилие. Мы могли бы отсюда заключить, что если бы действительно, как это явствует из теории так называемого рационального или либерального государства, сохранение и продолжительность существования всякого политического общества зависели от непрерывающейся последовательности замечательных как по уму, так и по добродете-

тели людей, то из всех в настоящее время существующих обществ нет ни одного, которое не должно бы было уже давно погибнуть.

Если мы к этой трудности, чтобы не сказать невозможности, добавим те, возникающие из совершенно особого развращающего воздействия власти, а также чрезвычайные искушения, которым неизбежно подвержены все люди, ею облеченные; добавим еще также воздействие честолюбия, соперничества, зависти и величайшего корыстолюбия, которые день и ночь осаждают именно самых высокопоставленных лиц и от соблазна которых не может спасти ни ум, ни даже добродетель — ибо добродетель отдельного человека хрупка, — то мы думаем, что мы вправе кричать о чуде при виде существования стольких обществ!

* * *

Но оставим это. Предположим, что в идеальном обществе в каждую эпоху есть достаточное число людей равно умных и добродетельных, которые могут достойно выполнять основные государственные функции. Но кто их будет искать, кто их найдет, кто их разли-

чит, кто вложит в их руки бразды правления? Или они сами их возьмут, в сознании соответственного ума и добродетели, подобно тому, как это сделали два греческих мудреца – Клеобул и Периандр, которым, несмотря на их предполагаемую великую мудрость, греки все же дали ненавистное имя тиранов? Но каким образом они захватят власть? Посредством убеждения или посредством силы? Если посредством убеждения, то заметим, что можно хорошо убеждать лишь в том, в чем сам убежден, и что именно лучшие люди бывают менее всего убеждены в своих собственных заслугах; даже если они сознают их, то им обычно претит навязывать себя другим, между тем как дурные и средние люди, всегда собою довольные, не испытывают никакого стеснения в самопрославлении.

Но предположим, что желание служить своему отечеству заставило замолчать в истинно достойных людях эту чрезмерную скромность и они сами себя представят своим согражданам для избрания. Будут ли они всегда приняты народом и предпочтены честолюбивым, красноречивым и ловким интрига-

нам? Если же, напротив, они хотят прийти к власти силой, то им необходимо прежде всего иметь в своем распоряжении достаточно силы, чтобы сломить сопротивление целой партии. Они придут к власти посредством гражданской войны, результатом которой будет побежденная, но не примирившаяся и всегда враждебная партия. Чтобы сдерживать ее, они должны будут продолжать применение силы. Таким образом, это будет уже не свободное общество, а основанное на насилии деспотическое общество, в котором вы, быть может, найдете много заслуживающих восхищения вещей, но никогда не найдете свободы.

Чтобы сохранить фикцию свободного государства, рожденного общественным договором, нам нужно предположить, что большинство граждан всегда обладают необходимыми благоразумием, прозорливостью и справедливостью, чтобы поставить во главе правительства самых достойных и самых способных людей. Но для того, чтобы народ проявлял прозорливость, справедливость, благоразумие не единожды и не случайно, а всегда, на всех выборах, в продолжение всего своего су-

ществования, не надо ли, чтобы он сам в своей массе достиг такой высокой степени нравственного развития и культуры, при которой правительство и государство ему больше не нужны? Такой народ нуждается не только в жизни, предоставляющей полную свободу всем его влечениям. Справедливость и общественный порядок возникнут сами по себе и естественно из его жизни, и государство, перестав быть провидением, опекуном, воспитателем, регулятором общества, отказавшись от всякой репрессивной власти и снизойдя до подчиненной роли, отведенной ему Прудоном, сделается простой канцелярией, своего рода центральной конторой на службе общества.

Без сомнения, такая политическая организация или, лучше сказать, такое уменьшение политической деятельности в пользу свободы общественной жизни было бы для общества великим благодеянием, хотя оно несколько не удовлетворило бы приверженцев государства. Им непременно нужно государство-провидение, государство-руководитель общественной жизни, податель справедливости и

регулятор общественного порядка.

Другими словами, признаются ли они себе в этом или нет, называют ли себя республиканцами, демократами или даже социалистами, им всегда нужно, чтобы управляемый народ был более или менее невежественным, несовершеннолетним, неспособным, или, называя вещи своими именами, чтобы народ был более или менее управляемым сбродом. С тем чтобы они, превозмогши в себе бескорыстие и скромность, могли оставаться на первых ролях, чтобы всегда иметь возможность посвятить себя общественному делу и чтобы, уверившись в своей добродетельной преданности и исключительном уме, эти привилегированные стражи людского стада, направляя его к его благу и спасению, могли бы также его понемногу обирать.

Всякая последовательная и искренняя теория государства основана главным образом на принципе авторитета, т. е. на той в высшей степени теологической, метафизической и политической идее, что массы, будучи всегда неспособными к самоуправлению, во всякое время должны пребывать под благотвор-

ным игом мудрости и справедливости, так или иначе навязанными им сверху. Но кем и во имя чего? Авторитет, который массы признают и которому подчиняются, как таковому, может иметь лишь три источника: силу, религию и воздействие высшего разума. Дальше мы будем говорить о государствах, основанных на двойной власти религии и силы, но, пока мы рассматриваем теорию государства, основанного на свободном договоре, мы должны не принимать во внимание ни ту, ни другую. Пока что нам остается авторитет высшего разума, который, как известно, всегда составляет удел меньшинства.

В 1842 году Бакунин решил навсегда остаться в Европе. «Мне нелегко расстаться с Отечеством, но я не гоюсь теперешней России», – писал он брату. В 1843 году Бакунин устанавливает связи с германскими и швейцарскими революционерами, о чем вскоре становится известно русскому правительству. В 1844 году правительствующий Сенат приговорил «бывшего поручика» Михаила Бакунина к лишению «дворянского достоинства и всех прав состояния», а также «в случае явки

в Россию сослать в Сибирь в каторжную рабо-

ту». Все принадлежащее ему в России имущество было конфисковано в казну.

И в самом деле, что мы наблюдаем во всех государствах прошлого и настоящего, даже если они наделены самыми демократическими институтами, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки и Швейцария? Self-government масс, несмотря на весь аппарат народного всемогущества, является там по большей части только видимостью. В действительности правит меньшинство.

В Швейцарии, несмотря на все совершившиеся здесь демократические революции, по-прежнему правит зажиточный класс, буржуазия, т. е. меньшинство, привилегированное в отношении имущества, досуга и образования. Суверенитет народа – слово, которое нам, впрочем, ненавистно, ибо всякая верховная власть, на наш взгляд, достойна ненависти, – самоуправление масс в Швейцарии тоже является фикцией. Народ суверенен по праву, но не на деле, ибо, вынуждено поглощенный ежедневной работой, не оставляющей ему никакого свободного времени, и, если не со-

вершенно невежественный, то, во всяком случае, сильно уступающий в образовании буржуазному классу, он принужден отдать в руки буржуазии свой так называемый суверенитет.

Единственная выгода, которую он из него извлекает, как в Соединенных Штатах Северной Америки, так и в Швейцарии, заключается в том, что честолюбивые меньшинства, политические классы, стремясь к власти, ухаживают за ним, льстя его мимолетным, иногда очень дурным страстям и чаще всего обманывая его.

* * *

Не надо думать, что мы подвергаем критике демократическое правительство в угоду монархии. Мы твердо убеждены, что самая несовершенная республика в тысячу раз лучше, чем самая просвещенная монархия, ибо в республике бывает так, что народ, хотя он постоянно эксплуатируем, не угнетен, между тем как в монархиях он угнетен постоянно. И кроме того, демократический режим поднимает мало-помалу массы до общественной жизни, чего монархия никогда не делает. Но,

отдавая предпочтение республике, – мы принуждены признать и провозгласить, что, какова бы ни была форма правления, все же, пока есть наследственное неравенство занятий, имущества, образования и прав, человеческое общество останется разделенным на различные классы, а меньшинство будет править большинством и неизбежно его эксплуатировать.

Государство и является именно таким господством и эксплуатацией, возведенными в правило и систему. Попробуем это доказать, рассматривая последствия управления народными массами меньшинством, сколь угодно просвещенным и преданным, в идеальном государстве, основанном на свободном договоре.

После определения условий договора остается лишь применить их на практике. Предположим, что какой-то народ, достаточно мудрый, чтобы признать свою собственную несостоятельность, имеет еще и необходимую прозорливость, чтобы верить управлению общественными делами лишь самым лучшим гражданам. Эти избранные имеют

привилегии не с точки зрения права, а лишь фактически. Они были выбраны народом потому, что они самые просвещенные, самые ловкие, самые мудрые, самые мужественные и самые преданные.

Взятые из массы граждан, которые, по предположению, все между собой равны, они еще не образуют отдельный класс, а лишь группу людей, имеющих природные преимущества, а потому отмеченных народным избранием. Их число неизбежно весьма ограничено, ибо во всякой стране и во всякое время количество людей, одаренных столь выдающимися качествами, что они выдвигаются как будто сами собой при всеобщем уважении нации, бывает, как показывает опыт, весьма незначительным. Значит, под страхом сделать неверный выбор народ должен будет всегда избирать среди них своих правителей.

И вот общество уже разделено на две категории, чтобы не сказать на два класса, из которых один, состоящий из громадного большинства граждан, свободно подчиняется правлению своих избранных; другой, состоящий из незначительного числа даровитых

натур, признанных таковыми и избранных народом, уполномочен управлять им. Завися от народного избрания, эти люди вначале отличаются от массы граждан только теми самыми качествами, которые снискали им доверие соотечественников, и являются среди всей массы граждан, естественно, самыми полезными и преданными. За ними еще не признаны никакие привилегии, никакое особенное право, за исключением права выполнять социальные функции, которые на них возложены, покуда этого желает народ. Во всем остальном – в образе жизни, условиях и средствах существования – они нисколько не отличаются от народа, так что между всеми продолжает царить полное равенство.

Но может ли это равенство долго сохраняться? Думаем, что нет, и нет ничего легче, как доказать это.

Нет ничего более опасного для личной морали человека, чем привычка повелевать. Самый лучший, самый просвещенный, бескорыстный, великодушный, чистый человек неизбежно испортится в этих условиях. Два присущих власти чувства всегда неизбежно

ведут к этому разложению: презрение к народным массам и преувеличение своих собственных заслуг.

Массы, осознав свою неспособность к самоуправлению, выбрали меня в вожди. Тем самым они открыто признали свою неполноценность и мое превосходство. Из всей этой толпы людей, в которой лишь несколько человек я признаю равными себе, я один способен управлять общественными делами. Народ во мне нуждается, он не может обойтись без моих услуг, между тем как я довольствуюсь самим собой. Значит, народ должен повиноваться мне ради собственного блага, и, снисходя до управления им, я делаю его счастливым. Не правда ли, есть от чего потерять голову и сердце и обезуметь от гордости? Таким образом, власть и привычка повелевать становятся далее для самых просвещенных и добродетельных людей источником интеллектуального и одновременно морального извращения.

Вся человеческая нравственность – немного ниже мы постараемся доказать абсолютную истину этого принципа, развитие, объяс-

нение и самое широкое применение которого составляют главную цель этого сочинения, – всякая коллективная и индивидуальная мораль покоится главным образом на уважении к человеку. Что подразумеваем мы под уважением к человеку? – Признание человечности, человеческого права и человеческого достоинства в каждом человеке, каковы бы ни были его раса, цвет кожи, уровень развития его ума и даже нравственности. Но могу ли я уважать человека, если он глуп, злобен, достоин презрения?

Конечно, если он обладает, этими качествами, то невозможно, чтобы его подлость, тупоумие, грубость вызывали мое уважение; они мне противны и возмутительны; я приму против них, в случае надобности, самые энергичные меры, и даже убью этого человека, если у меня не останется других средств защитить мою жизнь, мое право или то, что мне дорого и мною уважаемо. Но во время самой решительной, ожесточенной и в случае необходимости смертельной борьбы с ним я должен уважать в нем его человеческую природу. Только этой ценой я могу сохранить свое

собственное человеческое достоинство.

Однако, если этот человек не признает ни в ком этого достоинства, можно ли признавать его в нем? Если он своего рода хищный зверь, если, как это иногда случается, хуже, чем зверь, можно ли признавать в нем человеческую природу, не будет ли это заблуждением? Нет, ибо каково бы ни было его теперешнее интеллектуальное и моральное падение, если органически он не является ни идиотом, ни безумным – в каких случаях с ним надо было бы обращаться не как с преступником, а как с больным, – если он вполне владеет своими чувствами и рассудком, отпущенными ему от природы, его человеческая натура, при всех ужасных отклонениях, тем не менее весьма реально существует в нем как всегда живущая, покуда он жив, способность возвыситься до сознания своей человечности – если только произойдет коренная перемена в социальных условиях, сделавших его тем, что он есть.

Возьмите самую умную, самую способную обезьяну, поместите ее в наилучшие, в наиболее человеческие условия – и все же вы нико-

гда не сделаете из нее человека. Возьмите самого закоренелого преступника и самого бедного умом человека; если только ни в одном из них нет какого-нибудь органического дефекта, определяющего – его идиотизм или неизлечимое безумие, то вы убедитесь, что если один сделался преступником, а другой еще не возвысился до сознания своей человечности и своих человеческих обязанностей, то виноваты в этом не они сами, даже не их натура, а социальная среда, в которой они родились и развивались.

* * *

Мы подошли здесь к самому важному моменту социального вопроса и науки о человеке вообще. Мы уже неоднократно повторяли, что мы полностью отрицаем свободу воли в том смысле, какой приписывают этому слову теология, метафизика и юридическая наука, т. е. в смысле спонтанного самоопределения индивидуальной воли человека, независимо от всякого природного или социального влияния.

Мы отрицаем существование души, существование духовной субстанции, независи-

мой и отделимой от тела. Напротив, мы утверждаем, что, подобно тому, как тело индивида, со всеми своими способностями и инстинктивными предрасположениями, является лишь равнодействующей всех общих и частных причин, определивших его индивидуальную организацию, – то, что неправильно называется душой человека, его интеллектуальные и моральные качества являются прямым производением или, лучше сказать, естественным, непосредственным выражением этой самой организации, а именно выражением уровня органического развития, которого благодаря стечению независимых от воли причин достиг его мозг.

Всякий, даже самый непритязательный индивид является продуктом веков; история причин, способствовавших его образованию, не имеет начала. Если бы мы имели дар, которым никто не обладает и не будет никогда обладать, – дар познать и объять бесконечное многообразие превращений материи, или Сущего, которые происходили с фатальной последовательностью от рождения нашего земного шара до рождения этого индивида, то

мы могли бы, никогда его не выдав, сказать с почти математической точностью, какова его органическая природа, определить до малейших подробностей меру и характер его интеллектуальных и моральных способностей – одним словом, его душу в том виде, какова она есть в час его рождения.

Не имея возможности изучить и объять все эти последовательные трансформации, мы можем безошибочно утверждать, что всякий человеческий индивид в момент своего рождения является всецело продуктом исторического, т. е. физиологического и социального развития его расы, народа, касты – если в его стране существуют касты, – его семьи, его предков и индивидуальных особенностей его отца и матери, передавших ему непосредственно, путем физиологического наследования, в качестве его естественного исходного пункта и определения его индивидуальности все неизбежные следствия их собственного предшествующего существования как материального, так и морального, как индивидуального, так и социального, включая их мысли, чувства и поступки, включая все преврат-

ности их жизни и все большие или малые события, в которых они принимали участие, включая также бесконечное многообразие случайностей, которые могли с ними произойти {Случайности, которым подвержен эмбрион во время своего развития в чреве матери, прекрасно объясняют различие, чаще всего существующее между детьми одних родителей, и делают для нас понятным, каким образом у умных родителей может быть дитя-идиот. Но это всегда лишь печальное исключение вследствие какой-либо случайной мимолетной причины. Природа, благодаря несуществованию благого Бога, никогда не бывая капризной и ничего не делая без достаточной на то причины, никогда не меняет тенденцию или направление, не будучи принуждаемой к этому превосходящей ее силой. Таким образом, правило воспроизводства человеческого рода путем последовательности пар, образующих семью, должно быть таким: если бы каждая пара прибавляла к физиологическому наследству своих родителей новое физическое, интеллектуальное и моральное развитие, то – так как всякое идеальное со-

вершенствование есть материальное совершенствование, идущее от мозга, — каждое вновь рождающееся существо должно бы быть во всех отношениях выше своих родителей.}, вместе со всем тем, что они наследовали таким же образом от своих собственных родителей.

Нам нет надобности напоминать о том, чего никто и не думает отрицать, а именно, что различия рас, народов и далее классов и семей определяются причинами географическими, этнографическими, физиологическими, экономическими (включая два больших вопроса: вопрос о занятиях, т. е. о разделении коллективного труда общества, о способе распределения богатств; и вопрос о питании как в отношении количества, так и в отношении качества), а также причинами историческими, религиозными, философскими, юридическими, политическими и социальными. Все эти причины, комбинируясь различным образом для каждой расы, каждой нации и, более того, для каждой провинции и каждой коммуны, каждого класса, каждой семьи, придают всем им собственную физиономию,

т. е. особый физиологический тип, сумму специальных предрасположений и способностей, — независимо от воли индивидов, входящих в их состав и всецело являющихся их продуктом.

* * *

Каждый человеческий индивид уже в момент своего рождения является материальной, органической равнодействующей всего того бесконечного разнообразия причин, которые, скомбинировавшись, произвели его. Его душа, т. е. его органическое предрасположение к развитию чувств, идей и воли, является лишь продуктом. Она вполне определяется индивидуальным физиологическим качеством его мозговой и нервной системы, которая, как и все его тело, полностью зависит от более или менее удачного сочетания этих причин. Она составляет то, собственно, что мы называем отличительной, изначальной натурой индивида.

Существует столько же различных натур, сколько и индивидов. Эти индивидуальные различия проявляются тем яснее, чем более они развиваются или, лучше сказать, они не

только проявляются с большей силой, они действительно увеличиваются по мере того, как развиваются индивиды, потому что различные вещи, внешние обстоятельства, одним словом, тысячи по большей части неуловимых причин, воздействующих на развитие индивидов, сами по себе весьма различны. Это обуславливает то, что чем более подвигается в жизни какой-нибудь индивид, тем более вырисовывается его индивидуальная натура, тем более он отличается как достоинствами, так и недостатками, от всех других индивидов.

В какой степени особая натура, или душа индивида, т. е. индивидуальные особенности мозгового и нервного устройства, развиты у новорожденного ребенка? Разрешение этого вопроса является делом физиологов. Мы знаем только, что все эти особенности обязательно должны быть наследственными в том смысле, который мы попытались объяснить, т. е. определенными бесконечным множеством самых различных, самых разнообразных причин, причин материальных и моральных, механических и физических, орга-

нических и духовных, исторических, географических, экономических и социальных, больших и малых, постоянных и случайных, непосредственных и очень отдаленных в пространстве и во времени, сумма которых комбинируется в единое живое Существо и индивидуализируется в первый и в последний раз в потоке универсальных трансформаций только в этом ребенке, который, в узком значении этого слова, никогда не имел и никогда не будет иметь себе подобного.

Остается узнать, до какой степени и в каком смысле эта индивидуальная натура действительно детерминирована в тот момент, когда ребенок выходит из чрева матери. Является ли эта детерминация только материальной или в то же время духовной и моральной, хотя бы в качестве тенденции естественной способности или инстинктивного предрасположения? Рождается ли ребенок умным или глупым, добрым или злым, наделенным волей или лишенным ее, предрасположенным к развитию того или иного таланта? Может ли он унаследовать характер, привычки, недостатки или интеллектуальные и мораль-

ные качества своих родителей и предков?

Вот вопросы, решить которые чрезвычайно сложно, и мы не думаем, чтобы экспериментальная физиология и экспериментальная психология были бы в настоящее время достаточно зрелыми и развитыми, чтобы суметь ответить на них с полным знанием дела. Наш славный соотечественник г. Сеченов говорит в своем замечательном труде о деятельности мозга, что в громадном большинстве случаев, 999/1000 частей психического характера индивида, конечно, более или менее заметны в человеке до самой его смерти. «Я не утверждаю, – говорит он, – чтобы можно было посредством воспитания переделать дурака в умного человека. Это также невозможно, как дать слух индивиду, рожденному без акустического нерва. Я думаю лишь, что взяв с детства умного от природы негра, лапландца или самоеда, можно из них сделать при помощи европейского воспитания в самой среде европейского общества людей, очень мало отличающихся в психическом отношении от цивилизованного европейца».

Устанавливая это отношение между

999/1000 частями психического характера, принадлежащими, по его мнению, воспитанию, и только одной тысячной, оставляемой им на долю наследственности, г. Сеченов не имел в виду, конечно, исключений: гениальных и необыкновенно талантливых людей или идиотов и дураков. Он говорит лишь о громадном большинстве людей, одаренных обыкновенными или средними способностями. Они являются, с точки зрения социальной организации, самыми интересными, мы сказали бы далее, единственно интересными, ибо общество создано ими и для них, а не гениальными людьми и не для них одних, сколь безмерной ни казалась бы их сила.

В этом вопросе нас особенно интересует, могут ли подобно интеллектуальным способностям и моральные качества: доброта или злоба, храбрость или трусость, сила или слабость характера, великодушие или жадность, эгоизм или любовь к ближнему и другие положительные или отрицательные качества этого рода, быть физиологически унаследованы от родителей и предков или независимо от наследственности сформироваться под

влиянием какой-либо случайной, известной или неизвестной причины в то время, когда ребенок находится еще в чреве матери. Одним словом, может ли ребенок при рождении уже иметь какие-либо моральные предрасположенности?

Мы так не думаем. Чтобы точнее поставить вопрос, заметим, во-первых, что если бы существование врожденных моральных качеств было допустимо, то это могло бы быть лишь при условии, что они были связаны в новорожденном ребенке с какой-нибудь физиологической, чисто материальной особенностью его организма: ребенок, выходя из чрева матери, не имеет еще ни души, ни разума, ни чувств, ни даже инстинктов; он рождается для всего этого; так что он является лишь физическим существом, и его способности и качества, если он их имеет, могут быть лишь анатомическими и физиологическими. Чтобы ребенок мог родиться добрым, великодушным, надо было бы чтобы каждое из этих достоинств или недостатков соответствовало какой-нибудь материальной и, так сказать, местной особенности его организма, а имен-

но его мозга, – это вернуло бы нас к системе Галля, который думал, что он нашел для каждого качества и для каждого недостатка соответствующие шишки и впадины на черепе. Система эта, как известно, единогласно отвергнута современными физиологами.

Но если бы она оказалась верной, что бы отсюда вытекало? Раз недостатки и пороки, так же как и хорошие качества, врожденны, то оставалось бы узнать, могут ли они быть побеждены воспитанием или нет? В первом случае вина за все преступления, совершенные людьми, падала бы на общество, не сумевшее дать им надлежащее воспитание, а не на них, которых можно было бы рассматривать, наоборот, как жертвы социальной непредусмотрительности. Во втором случае, поскольку врожденные предрасположенности были бы признаны фатальными и непоправимыми, обществу не оставалось бы ничего другого, как избавиться от всех людей, имеющих какой-либо природный или врожденный порок. Но, дабы не впасть в отвратительный порок лицемерия, общество должно было бы признать, что оно делает это един-

ственно в интересах своего сохранения, а не ради справедливости.

* * *

Есть еще одно соображение, которое может прояснить этот вопрос: в мире интеллектуальном и моральном, так же как и в мире физическом, существует только положительное; отрицательное не существует, оно не составляет обособленное бытие, это лишь более или менее значительное уменьшение положительного. Так, например, холод есть лишь иное свойство тепла, это лишь относительное отсутствие, лишь незначительное уменьшение тепла! Так же обстоит дело с мраком, являющимся лишь светом, уменьшенным донельзя...

Абсолютный мрак и абсолютный холод не существуют. В мире интеллектуальном глупость является не чем иным, как слабостью ума, а в нравственности недоброжелательство, жадность, трусость являются лишь доброжелательством, великодушием и храбростью, доведенными не до нуля, а до очень малого количества. Но, сколь ни мало это количество, все же это количество положитель-

ное, которое может быть развито, усилено и увеличено воспитанием в положительном смысле, – что было бы невозможно, если бы пороки или отрицательные качества являлись самостоятельными свойствами; тогда их надо было бы убивать, а не развивать, ибо развитие их могло бы в таком случае идти лишь в отрицательном направлении.

Наконец, не позволяя себе предрешать эти важные физиологические вопросы, относительно которых мы не скрываем своего полного невежества, добавим лишь, опираясь на единогласный авторитет всех современных физиологов, последнее соображение: кажется установленным и доказанным отсутствие в человеческом организме отдельных участков и органов для инстинктивных, эффективных или моральных и интеллектуальных способностей; все они вырабатываются в одной и той же части мозга посредством одного и того же нервного аппарата

Источником идей являются чувственные впечатления, источником чувств – впечатления инстинктивные. Назначением нервных клеток является превращение инстинktiv-

ных впечатлений в чувства. Проблема происхождения чувств в точности параллельна проблеме происхождения идей.

Этот род деятельности мозга осуществляется через инстинктивные впечатления двух типов: впечатления, которые принадлежат к инстинктам поддержания индивидуальной жизни, и те, которые принадлежат к инстинктам поддержания жизни вида. Первая категория здесь трансформируется в себялюбие, вторая – в любовь к другому, в первоначальной форме половой любви друг к другу, любви матери к ребенку и ребенка к матери.

С этой точки зрения нелишне бросить взгляд на сравнительную физиологию. У рыб, стоящих в отношении развитости мозга на самой низшей ступени среди позвоночных и не знающих ни семьи, ни детенышей, инстинкт остается чисто половым. Но чувства, порождаемые им, начинают проявляться у многих млекопитающих и птиц; устанавливается настоящее сожительство, но по большей части оно временное. Так же точно обстоит дело с зарождением семьи, которая требует заботы родителей о детенышах и дете-

нышей о родителях. Наконец, у иных животных, и между прочим у человека, между различными семьями образуются такого же рода отношения, как между членами одной и той же семьи; там и сям, в некоторых точках животного царства зарождается общественность.

Итак, кажется, установлено, что в мозгу не существует специальных органов ни для различных интеллектуальных способностей, ни для различных моральных качеств, чувств и страстей, добрых или дурных. Следовательно, ни достоинства, ни недостатки не могут быть унаследованы, врожденны, ибо, как мы отметили, эта наследственность и врожденность может быть в новорожденном лишь физиологической, материальной. В чем же может заключаться постепенное исторически передаваемое совершенствование мозга как в интеллектуальном, так и в моральном отношении? Единственно в гармоническом развитии всей мозговой и нервной системы, т. е. как в верности, тонкости и живости нервных впечатлений, так и в способности мозга перерабатывать эти впечатления в чувства, в

идеи и комбинировать, охватывать и удерживать все более и более широкие ассоциации чувств и идей.

Весьма вероятно, что если у какой-нибудь расы, нации, у какого-нибудь класса или в какой-нибудь семье, вследствие их отличительной природы, всегда обусловленной их географическим и экономическим положением, характером их занятий, количеством и качеством пищи, также как их политической и социальной организацией, одним словом, всей их жизнью и большей или меньшей степенью интеллектуального и морального развития, – что если, вследствие всех этих условий, одна или несколько систем органических функций, совокупность которых образует жизнь человеческого тела, будут развиты в ущерб всем другим системам в родителях, – весьма вероятно, почти несомненно, говорим мы, что их ребенок унаследует в той или иной степени ту же плачевную дисгармонию – с возможностью только исправить ее до некоторой степени благодаря своей собственной будущей работе над самим собой, а иногда также благодаря социальным револю-

циям, без которых установление более полной гармонии в физиологическом развитии индивидов, взятых в отдельности, может быть часто невозможным.

Во всяком случае, надо сказать, что абсолютная гармония в развитии человеческих мускульных, инстинктивных, интеллектуальных и моральных способностей является идеалом, который никогда нельзя будет осуществить; во-первых, потому что история физиологически тяготеет более или менее (и да придет время, когда можно будет сказать: все менее и менее) – над всеми народами и над всеми индивидами; и затем потому, что всякая семья и всякий народ всегда находятся в разных обстоятельствах и в различных условиях, по крайней мере некоторые из которых будут препятствовать полному и нормальному развитию людей.

Так что передаваемое наследственным путем из поколения в поколение и то, что может быть физиологически врожденным в индивидах, появляющихся на свет, – это не достоинства или недостатки, не идеи или ассоциации чувств и идей, а только лишь му-

скульный и нервный механизм, более или менее усовершенствованные и гармонизированные друг с другом органы, посредством которых человек движется, дышит, ощущает себя, получает и удерживает внешние впечатления и воображает, судит, комбинирует, ассоциирует и понимает чувства и идеи, являющиеся теми же самыми, как внешними, так и внутренними, впечатлениями, сгруппированными и трансформированными сначала в конкретные представления, затем в абстрактные понятия при помощи чисто физиологической и, добавим еще, совершенно произвольной деятельности мозга.

* * *

Ассоциации чувств и идей, развитие и последовательные трансформации которых составляют всю интеллектуальную и моральную часть истории человечества, не обуславливают образование в человеческом мозгу новых органов, соответствующих каждой отдельной ассоциации, и не могут быть переданы индивидам путем физиологической наследственности. То, что физиологически наследуется, – это все более и более усиленная,

расширенная и усовершенствованная способность понимать их и создавать новые. Но сами ассоциации и представляющие их сложные идеи, как, например, идея Бога, отечества, нравственности и т. д., не могут быть врожденными и передаются индивидам лишь путем общественной традиции и воспитания. Они действуют на ребенка с первого дня его рождения, и так как они уже воплотились в окружающей его жизни, во всех как материальных, так и моральных деталях социального мира, в котором он родился, то и проникают тысячью различных способов в его вначале еще детское, затем отроческое и юношеское сознание, которое рождается, растет и формируется под их всеильным влиянием.

Понимая воспитание в самом широком смысле этого слова, подразумевая под ним не только образование и уроки нравственности, но также и главным образом пример, который подают ребенку все окружающие его лица, влияние всего того, что он слышит, что он видит, не только его духовную культуру, но также развитие его тела посредством пита-

ния, гигиены, физических упражнений, – мы утверждаем с полной уверенностью, что никто серьезно не будет возражать против того, что всякий ребенок, всякий подросток, всякий юноша и, наконец, всякий взрослый человек является всецело произведением мира, который вскормил его и воспитал, произведением фатальным, невольным и, следовательно, безответственным.

Человек приходит в жизнь без души, без сознания, без тени какой-нибудь идеи или чувства, но имея человеческий организм, индивидуальность которого определена бесконечным числом обстоятельств и условий, предшествовавших самому рождению воли; она же, в свою очередь, обуславливает большую или меньшую способность человека к восприятию и присвоению чувств, идей и ассоциаций чувств и идей, выработанных веками и переданных каждому как общественное наследство при помощи полученного воспитания. Плохое это воспитание или хорошее, но оно дано человеку, и он не несет никакой ответственности за него. Оно формирует человека, насколько это позволяет более или

менее восприимчивая индивидуальная натура последнего, так сказать, по своему образу, так что он думает, чувствует и желает то же самое, что хотят, чувствуют и думают все окружающие.

Но в таком случае нас могут спросить, как же объяснить, что одинаковое, по крайней мере внешне, воспитание часто приводит к совершенно различным результатам с точки зрения развития характера, ума и сердца? А разве не различны при рождении индивидуальные натуры? Это природное и врожденное различие, сколь оно ни мало, является, однако, положительным и реальным: различие в темпераменте, в жизненной энергии, в преобладании одного чувства, одной группы органических функций над другими, в живости и природных способностях.

Мы постараемся доказать, что пороки, так же как и моральные качества, – факты индивидуального и общественного сознания и не могут быть физически унаследованы, что никакая физиологическая особенность не может обречь человека на зло, сделать его неправимо неспособным к добру; но мы ни-

сколько не хотим отрицать, что есть очень разные натуры, из которых одни, более одаренные, способны к большему человеческому развитию, чем другие.

Мы считаем, правда, что в настоящее время излишне преувеличивают природные различия между индивидами и что наибольшую часть ныне существующих различий надо приписывать не столько природе, сколько воспитанию, полученному каждым. Для решения этого вопроса надо было бы, во всяком случае, чтобы две науки, призванные разрешить его, а именно: физиологическая психология, или наука о мозге, и педагогика, или наука о воспитании и социальном развитии мозга, – вышли из детского возраста, в котором они обе еще пребывают. Но из признания физиологического различия между индивидами следует, что любая система воспитания, сама по себе превосходная, будучи абстрактной системой, может быть хороша для одного человека и дурна для другого.

Для того чтобы быть совершенным, воспитание должно быть гораздо более индивидуализированным, чем теперь, должно быть ин-

дивидуализировано в духе свободы и уважения свободы, даже и у детей. Его задачей должна быть не дрессировка характера, ума и сердца, а их пробуждение к независимой и свободной деятельности. Оно не должно преследовать иной цели, кроме созидания свободы, не иметь другого культа или, лучше сказать, другой морали, другого объекта уважения, кроме свободы каждого и всех; кроме простой справедливости, не юридической, а человеческой; кроме простого разума, не теологического, не метафизического, а научного; кроме труда, физического и умственного, первой и обязательной для всех основы всякого достоинства, всякой свободы и права.

Такое воспитание, широко распространенное на всех, как на мужчин, так и на женщин, при экономических и социальных отношениях, основанных на строгой справедливости, привело бы к исчезновению многих так называемых природных различий.

* * *

Нам могут возразить: хорошо, пусть современное воспитание несовершенно, но, во всяком случае, им одним нельзя объяснить тот

неоспоримый факт, что часто в среде семейств, наиболее лишенных нравственного чувства, можно встретить личности, поражающие нас благородством своих инстинктов и чувств, и, напротив, в среде самых развитых в нравственном и интеллектуальном отношении семей еще чаще встречаются индивиды, низменные умом и сердцем. Этот факт как будто бы совершенно противоречит мнению, согласно которому большая часть интеллектуальных и моральных качеств человека является результатом полученного им воспитания. Но это лишь видимое противоречие. В самом деле, хотя мы и утверждали, что в огромном большинстве случаев человек является всецело произведением социальных условий, в которых он формируется; хотя мы и оставили сравнительно малую долю влияния физиологической наследственности естественных качеств, с которыми рождается человек, тем не менее, мы не отрицали этого влияния.

Мы признали даже, что в некоторых исключительных случаях, например, у людей гениальных или очень талантливых, как и у

идиотов и людей нравственно очень испорченных, это влияние или природная детерминация развития индивида – детерминация столь же фатальная, как и влияние воспитания и общества, – может быть очень велика. Последнее слово по всем вопросам принадлежит физиологии мозга, а она еще не достигла той степени развития, чтобы быть в состоянии в настоящее время разрешить их даже приблизительно. Единственное, что мы можем сегодня с уверенностью утверждать, это то, что все эти вопросы бьются между двумя фатализмами: фатализмом естественным, органическим, физиологически наследственным и фатализмом общественной наследственности и традиции, воспитания и социально-политического и экономического устройства каждой страны. Здесь нет места для свободной воли.

Но помимо естественной, положительной или отрицательной детерминации индивида, которая может поставить его в большее или меньшее противоречие с духом, царящим в семье, могут существовать для каждого отдельного случая еще другие тайные причины,

которые в большинстве случаев так и остаются неведомыми, но которые должны быть нами приняты, тем не менее, в расчет. Стечение особых обстоятельств, неожиданное событие, иногда даже очень незначительный, сам по себе, случай, случайная встреча какого-нибудь человека, иногда книга, попавшая в руки данного индивида в надлежащий момент, – все это в ребенке, в подростке, в юноше, когда воображение кипит и еще полностью открыто для жизненных впечатлений, для жизни, может произвести коренной переворот как к добру, так и ко злу. Добавьте к этому характерную для молодости гибкость, в особенности когда молодые люди одарены известной естественной энергией, которая заставляет их противиться всем излишне повелительным и настойчиво-деспотичным влияниям и благодаря которой иногда даже избыток зла может породить добро.

Может ли в свою очередь избыток добра или то, что обычно называется добром, породить зло? Да, когда добро выступает как деспотический, абсолютный закон, религиозный, доктринерски-философский, политиче-

ский, юридический, социальный или как закон семейно-патриархальный, – одним словом, когда, каким бы хорошим оно ни было или ни казалось, оно предписывается как отрицание свободы, а не является ее продуктом. Но в таком случае бунт против добра, навязываемого таким образом, является не только естественным, но и законным; этот бунт не только не зло, а, напротив, добро; ибо не существует добра вне свободы, а свобода является источником и абсолютным условием всякого добра, которое поистине достойно этого слова, ведь добро есть не что иное, как свобода.

Рабы церкви – рабы государства

(Из статьи «Федерализм, социализм и антиитеологизм»)

Мы убеждены, что в мире не произошло ни одного крупного политического и социального изменения, которое бы не сопровождалось, а зачастую и не предварялось, аналогичным движением в философских и религиозных идеях, управляющих сознанием как индивидов, так и общества.

Все религии со своими богами всегда были только созданием верующей и лежковерной фантазии человека, еще не достигшего уровня чистой рефлексии и свободной, основанной на науке мысли; религиозное небо было лишь миражом, в котором воспламененный верой человек находил свой собственный образ, но увеличенный и перевернутый, то есть обожествленный.

История религий, история величия и упадка следовавших друг за другом богов – не что иное, как история развития коллективного ума и коллективного сознания людей. По ме-

ре того как они открывали в себе или вне себя какую-либо силу, способность или качество, они приписывали его своим богам, увеличив его, расширив сверх всякой меры актом своей религиозной фантазии, подобно тому, как это делают дети. Таким образом, благодаря скромности и великодушию людей, небо обогатилось плодами земли, и, естественно, чем небо становилось богаче, тем беднее становилось человечество. Как только божество было признано, оно, естественно, было провозглашено господином, источником, дарителем всего: реальный мир стал существовать лишь через него, и человек, его бессознательный творец, пал перед ним на колени и объявил себя творением, рабом божества.

Христианство является религией *par excellence* именно потому, что оно показывает и выражает саму природу и сущность всякой религии: систематическое и абсолютное обнищание, уничтожение и порабощение человечества в пользу божества – высший принцип не только всякой религии, но и всякой метафизики, как теистической, так и пан-

теистической. Если Бог – все, то реальный мир и человек – ничто. Если Бог – истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек – ложь, несправедливость и смерть. Если Бог – господин, то человек – раб. Неспособный сам отыскать путь справедливости и истины, он должен получить их, как откровение свыше, через посланников и избранников божьей милости. Кто возвещает откровение, тот признает глашатаев его, пророков, священников, а раз они признаны представителями божества на земле, учителями, воспитателями человечества для вечной жизни, то они получают тем самым право руководить, повелевать и управлять человечеством в его земном существовании. Все люди обязаны абсолютно верить и беспрекословно им повиноваться; рабы Божьи, люди должны быть также рабами Церкви и, с благословения Церкви, рабами Государства.

Из всех существующих или существовавших религий только христианство это целиком поняло, а из всех христианских сект только римский католицизм провозгласил и осуществил это со строгой последовательно-

стью. Вот почему христианство является религией абсолютной, последней религией; вот почему апостольская и римская церковь является единственно последовательной, законной и божественной.

Не в обиду будь сказано всем полуфилософам, всем так называемым религиозным мыслителям: существование Бога обязательно предполагает отречение от человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицанием человеческой свободы и неизбежно приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству.

И если мы не хотим рабства, мы не можем и не должны делать ни малейшей уступки теологии, ибо в этом мистическом и строго последовательном алфавите всякий, начав с А, неизбежно дойдет до Я, и всякий, кто хочет поклоняться Богу, должен отказаться от свободы и достоинства человека.

Бог существует, значит, человек – раб.

Человек разумен, справедлив, свободен, – значит, Бога нет.

Мы призываем всех выйти из этого круга, теперь выбирайте.

К тому же история показывает, что священники всех религий, за исключением преследуемых, были союзниками тирании. И даже преследуемые священники, хотя они и боролись против притеснения властей, и проклинали их, разве они не дисциплинировали своих верующих и не готовили тем самым элементы новой тирании? Каким бы ни было духовное рабство, оно всегда будет иметь своим естественным последствием рабство политическое и социальное.

В настоящее время христианство во всех своих формах, вместе с вытекающей из него доктринерской и деистической метафизикой, которая в сущности не что иное, как замаскированная теология, несомненно является самым большим препятствием на пути освобождения общества. Поэтому-то все правительства, все государственные люди Европы, которые сами не являются ни метафизиками, ни теологами, ни деистами, которые в глубине души не верят ни в бога, ни в дьявола, так страстно, так неистово защищают и метафизику, и религию, какую бы то ни было религию, лишь бы она проповедовала смирение,

подчинение и терпение, – что, впрочем, все религии и делают.

Неистовство, с которым они встают на защиту религий, доказывает, насколько нам необходимо бороться с ними и их уничтожить.

* * *

Нужно ли напоминать, как деморализуют и развращают народы религиозные влияния? Они убивают разум, это главное орудие человеческого освобождения, и сводят его к слабости, заполняя ум божественным абсурдом – главной основой всякого рабства. Они убивают в людях трудовую энергию, славу и спасение народа. Ведь труд есть то творческое деяние человека, коим он созидает свой мир, основание и условия своего человеческого существования и завоевывает одновременно свою свободу и свою человечность.

Религия убивает в людях производительную силу, заставляя их презирать земную жизнь в ожидании небесного блаженства, представляя им труд как проклятие или заслуженное наказание, а праздность – как божественную привилегию. Религия убивает в

людях справедливость, эту суровую храни-
тельница братства и это высшее условие ми-
ра, всегда склоняя чашу весов в сторону более
сильных, избранных объектов божией заботы
и милости и благословения. Наконец, она
убивает в них человечность, заменяя ее в их
сердцах божественною жестокостью.

Всякая религия основана на крови, ибо все
религии, как известно, опираются главным
образом на идею жертвоприношения, т. е. по-
стоянного заклания человечества ради нена-
сытной мстительности божества. В этом кро-
вавом таинстве человек всегда является
жертвой, а священник, тоже человек, но чело-
век, возвышенный благодатью, – божествен-
ным палачом. Это нам объясняет, почему свя-
щенники всех религий, даже самые лучшие,
самые человечные, самые добрые, почти все-
гда несут в глубине своего сердца, и если не в
сердце, то по крайней мере в уме и в вообра-
жении, – а известно, какое влияние они име-
ют на сердце, – нечто жестокое и кровожад-
ное; и почему, когда повсюду обсуждался во-
прос об отмене смертной казни, все священ-
ники, римско-католические, православные,

московские и греческие, протестантские, все единогласно высказывались за ее сохранение!

Христианская религия более, чем всякая другая, была основана на крови и исторически крещена кровью. Посчитайте миллионы жертв, которых эта религия любви и прощения заклала ради удовлетворения жестокой мести своего Бога. Вспомните пытки, которые она выдумала и применяла. Разве ныне она сделалась более кроткой и гуманной? Нет, поколебленная равнодушием и скептицизмом, она лишь сделалась бессильной, или, скорее, гораздо менее сильной, ибо, к сожалению, она не утратила еще, даже и в настоящее время, способности творить зло.

Посмотрите на страны, в которых, гальванизированная реакционными страстями, она словно воскресла: разве не остается ее первым словом – месть и кровь, ее вторым словом – отречение от человеческого разума, а ее заключением – рабство?

Покуда христианство и христианские священники, покуда какая бы то ни было божеская религия будет иметь хотя бы малейшее

влияние на народные массы, до тех пор не восторжествуют на земле разум, свобода, человечность и справедливость. Ибо, покуда народные массы находятся во власти религиозных суеверий, они будут послушным орудием в руках всех деспотизмов, объединившихся против освобождения человечества.

Поэтому нам чрезвычайно важно освободить массы от религиозных суеверий, и не только из-за любви к ним, но также и из-за любви к самим себе, ради спасения нашей свободы и безопасности. Но эта цель может быть достигнута лишь двумя средствами: рациональной наукой и пропагандой социализма.

Мы подразумеваем под рациональной наукой ту, которая, освободившись от всех призраков метафизики и религии, отличается и от чисто экспериментальных и критических наук прежде всего тем, что не ограничивает свои исследования тем или иным определенным предметом, а старается охватить весь доступный познанию мир, ибо ей нет дела до непознаваемого; далее, тем, что она пользуется не только и исключительно аналитиче-

ским методом, как это делают вышеупомянутые науки, но позволяет себе прибегать и к синтезу, довольно часто пользуется аналогией и дедукцией, но всегда придает своим синтетическим выводам чисто гипотетическое значение, пока они не подтверждены самым строгим экспериментальным или критическим анализом.

Гипотезы рациональной науки отличаются от гипотез метафизики в том отношении, что эта последняя, выводя свои гипотезы как логические следствия из абсолютной системы, пытается заставить природу их принять, тогда как гипотезы рациональной науки, исходящие не из трансцендентной системы, а из синтеза, являющегося не чем иным, как резюме или общим выражением множества доказанных на опыте фактов, никогда не могут иметь такого императивного, обязательного характера, поскольку они всегда выдвигаются таким образом, что их можно отбросить сейчас же, как только они окажутся опровергнутыми новыми опытами.

Рациональная философия или универсальная наука не ведет себя ни аристократически,

ни авторитарно, как то делала усопшая госпожа метафизика. Эта последняя, смотря всегда сверху вниз, путем дедукции и синтеза, на словах, правда, признавала автономию и свободу частных наук, но на деле страшно их притесняла. Доходило до того, что она навязывала им законы и даже факты, которых часто нельзя было обнаружить в природе, и препятствовала проведению ими опытов, результаты которых могли бы уничтожить ее спекуляции. Как видите, метафизика действовала по методу централизованных государств.

Рациональная философия, наоборот, является совершенно демократической наукой. Она свободно строится снизу вверх, и опыт – ее единственная основа. Она не может принять ничего, что не было бы подвергнуто действительному анализу и подтверждено опытом или самой строгой критикой. Поэтому Бог, Бесконечное, Абсолют – все эти столь любимые метафизикой объекты – полностью из нее устраняются. Она с равнодушием отворачивается от них, считая их призраками или миражами. Но поскольку призраки и миражи

играют существенную роль в развитии человеческого духа, ибо человек обычно приходит к постижению простой истины лишь после того, как он создал и исчерпал в своем воображении все возможные иллюзии, и поскольку развитие человеческого ума является реальным предметом науки, постольку естественная философия уделяет им место, но, занимаясь ими лишь с исторической точки зрения, она старается одновременно показать нам как физиологические, так и исторические причины зарождения, развития и упадка религиозных и метафизических идей, а также их относительную и преходящую необходимость для развития человеческого духа. Таким образом, отдав им все, на что они по справедливости имеют право, она отворачивается от них навсегда. Ее предмет – это реальный и познаваемый мир.

* * *

Мы полны уважения к науке и считаем ее драгоценнейшим сокровищем, чистейшей славой человечества. Ею человек отличается от животного, своего меньшего брата в настоящем, своего предка в прошлом; она дает ему

возможность быть свободным. Тем не менее необходимо также признать ограниченность науки, напомнить ей, что она не есть целое, а только часть, что целое – это жизнь: универсальная жизнь миров или, дабы не потеряться в неведомом и неопределенном, жизнь нашей Солнечной системы или хотя бы нашего земного шара, наконец; говоря более узко: человеческий мир – движение, развитие, жизнь человеческого общества на Земле. Все это бесконечно шире, глубже и богаче науки и никогда не будет ею исчерпано.

Жизнь, взятая в этом всеобъемлющем смысле, отнюдь не является применением какой бы то ни было человеческой или божеской теории; мы сказали бы, что это – творение, если бы мы не опасались превратного толкования этого слова. Сравнивая народы, творящие собственную историю, с художниками, мы могли бы спросить: разве великие поэты ждали когда-нибудь открытия наукой законов поэтического творчества для создания своих шедевров? Разве Эсхил и Софокл не создали свои великолепные трагедии много раньше, чем Аристотель построил на основа-

нии их творений первую эстетику? Разве какая-нибудь теория вдохновляла Шекспира? А Бетховен? Не расширил ли он созданием своих симфоний самые основания контрапункта? И чем бы было произведение искусства, созданное по правилам самой лучшей эстетики в мире? Скажем еще раз: чем-то ничтожным. Но народы, творящие свою историю, по всей вероятности, ничуть не беднее инстинктом и творческой силой, не более зависимы от господ ученых, чем художники!

Если мы колеблемся, употребить ли слово «творение», то только из опасения, что ему придадут смысл, который мы никак не можем принять. Кто говорит о творении, говорит как будто и о творце, а мы отвергаем существование единого творца как в отношении к человеческому миру, так и к миру физическому, которые, впрочем, вместе составляют, на наш взгляд, один мир.

Даже говоря о народах, творцах своей собственной истории, мы сознаем, что употребляем метафорическое выражение, неточное сравнение. Каждый народ является коллективным существом, обладающим как физио-

лого-психологическими, так и политико-социальными особенностями, которые в какой-то степени индивидуализируют его, отличая от всех других народов; но никогда не индивид, единое и неделимое существо в истинном смысле слова. Как ни развито его коллективное сознание, как ни концентрировано в момент великого национального кризиса страстное, направленное на одну цель стремление, именуемое народной волей, никогда эта концентрация не сравнится с той, что свойственна реальному индивиду. Одним словом, ни один народ, каким бы единым он себя ни чувствовал, никогда не может сказать: я хочу! Он должен всегда говорить: мы хотим. Только индивидуум имеет привычку говорить: я хочу! И если говорят от имени всего народа: он хочет! – будьте уверены, что за этим скрывается какой-нибудь узурпатор, человек это или партия.

Итак, мы не подразумеваем здесь под словом «творение» ни теологическое или метафизическое творение, ни художественное, научное, промышленное, ни какое-либо иное творение, за которым стоит индивидуум-тво-

рец. Мы подразумеваем под этим словом просто бесконечно сложный продукт бесчисленного множества самых различных причин, больших и малых, частью известных, но в подавляющем большинстве остающихся неизвестными, которые, соединившись в данный момент, конечно, не без причины, но и без заранее начертанного плана, совершенно непреднамеренно, создали данный факт.

Но в таком случае, скажут нам, история и судьбы человеческого общества должны были бы представлять собой один лишь хаос и быть игрою случая?

Напротив, только с момента освобождения истории от всякого божественного и человеческого произвола, тогда и только тогда она предстает перед нами во всем величии и рациональности закономерного развития, подобно органической и физической природе, чьим непосредственным продолжением она является. Природа, несмотря на неисчерпаемое богатство и разнообразие составляющих ее существ, нисколько не представляет собой хаоса; напротив, это великолепно организованный мир, где каждая часть сохраняет, так

сказать, необходимую логическую связь со всеми остальными.

Но, скажут, значит, был тогда устроитель? Вовсе нет, устроитель, будь он хоть богом, мог бы лишь испортить личным произволом естественное устройство и логическое развитие вещей, а мы видели, что во всех религиях главное свойство божества – это быть именно выше, то есть против всякой логики и всегда иметь только одну собственную логику: логику естественной невозможности, абсурдности {Сказать, что Бог не против логики, значит утверждать, что он совершенно идентичен ей, что он сам – не что иное, как логика, т. е. естественный ход и развитие реальных вещей, иначе говоря, что Бога нет. Существование Бога может иметь значение лишь как отрицание естественных законов, отсюда эта неопровержимая дилемма: Бог существует, значит нет естественных законов и мир представляет собой хаос. Мир не есть хаос, он упорядочен сам по себе – значит, Бога нет.}. Ибо что такое логика, как не естественный ход и развитие вещей, или же естественный способ, посредством которого множество опреде-

ляющих причин производит факт. Следовательно, мы можем высказать эту столь простую и в то же время столь смелую аксиому: все естественное – логично, и все логичное – осуществлено или должно осуществиться в реальном мире, в самой природе и в ее дальнейшем развитии – естественной истории человеческого общества.

* * *

Итак, вопрос в том, что логично и в природе, и в истории? Это не так легко определить, как может сначала показаться. Ибо, чтобы знать это в совершенстве, никогда не ошибаясь, надо обладать знанием всех причин, влияний, действий и противодействий, определяющих природу какой-либо вещи или факта, не исключая ни одной причины, хотя бы самой отдаленной или незначительной. И какая философия или наука сможет похвалиться, что она в состоянии объять все причины и исчерпать их своим анализом? Надо обладать очень скудным умом, весьма слабо сознавать бесконечное богатство реального мира, чтобы претендовать на это.

Надо ли из-за этого сомневаться в науке?

Надо ли отбрасывать ее, потому что она дает нам лишь то, что может дать? Это было бы еще одним безумием, и более пагубным, чем первое. Если вы потеряете науку, то за неимением знаний возвратитесь к состоянию горилл, наших предков, и вам придется в течение еще нескольких тысяч лет повторить весь путь, пройденный человечеством при фантазмагорическом мерцании религии и метафизики, чтобы вновь прийти к свету, правда, еще несовершенному, но, по крайней мере, вполне несомненному, которым мы уже обладаем сегодня.

Самой большой и решительной победой, одержанной наукой в наши дни, является, как мы уже видели, включение психологии в биологию. Наука установила, что все интеллектуальные и моральные акты, отличающие человека от всех других видов животных – мышление, деятельность человеческого разума и проявления сознательной воли – имеют своим единственным источником безусловно более совершенную, но чисто материальную организацию человека без всякого духовного или нематериального вмешательства, од-

ним словом, что это результат сочетания различных чисто физиологических функций мозга.

Значение этого открытия безмерно как для науки, так и для жизни. Благодаря ему становится наконец возможной наука о человеческом мире, включая антропологию, психологию, логику, мораль, социальную экономию, политику, эстетику, даже теологию и метафизику, историю, одним словом, всю социологию. Между человеческим и природным миром нет больше разрыва. Но, подобно тому как мир органический, являясь непрерывным и прямым развитием неорганического мира, существенно отличается от него наличием нового активного элемента, органической материи, произведенной не вмешательством некоей внеземной причины, а донныне нам неизвестными сочетаниями той же самой неорганической материи, которая, в свою очередь, на основании и в условиях этого неорганического мира, будучи его высшим результатом, производит все богатство растительной и животной жизни; точно так же человеческий мир, являясь непосредственным

продолжением органического мира, существенно отличается от него новым элементом, мыслью, продуктом чисто физиологической деятельности мозга, производящей в то же время в этом материальном мире и в органических, и в неорганических условиях, последним резюме которых, так сказать, она является, все то, что мы называем интеллектуальным и моральным, политическим и социальным развитием человека, – историю человечества.

Для людей, мыслящих действительно логично, ум которых достиг уровня современной науки, единство Мира, или Бытия, является отныне установленным фактом. Но нельзя не признать, что этот факт, настолько простой и очевидный, что все противоречащее ему представляется нам теперь уже абсурдным, находится в явном противоречии со всемирным сознанием человечества, которое, несмотря на различие форм его проявления в истории, всегда единогласно высказывалось за существование двух различных миров: мира духовного и мира материального, мира божественного и мира реального. Начиная с

грубых фетишистов, поклоняющихся в окружающем их мире действию сверхъестественной силы, воплощенной в некоем материальном объекте, все народы верили и доныне верят в существование какого-то божества.

Это впечатляющее единогласие имеет, по мнению многих, большее значение, чем все научные доказательства; и если логика малого числа последовательных, но одиноких мыслителей противоречит ему, тем хуже, говорят они, для этой логики, ибо единодушное согласие, всеобщее приятие какой-либо идеи всегда считалось самым убедительным доказательством ее истинности, и считалось не без основания, так как мнение всех и во все времена не может быть ошибочным. Оно должно корениться в какой-то необходимости, свойственной самой природе человечества. Но если правда, что в согласии с этой необходимостью человек испытывает безусловную потребность верить в существование какого-то бога, то в таком случае тот, кто не верит в него, является аномальным исключением, чудовищем, какова бы ни была логика, приведшая его к этому скептицизму.

Вот излюбленная аргументация теологов и метафизиков наших дней. Таким образом, давность и всеобщность веры в бога оказываются, в противоположность всякой науке и всякой логике, неоспоримыми доказательствами существования бога. Но почему же? До времен Коперника и Галилея все, за исключением, быть может, пифагорейцев, верили, что Солнце вращается вокруг Земли: была ли эта вера доказательством истинности данного предположения? С самого начала исторического общества и до наших дней, всегда и везде имелаась эксплуатация подневольного труда рабочих масс, рабов или наемников властвующим меньшинством. Следует ли из этого, что эксплуатация паразитами чужого труда не есть несправедливость, грабеж или кража? Вот два примера, доказывающие, что аргументация наших современных деистов ничего не стоит.

* * *

В самом деле, нет ничего более всеобщего и более древнего, чем абсурд, а истина, напротив, сравнительно молода, являясь всегда результатом, продуктом истории и никогда – ее

началом. Ибо человек, по своему происхождению двоюродный брат, если не прямой потомок, гориллы, прошел путь от глубокой ночи животного инстинкта до света разума, что само по себе объясняет все его прошлые сумасбродства и утешает нас отчасти в его настоящих заблуждениях.

Таким образом, вся история человека – не что иное, как его постепенное удаление от чистой животности путем созидания своей человечности. Отсюда следует, что древность идеи не только ничего не говорит в ее пользу, но и делает ее в наших глазах подозрительной.

Что касается всеобщности заблуждения, то оно доказывает лишь одно: тождественность человеческой природы во все времена и во всех климатах. И если все народы во все эпохи верили и верят в бога, то, не поддаваясь этому, конечно, бесспорному факту, который, однако, не сможет в наших умах возобладать ни над логикой, ни над наукой, мы должны просто отсюда заключить, что идея божества, исходящая, конечно, от нас самих, является неизбежным заблуждением в процессе разви-

тия человечества. И мы должны задать себе вопрос: как и почему она родилась, почему она до сих пор необходима громадному большинству человеческого рода?

Покуда мы не будем в состоянии дать себе отчет, каким образом идея сверхъестественного, или божественного, мира появилась и должна была непременно появиться в ходе естественного исторического развития человеческого ума и человеческого общества, до тех пор, как бы ни убеждала нас наука в абсурдности этой идеи, мы никогда не сможем разрушить ее в общественном мнении, поскольку, не зная этого, мы никогда не сможем бороться с этой идеей в самых глубинах человеческого существа, где она укоренилась. Обреченные на бесплодную и бесконечную борьбу, мы должны будем довольствоваться сражением с ней на поверхности, в тысячах ее проявлений. Абсурдность ее, едва сраженная ударами здравого смысла, тотчас же возродится в новой и не менее бессмысленной форме, ибо покуда корень веры в бога остается невредимым, он всегда будет давать новые ростки.

Более того, нам необходимо уяснить этот вопрос для себя самих, так как, сколько бы мы ни называли себя атеистами, до тех пор, пока мы не узнаем историю естественного зарождения идеи бога в человеческом обществе, мы всегда будем в той или иной степени находиться под властью отголосков этого всеобщего сознания, чья тайна, то есть естественная причина, нам так и не раскрыта. И ввиду природной слабости индивида перед лицом окружающей его социальной среды мы постоянно рискуем рано или поздно попасть в рабство религиозного абсурда. Примеры таких печальных обращений нередки в современном обществе.

Мы более чем когда-либо убеждены в необходимости безотлагательно и полностью решить сейчас следующий вопрос. Так как человек составляет со всей природой одно существо и есть лишь материальный продукт неопределенного количества исключительно материальных причин, каким же образом могла возникнуть, утвердиться и так глубоко укорениться в человеческом сознании эта двойственность: предположение о существо-

вании двух противоположных миров, одного духовного, другого материального, одного божественного, другого естественного?..

* * *

Многим покажется, пожалуй, странным, что в политическом, социалистическом сочинении обсуждаются вопросы метафизики и теологии. Но, по нашему глубочайшему убеждению, эти вопросы не могут быть отделены от проблем социализма и политики. Реакционный мир под натиском непобедимой логики становится все более религиозным. Он поддерживает в Риме папу, он преследует в России естественные науки, во всех странах свои военные, гражданские, политические и социальные беззакония он защищает именем Бога, которого, в свою очередь, он яростно защищает в церквах и в школах с помощью лицемерно религиозной, раболепной, льстивой, тяжеловесно-доктринерской науки и всеми другими средствами, находящимися в распоряжении Государства.

Царство божие на небесах с соответствующим ему явным или замаскированным царством кнута и узаконенной эксплуатацией

труда порабощенных масс на земле – таков сегодня религиозный, социальный, политический и вполне логичный идеал реакционных партий в Европе. По противоположной причине революция, наоборот, должна быть атеистической: исторический опыт и логика доказали, что достаточно одного господина на небе, чтобы создать тысячи господ на земле.

Наконец не является ли социализм по самой своей сущности, которая состоит в осуществлении и свершении всех человеческих судеб здесь, на земле, а не на небе, завершением и, следовательно, отрицанием всякой религии, существование которой потеряет всякий смысл, как только ее стремления будут осуществлены?

Излагая свои мысли относительно происхождения религии, мы постараемся говорить как можно более кратко и конкретно.

Не углубляясь в философские спекуляции, мы считаем возможным признать за аксиому следующее положение. Все что существует, все существа, составляющие беспредельную совокупность Вселенной, все существующие в мире вещи, какой бы ни была их природа в

качественном или количественном отношении, вещи большие, средние или бесконечно малые, близкие или бесконечно далекие, помимо воли и сознания постоянно оказывают друг на друга и каждая на всех непосредственные или опосредованные действия и противодействия, каковые, соединяясь в одно движение, составляют то, что мы называем взаимозависимостью, универсальной жизнью и причинностью.

Называйте эту взаимозависимость Богом или Абсолютом, если так вам нравится, – нам все равно, – лишь бы вы не придавали этому Богу другого значения, кроме того, о котором мы только что сказали, – значения универсального, естественного, необходимого, но отнюдь не predetermined и не предвиденного соединения бесконечного множества частных действий и противодействий. Эту всегда подвижную и действенную взаимозависимость, эту универсальную жизнь мы всегда можем рационально предполагать, но мы никогда не сумеем охватить ее даже нашим воображением и тем более познать ее. Ибо мы можем познать лишь то, что доступно на-

шим чувствам, а они всегда способны уловить лишь бесконечно малую часть Вселенной.

Само собой разумеется, мы принимаем эту взаимозависимость не как абсолютную и первую причину, а наоборот, как равнодействующую {Так и всякий человеческий индивид есть не что иное, как равнодействующая всех причин, предшествовавших его появлению на свет, комбинированных со всеми условиями его дальнейшего развития.}, постоянно производимую и воспроизводимую одновременным действием всех частных причин, действием, которое и составляет универсальную причинность. Определив ее таким образом, мы можем теперь сказать, не опасаясь какой бы то ни было двусмысленности, что всеобщая жизнь творит миры. Это она определила геологическое, климатическое и географическое строение нашей Земли и, одев ее всем великолепием органической жизни, продолжает еще творить человеческий мир: общество с его прошедшим, настоящим и будущим развитием.

Теперь ясно, что в творении, понятием в

этом смысле, нет места ни предшествующим ему идеям, ни предустановленным, предначертанным законам. В действительном мире сначала есть факты – результат стечения бесчисленных влияний и условий, – только потом, вместе с думающим человеком, приходит осознание этих фактов и более или менее подробное и совершенное знание того, каким образом они произошли; когда мы замечаем частое или постоянное повторение одного и того же явления или образа действия в каком-то порядке фактов, то мы называем его законом природы.

Под словом природа мы подразумеваем не какую-либо мистическую, пантеистическую или субстанциальную идею, а просто-напросто сумму существ, фактов и реальных способов, которые производят эти факты. Очевидно, что в природе, определенной таким образом, благодаря стечению одних и тех же условий и влияний, возможно также благодаря однажды избранному направлению потока непрерывного творчества, сделавшемуся постоянным от слишком частого повторения, очевидно, говорим мы, что в некоторых опре-

деленных порядках фактов всегда воспроизводятся одни и те же законы и только благодаря этому постоянству образа действий в природе человеческий ум смог установить и познать то, что мы называем механическими, физическими, химическими и физиологическими законами; только им объясняется чуть ли не постоянное повторение как растительных, так и животных родов, видов и разновидностей, в которых до сих пор протекало развитие органической жизни на Земле. Это постоянство и эта повторяемость совсем не абсолютны. Они всегда оставляют широкое поле для так называемых аномалий и исключений, а это совершенно неверное их обозначение, ибо факты, к которым оно относится, показывают только, что эти общие правила, принятые нами за естественные законы, будучи не более чем абстракциями, выделенными нашим умом из действительного течения вещей, не в состоянии охватить, исчерпать, объяснить все беспредельное богатство развития.

Кроме того, как это превосходно доказал Дарвин, эти так называемые аномалии, часто

сочетаясь друг с другом и тем самым все больше закрепляясь, создавая, так сказать, новые привычные образы действия, новые способы воспроизводства и существования в природе, являются тем путем, следуя которому органическая жизнь порождает новые виды и разновидности. Именно так, начавшись с едва организованной простой клетки, органическая жизнь проходит через все трансформации вначале растительной, а потом животной организации и создает человека.

* * *

Останется ли человек последним и самым совершенным органическим созданием на этой земле? Кто мог бы ответить на этот вопрос и поклясться, что через несколько десятков или сотен веков от самой высшей разновидности человеческого вида не произойдет вид существ, превосходящих человека, которые будут относиться к нему так же, как он сам сейчас относится к горилле? Наше тщеславие может быть спокойно. Природа действует очень медленно, и в настоящем состоянии человечества ничто не предвещает вероятности рождения более высокого вида су-

ществ. Впрочем, разве природа не продолжает свое непосредственное дело непрерывного творения в историческом развитии человеческого мира? Не ее вина, если мы в нашем разуме отделили этот мир, человеческое общество от того, что мы называем исключительно природным миром.

Причина этого отделения – в самой природе нашего разума, который существенным образом отличает человека от животных всех других видов. Мы должны все же признать, что человек – не единственное разумное животное на земле. Напротив, сравнительная психология доказывает, что нет животного, которое было бы совершенно лишено ума, и чем ближе какой-либо вид по своей организации и в особенности по развитости своего мозга к человеку, тем более развит и значителен его ум. Но только у человека развитие разума достигает такого уровня, который может быть назван способностью мыслить, то есть комбинировать представления как о внешних, так и о внутренних предметах, данных нам чувствами, создавать из них группы, затем сравнивать и снова комбинировать эти

различные группы, которые уже являются не реальными сущностями – объектами наших чувств, а понятиями, созданными в нас первым действием способности, которую мы называем рассудком; эти понятия, оставшиеся в нашей памяти, соединяются затем благодаря этой же способности и образуют то, что мы называем идеями; наконец, из всего этого человеческий разум выводит следствия или логически необходимые применения.

Мы достаточно часто встречаем людей, которые, увы, еще не достигли полного осуществления этой способности, но мы никогда не видели и даже не слышали, чтобы какое-нибудь существо низшего вида обладало этой способностью, разве что приведут в пример Валаамову ослицу и некоторых других животных, предоставляемых любой религией для веры и почитания. Итак, мы можем сказать, не опасаясь быть опровергнутыми, что из всех животных, существующих на земле, мыслит один человек.

Он один одарен этой силой абстракции, усиленной и развитой в человеческом виде вековым упражнением. Способность эта по-

степенно внутренне возвышает человека над всеми окружающими предметами, над всем так называемым внешним миром и даже над ним самим, индивидом, и позволяет ему задумать, создать идею тотальности Существ, Вселенной, Бесконечного или Абсолюта – идею совершенно абстрактную и, если хотите, лишённую всякого содержания. Тем не менее эта идея всесильна и является причиной всех дальнейших завоеваний человека, ибо она одна вырывает человека из пресловутого блаженства и тупой невинности животного рая и обрекает его на победы и бесконечные муки беспредельного развития...

Благодаря этой способности к абстракции человек возвышается над непосредственным давлением, которое все внешние предметы неизбежно оказывают на каждого индивида, может сравнивать одни предметы с другими и исследовать их взаимоотношения. Вот начало анализа и экспериментальной науки. Благодаря той же способности человек раздваивается и, отделяясь в себе от самого себя, возвышается над своими собственными побуждениями, инстинктами и различными

желаниями как над преходящими и частными, что дает ему возможность сравнивать их, подобно тому, как он сравнивает внешние предметы и движения, и становиться на сторону одних против других, сообразуясь со сформировавшимся в нем (социальным) идеалом, – вот пробуждение сознания и того, что мы называем волей.

Обладает ли человек в самом деле свободной волей? И да и нет, в зависимости от того, как ее понимать. Если под свободной волей подразумевается свобода выбора, т. е. предполагаемая способность человеческого индивида спонтанно самоопределяться, самостоятельно и независимо от всякого внешнего влияния; если же, подобно тому как это делали все религии и все метафизики, с помощью так называемой свободы воли хотят вырвать человека из потока всеобщей причинности, определяющей существование всякой вещи и делающей каждую вещь зависящей от всех остальных, то нам следует только отбросить эту свободу, как бессмыслицу, ибо ничто не может существовать вне причинности.

Непрестанное действие и противодей-

ствие целого на всякую отдельную точку и всякой отдельной точки на целое составляют, как мы сказали, жизнь, общий и высший закон, тотальность миров, которая всегда есть одновременно и производящее, и производное. Вечно деятельная, всеобщая взаимозависимость, эта взаимная причинность, которую мы будем называть отныне природой, создала, как мы сказали, среди бесчисленного множества других миров нашу Землю, со всей лестницей ее существ, от минерала до человека. Она постоянно воспроизводит их, развивает, кормит, сохраняет, затем, когда наступает их срок, а часто и раньше, чем он наступил, она их уничтожает или, скорее, превращает в новые существа. Природа – это всемогущество, по отношению к которому не может быть никакой независимости или автономии, это высшее сущее, которое охватывает и пронизывает своим непреодолимым действием бытие всех сущих, и среди живых существ нет ни одного, которое бы не несло в себе, конечно, в более или менее развитом состоянии, чувства или ощущения этого высшего влияния и этой абсолютной зависимости. Так

вот, это ощущение и это чувство и составляют основу всякой религии.

* * *

Как видите, религия, подобно всему человеческому, имеет свой первоисток в животной жизни... Нельзя сказать, что какое-либо животное, за исключением человека, имеет религию, ибо самая грубая религия предполагает все-таки известную степень рефлексии, до которой еще не поднялось ни одно животное, кроме человека. Но столь же невозможно отрицать, что в существовании всех без исключения животных имеются все составные, так сказать, материальные элементы религии, за исключением, конечно, ее идеальной стороны, той именно, которая рано или поздно ее уничтожит, – мысли. В самом деле, какова действительная сущность всякой религии? Это именно чувство абсолютной зависимости преходящего индивида от вечной и всемогущей природы.

Нам трудно обнаружить это чувство и анализировать все его проявления у животных низших видов; однако мы можем сказать, что инстинкт самосохранения, наблюдаемый в

относительно простых организациях, конечно, в меньшей степени, чем в высших организациях, – это своего рода обычная мудрость, образуемая в каждой под влиянием этого чувства, которое, как мы уже сказали, есть не что иное, как религиозное чувство. У животных, наделенных более совершенной организацией и стоящих ближе к человеку, это чувство проявляется более заметно, например, в инстинктивном и паническом страхе, охватывающем их иногда при приближении какой-нибудь крупной природной катастрофы вроде землетрясения, лесного пожара или сильной бури.

Вообще можно сказать, что страх является одним из преобладающих чувств в животной жизни. Все животные, живущие на свободе, пугливы, и это доказывает, что они живут в непрерывном инстинктивном страхе, что они всегда испытывают чувство опасности, т. е. ощущают присутствие всемогущего влияния, которое их преследует, пронизывает и охватывает всегда и везде. Этот страх, страх Божий, как сказали бы теологи, есть начало мудрости, т. е. религии. Но у животных он не

становится религией, ибо им недостает той способности мыслить, которая фиксирует чувство, определяет его объект и превращает его в сознание, в мысль. Таким образом, совершенно справедливо утверждают, что человек по природе религиозен; он религиозен подобно всем другим животным – но он один на этой земле осознает свою религиозность.

Говорят, что религия – это первое пробуждение разума; верно, но пробуждение в неразумной форме. Религия, как мы только что видели, начинается со страха. И в самом деле, человек, пробуждаясь с первыми лучами того внутреннего солнца, которое мы называем самосознанием, и медленно, шаг за шагом выходя из гипнотического полусна, из чисто инстинктивного существования, в котором он находился в состоянии полнейшего неведения, т. е. животности, будучи к тому же рожденным, подобно всякому животному, в страхе перед внешним миром, который, правда, его производит и кормит, но который в то же время его притесняет, давит и грозит каждую минуту поглотить, – человек непременно должен был обратить свою зарождающуюся ре-

флексию именно на этот страх.

Можно предположить, что у первобытного человека при пробуждении разума этот инстинктивный ужас должен был быть сильнее, чем у животных всех других видов. Прежде всего потому, что он рождается менее вооруженным, чем другие животные, и его детство более продолжительно; затем потому, что эта самая рефлексия, едва расцветшая и еще не достигшая достаточной степени зрелости и силы, чтобы распознавать внешние предметы и пользоваться ими, должна была тем не менее вырвать человека из единения согласия и инстинктивной гармонии с природой, в которой он находился, подобно своему двоюродному брату горилле, покуда в нем не пробудилась мысль. Так, рефлексия изолировала его от природной среды, которая, становясь, таким образом, для него чуждой, должна была являться ему сквозь призму воображения, возбужденного и расширенного под действием зарождающейся рефлексии, в виде темной и таинственной силы, гораздо более враждебной и опасной, чем она есть в действительности.

Для нас чрезвычайно трудно, если не невозможно, представить себе первые религиозные чувства и представления дикого человека. В подробностях они, без сомнения, должны были быть столь же разнообразны, сколь разнообразны были характеры первобытных народностей, которые их испытывали, а также сколь разнообразны были климатические и природные условия и все другие внешние обстоятельства и определения, в среде которых эти чувства развивались. Но так как, при всем этом, это были все же человеческие чувства и представления, то, несмотря на это великое множество особенностей, они должны были сводиться к некоторым одинаковым моментам общего характера, которые мы и постараемся определить.

Каким бы ни было происхождение различных человеческих групп и расселение человеческих рас по земле, имели ли все люди родоначальником одного Адама – гориллу или двоюродного брата гориллы, или же они произошли от нескольких предков, созданных природой в различных местах и в различные эпохи, независимо друг от друга, способность,

создающая и составляющая собственно человеческую природу всех людей, а именно: рефлексия, способность к абстракции, разум, мысль, одним словом, способность создавать идеи, а также законы, определяющие проявление этой способности, всегда и везде тождественны, всегда и везде одинаковы, и никакое человеческое развитие не могло бы происходить вопреки этим законам. Это дает нам право предположить, что основные фазы, отмеченные в начальном религиозном развитии одного какого-нибудь народа, должны воспроизводиться в развитии всего остального населения Земли.

Судя по единодушным отзывам путешественников, как тех, которые в прошлом столетии посетили острова Океании, так и тех, которые в наши дни проникли в Африку, фетишизм должен быть самой первой религией, религией всех диких племен, которые в наименьшей степени удалились от естественного состояния. Но фетишизм – не что иное, как религия страха. Он является первым человеческим выражением того ощущения абсолютной зависимости, смешанного с инстинктив-

ным ужасом, которое мы находим в основе всякой животной жизни и которое, как мы уже сказали, составляет религиозное отношение индивидов даже самых низших видов к всемогуществу природы. Кто не знает, какое влияние и впечатление производят на всех живых существ, не исключая даже растения, великие регулярные явления природы, такие, как восход и заход солнца, лунный свет, повторение времен года, чередование холода и тепла, постоянные и своеобразные воздействия океана, гор, пустынь, или же природные бедствия: бури, затмения, землетрясения, а также столь разнообразные и взаимно разрушительные отношения животных между собой и с различными видами растений – все это составляет для каждого животного совокупность условий существования, характер, природу и, мы могли бы даже сказать, особый культ, ибо у всех животных, у всех живых существ вы найдете своего рода обожание природы, смешанное со страхом и радостью, надеждой и беспокойством, очень похожее, как чувство, на человеческую религию. Здесь нет недостатка даже в поклонах и молитвах.

Посмотрите на домашнюю собаку, молящую о ласке или взгляде своего хозяина; разве это не изображение человека, стоящего на коленях перед своим богом? Не переносит ли эта собака при помощи своего воображения и далее начатков рефлексии, развитой в ней опытом, подавляющее всемогущество природы на своего хозяина, подобно тому, как верующий человек переносит его на бога? В чем же различие между религиозным чувством человека и собаки?

Даже не в рефлексии, а лишь в степени рефлексии, или же в способности фиксировать и понимать это чувство как абстрактную мысль и обобщать через наименование, ибо человеческая речь имеет ту особенность, что, не будучи способной назвать действительные вещи, непосредственно действующие на наши чувства, она выражает лишь их понятие или абстрактную общность. А так как речь и мысль – это две различные, но нераздельные формы одного и того же акта человеческой рефлексии, то эта последняя, фиксируя предмет страха и обожания животного или первого естественного человеческого культа, уни-

версализирует его, превращает в абстрактное существо и стремится обозначить его каким-нибудь именем.

Предметом действительного почитания того или иного индивидуума всегда остается этот камень, этот, а не другой, кусок дерева, но коль скоро он был словесно обозначен, он становится предметом или абстрактным понятием: камнем, куском дерева вообще. Так, с первым пробуждением мысли, выраженной словом, начинается собственно человеческий мир, мир абстракций.

* * *

Благодаря этой способности к абстракции, как мы уже сказали, человек, рожденный, произведенный природой, творит для себя среди природы и в самих ее условиях второе бытие, соответствующее его идеалу и развивающееся вместе с ним.

Все, что живет, добавим мы для большей ясности, стремится осуществиться во всей полноте своего существования. Человек, существо одновременно живое и мыслящее, чтобы реализовать себя, должен сначала познать самого себя. Вот причина громадного отставания,

наблюдаемого нами в его развитии, и по этой причине, чтобы достигнуть современного состояния общества в самых цивилизованных странах – состояния, столь мало еще соответствующего идеалу, к которому мы ныне стремимся, – человеку потребовалось несколько сотен веков...

Можно было бы сказать, что в поисках самого себя, после всех физиологических и исторических странствий, человек должен был исчерпать все возможные глупости и все возможные беды, прежде чем сумел осуществить то малое количество разумности и справедливости, что царит ныне в мире.

Последним пределом, высшей целью всего человеческого развития является свобода. Ж. Ж. Руссо и его ученики ошибались, ища ее в начале истории, когда человек, еще лишенный всякого самосознания и, следовательно, неспособный заключить какой бы то ни было договор, находился под игом той фатальности естественной жизни, которой подчиняются все животные и от которой человек смог в известном смысле освободиться лишь благодаря последовательному использованию разу-

ма, развивавшегося, правда, очень медленно на протяжении всей истории.

Постепенно он познавал законы, управляющие внешним миром, а также законы, присущие нашей собственной природе; он их, так сказать, присваивал, превращая их в идеи – почти спонтанные создания нашего собственного мозга, – и делал так, что, продолжая подчиняться этим законам, человек подчинялся теперь только собственным мыслям. По сравнению с природой в этом – единственное достоинство и вся возможная свобода человека. У него никогда не будет другой, ибо законы природы неизменны, неизбежны; они являются основанием всего сущего и определяют наше бытие, так что никто не может восстать против них, не убедившись тотчас же в бессмысленности этого и не обрекая себя на верное самоубийство. Но, познавая и осваивая их своим умом, человек возвышается над непосредственной властью внешнего мира и, становясь, в свою очередь, творцом, повинуюсь с этих пор лишь собственным идеям, он более или менее преобразует этот мир сообразно своим возрастающим потребностям и как бы

привносит в него свой человеческий образ.

Таким образом, то, что мы называем человеческим миром, не имеет другого непосредственного творца, кроме человека, который создает его, отвоевывая шаг за шагом у внешнего мира и собственной животности свою свободу и человеческое достоинство. Он завоевывает их, влекомый независимой от него силой, непреодолимой и равно присущей всем живым существам. Эта сила – всеобщий поток жизни, тот самый, который мы называем всеобщей причинностью, природой и который проявляется во всех живых существах, растениях или животных как стремление каждого осуществить условия, необходимые для жизни своего вида, т. е. удовлетворить свои потребности. Это стремление, существенное и высшее проявление жизни, составляет основу того, что мы называем волей.

Фатальная и непреодолимая у всех животных, не исключая самого цивилизованного человека, инстинктивная, можно было бы даже сказать, механическая – в низших по организации, более сознательная – в высших видах, она полностью раскрывается только в че-

ловеке, который благодаря своему разуму, возвышающему его над каждым из его инстинктивных побуждений и позволяющему ему сравнивать, критиковать и упорядочивать свои собственные потребности, один среди всего живого на Земле обладает сознательным самоопределением, свободной волей.

Само собой разумеется, эта свобода человеческой воли во всеобщем потоке жизни или этой абсолютной причинности, где каждая отдельная воля – это как бы только ручеек, имеет лишь тот смысл, который ей придает рефлексия в противоположность механическому действию или даже инстинкту. Человек улавливает и понимает природную необходимость, которая, отражаясь в его мозгу, возрождается в нем посредством еще мало изученного реактивного физиологического процесса в виде логической последовательности его собственных мыслей. Это понимание дает ему, при всей его нисколько не прерывающейся абсолютной зависимости, чувство самоопределения, сознательной спонтанной воли и свободы. Без полного или частичного самоубийства ни один человек никогда не осво-

бодится от своих естественных желаний, но он может их регулировать и модифицировать, стремясь все более сообразовывать их с тем, что в различные периоды своего интеллектуального и нравственного развития называет справедливым и прекрасным.

* * *

В сущности, основные моменты самого утонченного человеческого и самого темного животного существования суть и всегда останутся тем же самым: рождаться, развиваться и расти, работать, чтобы есть и пить, чтобы иметь кров и защищаться, поддерживать свое индивидуальное существование в социальном равновесии своего вида, любить, размножаться, затем умирать...

К этим моментам только у человека прибавляется новый: мыслить и познавать – способность и потребность, которые обнаруживаются, правда, в меньшей, но уже весьма ощутимой степени и у животных наиболее близких по организации к человеку, ибо, по видимому, в природе не существует абсолютных качественных различий, и все качественные различия сводятся, в конце концов,

к количественным. Только у человека эти способности становятся настолько настоящими и господствующими, что мало-помалу преобразуют всю его жизнь. Как верно заметил один из величайших мыслителей наших дней, Людвиг Фейербах, человек делает все, что делают животные, но только он должен делать это все более и более человечно. В этом все различие, но оно огромно {Никогда нелишне повторять это многим приверженцам современного натурализма или материализма, которые – ввиду того, что человек в наши дни обнаружил свое полное родство со всеми другими видами животных и свое непосредственное и земное происхождение, ввиду того, что он отказался от нелепых и пустых претензий спиритуализма, который под предлогом дарования ему абсолютной свободы приговаривал его к вечному рабству, – воображают, что это дает им право отбросить всякое уважение к человеку. Этих людей можно сравнить с лакеями, которые, открыв плебейское происхождение человека, заставившего себя уважать своими личными достоинствами, считают себя вправе относить-

ся к нему как к равному по той простой причине, что в их представлении не существует другого достоинства, кроме аристократического происхождения. Иные же настолько счастливы открытием родства человека с гориллой, что хотели бы навсегда сохранить его в состоянии животного, отказываясь понять, что все историческое назначение, все достоинство и свобода человека заключаются в удалении от этого состояния.}

В 1848–1849 годах Бакунин принял активное участие в европейских революциях и был дважды приговорен к смертной казни – саксонским и австрийским судами. Он отказался просить о помиловании, но смертная казнь все же была заменена ему на пожизненное заключение; в конце концов, Бакунина выдали России. Шесть лет он отбывал заключение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, затем был сослан на вечное поселение в Сибирь, откуда совершил побег через Японию и США в Лондон, где был принят Герценом в состав издателей «Колокола».

Оно заключает в себе всю цивилизацию, со

всеми чудесами промышленности, науки и

искусств, со всем религиозным, эстетическим, философским, политическим, экономическим и социальным развитием человечества, – одним словом, весь мир истории. Человек создает этот исторический мир силой своей деятельности, которую вы обнаружите во всех живых существах и которая составляет самую сущность всей органической жизни и стремится ассимилировать и трансформировать внешний мир согласно потребностям каждого. Деятельности, следовательно, инстинктивной и неизбежной, предшествующей всякому мышлению, но которая, будучи озарена разумом человека и направлена его волей, преобразуется в нем и для него в сознательный и свободный труд.

Только посредством мысли человек приходит к сознанию своей свободы в производившей его природной среде; но только трудом он ее осуществляет. Мы отметили, что деятельность, составляющая труд, т. е. медленная работа по преобразованию поверхности нашей планеты физической силой каждого живого существа сообразно с потребностями каждого, встречается более или менее развитой на

всех стадиях органической жизни. Но она начинает быть собственно человеческим трудом только тогда, когда, направленная человеческим разумом и сознательной волей, служит удовлетворению не только строго определенных и неизменных потребностей исключительно животной жизни, но и потребностей мыслящего существа, которое приобретает свою человечность, утверждая и осуществляя в мире свою свободу.

Исполнение этой безмерной, бесконечной задачи является не только делом интеллектуального и нравственного развития, но также делом материального освобождения. Человек действительно становится человеком, получает возможность развиваться и внутренне совершенствоваться лишь при условии, что он порвал, хотя бы в какой-то степени, рабские цепи, налагаемые природой на всех своих детей.

Цепи эти – голод, всякого рода лишения, боль, влияние климата, времен года и вообще тысячи условий животной жизни, удерживающих человеческое существо в чуть ли не абсолютной зависимости от окружающей его

среды; это постоянные опасности, которые в виде природных явлений угрожают человеку и подавляют его со всех сторон: этот непрерывный страх, составляющий сущность всякого животного существования и до того подавляющий природного дикого индивида, что он не находит в себе ничего, что воспротивилось бы этому страху и победило бы его... одним словом, присутствуют все элементы самого абсолютного рабства.

Первый шаг, который делает человек, чтобы освободиться от этого рабства, состоит, как мы уже сказали, в акте разумной абстракции, который, внутренне возвышая человека над окружающими вещами, позволяет ему исследовать их отношения и законы. Но вторым шагом является непременно материальный акт, определяемый волей и направляемый более или менее глубоким познанием внешнего мира: это применение мускульной силы человека к преобразованию этого мира согласно своим возрастающим потребностям. Эта борьба человека, сознательного труженика, против матери-природы не является бунтом против нее или ее законов. Он ис-

пользует полученное им знание этих законов лишь с целью стать сильнее и обезопасить себя от грубых нападений и случайных катастроф, а также от периодических и регулярных явлений физического мира. Только познание и самое почтительное соблюдение законов природы делает человека способным, в свою очередь, покорить ее, заставить служить его целям и превратить поверхность земного шара во все более и более благоприятную для развития человечества среду.

* * *

Как видите, способность к отвлечению, источник всех наших знаний и всех наших идей, является также единственной причиной всякого человеческого освобождения. Но первое пробуждение этой способности, являющейся не чем иным, как разумом, не приводит тотчас же к свободе. Когда она начинает действовать в человеке, медленно освобождаясь от пелены животной инстинктивности, то вначале она проявляется не в виде разумной рефлексии, обладающей знанием и познанием своей собственной деятельности, а в виде рефлексии воображения или неразумия.

Она постепенно освобождает человека от природного рабства, тяготеющего над ним с колыбели, только для того, чтобы тотчас же отдать его в новое рабство, в тысячу раз более суровое и ужасное – в рабство религии.

Именно воображение человека превращает естественный культ, элементы и следы которого мы находим у всех животных, в культ человеческий, в элементарной форме фетишизма. Мы обратили внимание на животных, инстинктивно поклоняющихся великим явлениям природы, действительно оказывающим непосредственное и могущественное влияние на их существование, но мы никогда не слышали о животных, поклоняющихся безобидному куску дерева, тряпке, кости или камню. Между тем мы находим этот культ в первобытной религии дикарей и даже в католицизме. Как объяснить эту столь странную, по крайней мере на первый взгляд, аномалию, представляющую человека, с точки зрения здравого смысла и понимания действительности, стоящим гораздо более низко, чем самые скромные животные?

Эта абсурдность есть продукт воображения

дикаря. Он не только чувствует, подобно другим животным, всемогущество природы, он делает его предметом своей непрестанной рефлексии, фиксирует и обобщает его посредством какого-нибудь наименования, делает его центром, вокруг которого группируются все его детские воображения. Еще неспособный охватить своей бедной мыслью Вселенную, даже земной шар и даже столь ограниченную среду, в которой он родился и живет, он повсюду ищет, где же именно находится то всемогущество, ощущение которого, теперь уже осознанное и закрепленное, преследует его. И посредством наблюдения, игры своей неразвитой фантазии, которую нам сейчас понять трудно, он привязывает его к этому куску камня, к этой тряпке, к этому камню... таков чистый фетишизм, самая религиозная, т. е. самая абсурдная, из всех религий.

Вслед за фетишизмом и часто в одно время с ним идет культ колдунов. Это культ, если и не намного более разумный, то во всяком случае более естественный: он удивляет нас меньше чистого фетишизма, ибо мы к нему привыкли. Мы ведь еще сегодня окружены

колдунами: спириты, медиумы, ясновидящие, всякие магнетизеры и даже священники римской католической, а также восточной греческой церкви, которые утверждают, что они имеют власть заставить Бога с помощью каких-то таинственных формул сойти на воду или же воплотиться в хлебе и вине. Разве все эти насильники покоренного их заклинаниями божества не колдуны?

Правда, их божество, развивавшееся в течение нескольких тысячелетий, гораздо более сложно, чем божество первобытного колдовства, объектом которого является только зафиксированный, но еще не определенный образ всемогущества, без какого-либо другого интеллектуального или морального атрибута. Различие между добром и злом, справедливым и несправедливым здесь еще неизвестно; не знают, что такое божество любит и что оно ненавидит, что оно хочет и чего не хочет, оно ни доброе, ни злое – оно всемогуще и больше ничего. Однако божественный характер уже начинает вырисовываться; божество эгоистично и тщеславно, оно любит комплименты, коленопреклонение, унижение и

заклание людей, их обожание и жертвоприношения, – и оно преследует и жестоко наказывает тех, кто не хочет ему покориться: бунтовщиков, гордецов, нечестивцев. Как известно, это основная черта божественной природы древних и современных богов, созданных человеческим неразумием. Существовало ли когда-нибудь в мире столь завистливое, тщеславное, эгоистичное, кровавое существо, как Иегова евреев или Бог-отец христиан?

В культе первобытного колдовства божество или это неопределимое всемогущество является вначале как неотделимое от личности колдуна: он сам – бог, подобно фетишу. Но с течением времени роль сверхъестественного человека, человека-бога, становится невозможной для реального человека и в особенности для дикаря, который не имеет никаких средств укрыться от нескромного любопытства верующих и остается с утра до вечера открытым для наблюдения. Здравый смысл, практический ум дикого племени, продолжающие развиваться параллельно его религиозному воображению, доказывают ему в конце концов невозможность того, чтобы человек,

доступный всем человеческим слабостям и немощам, был богом. Колдун остается для народа сверхъестественным существом, но только иногда, когда он одержим. Но чем же он одержим? Всемогуществом, богом...

Значит, божество находится обычно вне колдуна. Где его искать? Фетиш, бог-вещь пре-взойден, как и колдун, человеко-бог. Все эти трансформации в первобытные времена могли занимать столетия. Дикарь, уже продвинувшийся в своем развитии, обогатившийся опытом и традициями многих веков, ищет теперь божество вдали от себя, но все еще среди реально существующего: в солнце, в луне, в звездах. Религиозная мысль уже начинает охватывать вселенную.

* * *

Как мы уже сказали, человек смог достигнуть этого пункта лишь по прошествии долгого ряда веков. Его способность отвлеченно мыслить, его разум развились, окрепли, изоцрились в практическом познании окружающих его вещей и в наблюдении их отношений и взаимной причинности, тогда как повторяемость некоторых явлений дала ему

начальное представление о законах природы. Человек начинает интересоваться совокупностью явлений и их причинами; он их разыскивает. В то же время он начинает познавать самого себя и благодаря той же способности к абстракции, которая позволяет ему внутренне подниматься мыслью над самим собою и делать себя объектом рефлексии, он начинает отделять свое материальное и жизненное существо от своего мыслящего существа, внешнее от внутреннего, свое тело от своей души. Но раз это различие открыто им и зафиксировано, то он с естественной необходимостью переносит его на своего бога и начинает искать невидимую душу этого видимого мира. Так должен был родиться религиозный пантеизм индусов.

Мы должны остановиться на этом, ибо именно здесь начинается, собственно, религия в полном смысле этого слова и вместе с ней теология и метафизика. До сих пор религиозное воображение человека, одержимое закрепившимися представлениями о всемогуществе, шло естественным образом, ища причину и источник этого всемогущества пу-

тем экспериментального исследования, вначале в самых близких предметах, в фетишах, потом в колдунах, еще позже в значительных явлениях природы, наконец, в звездах, но всегда приписывая его какому-нибудь действительному и видимому предмету, каким бы далеким он ни был. Теперь человек предполагает существование духовного, внемирового, невидимого бога.

С другой стороны, до сих пор его боги были ограниченными и обособленными существами среди множества других небожественных существ, одаренными всемогуществом, но все же реально существующими. Теперь он впервые полагает универсальное божество: Существо Существ, субстанцию и творца всех ограниченных и обособленных Существ, всеобщую душу всей Вселенной, Великое Целое. Вот начало настоящего бога и вместе с ним настоящей религии.

Мы должны теперь исследовать, каким путем человек пришел к этому результату, дабы познать по самому его историческому происхождению истинную природу божества.

Весь вопрос сводится к следующему: ка-

ким образом зарождаются в человеке представление о Вселенной и идея ее единства? Начнем с того, что у животного представление о Вселенной не может существовать, ибо это не есть предмет, непосредственно данный ему чувствами, подобно всем окружающим его реальным предметам, большим или малым, далеким или близким, – это абстрактное сущее, а потому может существовать лишь для способности к абстрактному мышлению, т. е. для одного лишь человека.

Рассмотрим же, каким образом это представление формируется у человека. Человек видит себя окруженным внешними предметами: сам он, будучи живым телом, является таким предметом для собственной мысли. Все эти предметы, которые он последовательно и медленно учится познавать, находятся между собой в определенных отношениях, которые он также более или менее познает; и тем не менее, несмотря на эти отношения, сближающие их, но не соединяющие, не сливающие их в одно, предметы остаются вне друг друга. Внешний мир, таким образом, представляется человеку как бесконечное разнообразие от-

дельных и отличных друг от друга предметов, действий и отношений без малейшей видимости единства; это неопределенное рядоположение, но не единство. Человеческий разум наделен способностью к абстракции, которая позволяет ему, после того как он медленно обошел и по отдельности исследовал, один за другим, множество предметов, охватить их в мгновение ока в едином представлении, соединить их в одной и той же мысли. Итак, именно мысль человека создает единство и переносит его на многообразие внешнего мира.

Отсюда следует, что это единство не является конкретным и реальным сущим, а абстрактным, созданным исключительно способностью человека к абстрактному мышлению. Мы говорим: способность к абстракции, ибо для того, чтобы соединить столько различных предметов в единое представление, наша мысль должна отвлечься от всего, что составляет различие между ними, т. е. от их раздельного и реального существования, и отметить лишь то, что они имеют общего; в результате, чем больше предметов объемлет

мыслимое нами единство, чем больше оно возвышается и чем больше разрешается уловленное им общее составляющее его положительное определение, его содержание, – тем более абстрактным и лишенным реальности оно становится. Жизнь со всем своим переходящим изобилием и великолепием находится внизу, в разнообразии, – смерть со своей вечной и возвышенной монотонностью пребывает наверху, в единстве. Поднимитесь с помощью той же способности к абстракции все выше и выше, уйдите за пределы земного мира, охватите в одной мысли солнечный мир, представьте себе это возвышенное единство: что же вам останется для его заполнения?

Дикарю было бы непросто ответить на этот вопрос! Но мы ответим за него: останется материя с тем, что мы называем силой абстракции, движущая материя с различными феноменами, такими как свет, теплота, электричество и магнетизм, которые, как это теперь доказано, являются различными проявлениями одного и того же. Но если в силу той же не знающей пределов способности к отвлечению вы подниметесь еще выше, выше

Солнечной системы и соедините в своей мысли не только эти миллионы солнц, сияние которых мы видим на небосклоне, но также бесконечное множество других солнечных систем, которые мы не видим и никогда не увидим, но чье существование мы предполагаем, ибо наши мысли по той самой причине, что деятельность абстракции не знает пределов, отказывается верить, чтобы Вселенная, т. е. тотальность всех существующих миров, могла бы иметь предел или конец, – затем, опять же мысленно отвлекаясь от отдельного существования каждого из существующих миров, если вы попытаетесь представить себе единство этого бесконечного мира – что у вас останется для его определения и заполнения? Одно слово, единственная абстракция: неопределенное Сущее, т. е. недвижность, пустота, абсолютное ничто – Бог.

Бог – это абсолютная абстракция, собственный продукт человеческой мысли; как сила абстракции, оставив позади все известные существа, все сущее мира, и освободившись тем самым от всякого реального содержания, превратившись уже в абсолютный мир, не узна-

вая себя в этой возвышенной наготе, он предстает сам перед собой как единственное и высшее Существо.

* * *

Нам могут возразить, что мы сами говорили на предыдущих страницах о действительном единстве Вселенной, определив которое как универсальную взаимозависимость или причинность, как единственное всемогущество, управляющее всем и ощущаемое в той или иной степени всеми живыми существами, теперь как будто бы отрицаем его. Но нет, мы его вовсе не отрицаем, мы лишь утверждаем, что между этим реальным всеобщим единством и идеальным единством, к которому стремится и которое создает путем абстракции религиозная и философская метафизика, нет ничего общего.

Мы определили первое как беспредельную сумму вещей или, скорее, как сумму непрерывных трансформаций всех реальных существ, их постоянных действий и противодействий, которые, соединяясь в одно движение, образуют, как мы сказали, так называемую всеобщую взаимозависимость, или причин-

НОСТЬ.

Мы прибавили, что понимаем эту взаимозависимость не как абсолютную и первую причину, а напротив, как равнодействующую, постоянно производимую и воспроизводимую одновременным действием всех частных причин, – действием, которое и составляет собственно универсальную причинность – вечно творящую и творимую. Определив ее таким образом, мы можем сказать, не боясь более никакого недоразумения, что эта универсальная причинность творит миры. И хотя мы очень настойчиво прибавляли, что она это делает без какой-либо предшествующей мысли или воли, без всякого плана, без преднамеренности или предопределенности – ведь у нее нет никакого отдельного или предшествующего существования помимо непрерывной самореализации, и она есть не что иное, как абсолютная равнодействующая, – тем не менее мы признаем теперь, что это выражение не является ни удачным, ни точным и что, несмотря на все добавленные объяснения, оно все-таки может привести к недоразумению, до того мы привыкли связывать с

этим словом творение мысль о сознательном творце, о творце, отдельном от своего произведения.

Мы должны были бы сказать, что каждый мир, каждое существо бессознательно и непроизвольно производится, рождается, развивается, живет, умирает и превращается в новое существо под всемогущим, абсолютным влиянием всеобщей взаимозависимости и, чтобы выразить нашу мысль еще более точно, мы добавим теперь, что реальное единство Вселенной есть не что иное, как абсолютная взаимозависимость и бесконечность ее реальных превращений, ибо непрерывное изменение каждого отдельного существа составляет единственную, подлинную реальность каждого, и Вселенная – не что иное, как история без границ, без начала и без конца.

Подробностям этой истории нет конца. Человеку всегда будет дано познать бесконечно малую долю. Наше звездное небо с множеством солнц образует лишь незаметную точку в неизмеримости пространства, и хотя мы можем объять его взором, мы никогда о нем

почти ничего не узнаем. Мы вынуждены удостоверить некоторым познанием нашей Солнечной системы, относительно которой мы должны предположить, что она находится в совершенной гармонии с остальной Вселенной; ибо, если бы не было этой гармонии, то или она должна была установиться, или же наша Солнечная система погибла бы. Мы уже неплохо знаем последнюю с точки зрения небесной механики и начинаем познавать ее также с точки зрения физики, химии и даже геологии. Наша наука с трудом перейдет этот предел. Если мы хотим более конкретного познания, мы должны придерживаться нашего земного шара. Мы знаем, что он возник во времени, и мы предполагаем, что через некоторое, неизвестное нам число веков он осужден на гибель, – как рождается и погибает или, скорее, трансформируется все, что существует.

Каким образом наш земной шар, бывший вначале раскаленной, газообразной, несравненно более легкой, чем воздух, материей, сгустился, охладился, сформировался, через какой нескончаемый ряд геологических из-

менений он должен был пройти, прежде чем на его поверхности появилось все это бесконечное богатство органической жизни, начиная с первой и самой простой клетки и кончая человеком? Как он изменялся и продолжает свое развитие в историческом и социальном мире человека? Куда мы идем, влекомые высшим и фатальным законом непрерывного изменения?

Вот единственно доступные нам вопросы, единственные, которые могут и должны быть действительно охвачены, детально изучены и решены человеком. Эти вопросы, как мы уже сказали, будучи неуловимым моментом безграничного и неопределимого вопроса о Вселенной, являют, тем не менее, нашему уму истинно бесконечный мир – не в божественном, т. е. абстрактном смысле этого слова, не в смысле верховного существа, созданного религиозной абстракцией, нет, наоборот, бесконечный по богатству своих подробностей, которое никогда не смогут исчерпать никакое наблюдение и никакая наука.

И для того, чтобы познать этот мир, наш бесконечный мир, недостаточно одной аб-

стракции. Она снова привела бы нас к Богу, к Верховному Существо, к ничто. Используя эту способность к абстракции, без которой мы бы никогда не смогли возвыситься от низшего порядка к высшему и, следовательно, никогда не смогли бы понять естественную иерархию существ, – необходимо, говорим мы, чтобы наш ум с уважением и любовью погрузился в тщательное изучение деталей и бесконечно малых подробностей, без которых нам невозможно представить себе живую реальность существ. Итак, только соединяя эти две способности, эти две на первый взгляд столь противоположаемые тенденции: абстракцию и внимательный, тщательный, терпеливый анализ всех деталей, мы сможем подняться до реального понятия о нашем не внешне, а внутренне бесконечном мире и составить себе хоть сколько-нибудь полное представление о нашей собственной Вселенной – о нашем земном шаре или, если хотите, о нашей Солнечной системе.

* * *

Итак, очевидно, что если наши чувства и наше воображение и могут дать нам какой-то

образ, какое-то представление, непременно в той или иной степени ложное, об этом мире, даже если они могут посредством своего рода инстинктивной догадки дать нам почувствовать тень, отдаленное подобие истины, то чистую и полную истину нам может дать только наука.

Что же представляет собой эта властная любознательность, толкающая человека к познанию окружающего мира, к постижению с неутомимой страстью секретов этой природы, чьим последним и самым совершенным созданием на нашей Земле он сам является? Является ли любознательность просто роскошью, приятным времяпрепровождением или же одной из основополагающих потребностей его природы?

Мы, не колеблясь, утверждаем, что из всех потребностей, присущих природе человека, это наиболее человеческая и что он действительно становится человеком, что он действительно отличается от животных всех других видов лишь благодаря этой неукротимой жажде знания. Чтобы осуществить себя во всей полноте своего бытия, человек должен,

как мы сказали, себя познать, а он никогда себя действительно не познает, пока он не познает окружающую его природу, произведением которой он сам является.

Если человек не хочет отказаться от своей человечности, он должен знать, он должен пронизывать своей мыслью весь видимый мир и без надежды достичь когда-нибудь его сущности углубляться все более и более в изучение его устройства и законов, ибо наша человечность приобретает лишь этой ценой. Ему нужно познать все низшие, предшествующие и современные ему области, все механические, физические, химические, геологические и органические изменения на всех ступенях развития растительной и животной жизни, т. е. все причины и условия его собственного рождения и существования, дабы он мог понять свою собственную природу и свое призвание на этой земле – его единственном отечестве и месте действия, – чтобы в этом мире слепой фатальности он мог основать царство свободы.

Такова задача человека: она неисчерпаема, бесконечна и вполне достаточна для удо-

влетворения самых честолюбивых умов и сердец. Мимолетное и неприметное существо среди безбрежного океана всеобщей изменчивости, с неведомой вечностью позади него и неведомой вечностью впереди, человек, мыслящий, деятельный, сознающий свое человеческое назначение, остается гордым и спокойным в сознании своей свободы, которую он сам завоевывает, просвещая, освобождая, в случае необходимости поднимая на бунт окружающий его мир и помогая ему. В этом его утешение, награда, его единственный рай. Если вы спросите после этого, каково его внутреннее убеждение и последнее слово относительно реального единства Вселенной, то он вам скажет, что оно заключается в вечном и универсальном преобразовании, в движении без начала, без предела и конца. А это полная противоположность всякому Провидению – отрицание Бога.

Во всех религиях, поделивших между собой мир и обладающих сколько-нибудь развитой теологией, – за исключением, впрочем, буддизма, чья странная и к тому же непонятая до конца несколькими сотнями миллио-

нов последователей доктрина устанавливает религию без Бога, – во всех системах метафизики Бог является нам как всевышнее существо, предвечно существовавшее и все предопределившее, все в себе содержащее, как мысль и воля, вдохновляющее всякое существование и предшествующее всякому существованию: источник и вечная причина всякого творения, неизменное и вечно равное самому себе существо во всеобщем движении сотворенных миров. Как мы видели, этот Бог не находится в действительной Вселенной, по крайней мере в той ее части, которая доступна человеку. Поэтому, не находя его вне самого себя, человек должен был найти его в себе самом. Каким образом он его искал? Отвлекаясь от всех живых, реальных вещей, от всех видимых, известных миров. Но мы видели, что в конце этого бесплодного путешествия человеческая способность к абстракции встречает лишь один объект: саму себя, но освобожденную от всякого содержания и лишенную всякого движения за неимением предмета, который бы можно еще превзойти, – себя как абстракцию, как абсолютно

неподвижное, абсолютно пустое бытие. Мы сказали бы, абсолютное Небытие. Но религиозная фантазия говорит: Верховное Существо – Бог.

К тому же, как мы уже отметили, фантазия следует здесь примеру того различия или даже противоположения, которое делается уже достаточно развившимся мышлением между внешним человеком – телом – и его внутренним миром, заключающим в себе его мысль и волю, – человеческой душой. Естественно, не подозревая, что душа – не что иное, как продукт и последнее, постоянно обновляемое, воспроизводимое выражение человеческого организма, видя, напротив, что в повседневной жизни тело кажется всегда повинующимся внушениям мысли и воли; предполагая, следовательно, что душа есть если не творец, то, по крайней мере, хозяин тела, для которого не остается другого назначения, как служить ей и выражать ее, – религиозный человек, с того момента, как его способность к отвлечению дошла, описанным нами образом, до идеи универсального и всевышнего существа, которое, как мы доказали, является

не чем иным, как этой самой способностью к абстракции, полагающей самое себя как объект, – естественно принимает ее за душу всей вселенной – Бога.

Так впервые в истории появился истинный Бог – всемирное, вечное, неизменное существо, созданное двойным действием религиозного воображения и человеческой способности к отвлечению. Но как только Бог был таким образом познан и признан, человек, забывая или, скорее, даже не зная о своей собственной интеллектуальной деятельности, которая и создала Бога, не узнавая себя самого в своем собственном создании: в универсальном абстрактуме, – начал ему поклоняться. Роли тотчас же переменились: творение стало предполагаемым творцом, а настоящий творец, человек, занял место между множеством других презренных тварей как жалкая тварь, стоящая чуть выше всех прочих.

* * *

Раз Бог был признан, то постепенное и прогрессирующее развитие различных теологий естественно объясняется как отражение исторического развития человечества. Ибо с

того момента, как идея сверхъестественного и всевышнего существа завладела воображением человека и укрепилась в его религиозном убеждении, – вплоть до того, что это существо кажется ему более реальным, чем действительные вещи, которые он видит и осязает руками, – она естественным и необходимым образом становится главной основой всего человеческого существования, она его изменяет, понижает его, оно находится в ее исключительной и абсолютной власти. Верховное существо тотчас же представляется как абсолютный господин, как мысль, воля, первоисток – как творец и устроитель всех вещей. Ничто не может более соперничать с ним и все должно исчезнуть в его присутствии: всякая истина пребывает в нем одном и каждое существо, сколь бы могущественным оно ни казалось, включая самого человека, отныне может существовать лишь с божьего соизволения. Все это, впрочем, совершенно логично, ибо в противном случае Бог не был бы всевышним, всемогущим, абсолютным существом, т. е. его вовсе бы не было.

С этих пор, естественно, человек приписы-

вает Богу все качества, все силы, все добродетели, которые он последовательно открывает в себе или вне себя. Мы видели, что Бог, признанный верховным существом и являющийся в действительности не чем иным, как абсолютным абстрактом, совершенно лишен всякой определенности и всякого содержания: он обнажен и ничтожен, как само Небытие. И вот он наполняется и обогащается всеми реальностями существующего мира, будучи лишь его абстракцией; но для религиозной фантазии он – Господь и Владыка. Отсюда следует, что Бог – это неограниченный грабитель, и так как антропоморфизм составляет самую сущность всякой религии, небо, местопребывание бессмертных богов, является просто кривым зеркалом, которое посылает верующему человеку его собственное отражение в перевернутом и увеличенном виде.

Ведь действие религии заключается не только в том, что она отнимает у земли естественные богатства и силы, а у человека – его способности и добродетели, по мере того как он открывает их в ходе исторического развития и тотчас переносит на небо, делает из них

божественные атрибуты или существа. Таким превращением религия коренным образом изменяет природу этих сил или качеств, она их извращает, портит, придавая им направление, диаметрально противоположное первоначальному.

Так человеческий разум, единственный орган, которым мы обладаем для познания истины, превращаясь в божественный разум, становится для нас совершенно непонятным и предстает перед верующими как откровение абсурда. Так почитание неба делается презрением к земле, а поклонение божеству – уничтожением человечества. Человеческая любовь, эта великая естественная солидарность, связующая всех индивидов, все народы, делающая счастье и свободу каждого зависимой от свободы и счастья всех других, призванная соединить рано или поздно всех людей во всеобщем братстве, несмотря на различия цвета и расы, – эта любовь, превратившись в божественную любовь и религиозное милосердие, тотчас же становится бичом человечества: вся кровь, пролитая во имя веры с самого начала истории, все эти милли-

оны человеческих жизней, принесенных в жертву ради вящей славы богов, свидетельствуют об этом...

Наконец, сама справедливость, эта будущая мать равенства, единожды перенесенная религиозной фантазией в небесные дали и превращенная в божественную справедливость, тут же возвращается на землю в теологической форме благодати и, принимая всегда и везде сторону самых сильных, сеет с этих пор среди людей лишь насилие, привилегии, монополию и все чудовищное неравенство, освященное историческим правом.

Мы не думаем отрицать историческую необходимость религии, мы не утверждаем, что она была абсолютным злом в истории. Если она зло, то она была и, к сожалению, поныне остается для громадного большинства невежественного человечества злом неизбежным, подобно тому, как неизбежны недостатки и ошибки в развитии всякой человеческой способности. Религия, как мы уже сказали, – это первое пробуждение человеческого разума в форме божественного неразумия; это первый проблеск человеческой истины

сквозь божественные покровы лжи; это первое проявление человеческой морали, справедливости и права сквозь исторические несправедности божественной благодати; наконец, это первый опыт свободы под унижительным и тягостным игом божества, игом, которое в конце концов необходимо будет свергнуть, чтобы действительно завоевать разумный разум, истинную истину, полную справедливость и действительную свободу.

При помощи религии человек-животное, выходя из животности, делает первый шаг к человечности; но покуда он останется религиозным, он никогда не достигнет своей цели, ибо всякая религия обрекает его на абсурд и, направляя его по ложному пути, заставляет искать божественное вместо человеческого. Религия приводит к тому, что народы, едва освободившись от природного рабства, в котором остаются животные других видов, тотчас же попадают в рабство к сильным мира сего и к кастам привилегированным, кастам, этим божеским избранникам.

* * *

Одним из главных атрибутов бессмертных

богов является, как известно, звание законодателей человеческого общества, основателей государства. Человек, говорят почти все религии, был бы неспособен сам распознать, что хорошо и что плохо, справедливо и несправедливо, а потому само божество должно было так или иначе спуститься на землю, чтобы просветить человека и основать в человеческом обществе политический и социальный строй. Естественным результатом этого является непреложный вывод: все законы и всякая установленная власть освящены небом и им должно всегда и везде слепо повиноваться.

Это очень удобно для правителей и очень неудобно для управляемых, а так как мы принадлежим к последним, то мы кровно заинтересованы в более близком рассмотрении правомерности этого древнего утверждения, которое всех нас обратило в рабов, чтобы найти средство освободиться от гнета.

Вопрос теперь уже для нас чрезвычайно упростился: поскольку Бог не существует или он не что иное, как продукт нашей способности к абстракции, соединенной с религиоз-

ным чувством, доставшимся нам по наследству от животных; будучи лишь всеобщим абстрактом, неспособным на движение и самостоятельное действие, абсолютным Небытием, воображенным как верховное существо и созданным только религиозной фантазией, абсолютно лишенным всякого содержания и обогащающимся всеми реальностями земли, возвращающим человеку в извращенном, испорченном, божественном виде то, что оно раньше у него похитило, – Бог не может быть ни добр, ни зол, ни справедлив, ни несправедлив. Он не может ничего желать, ничего устанавливать, ибо в сущности он – ничто, и он становится всем лишь благодаря религиозному легковерию. Поэтому, если это последнее нашло в нем идеи справедливости и добра, то только потому, что раньше само предоставило их ему, не подозревая об этом; веруя, что получает, оно само их давало. Но, чтобы одалживать эти идеи Богу, человек должен был их иметь! Где он нашел их? Конечно, в себе самом. Но все, что он имеет, исходит от его животности: его дух – не что иное, как толкование его животной природы. Итак, идеи спра-

ведливости и добра, подобно всему другому человеческому, должны иметь корни в самой животности человека.

И в самом деле, элементы того, что мы называем моралью, имеются уже в животном мире. У животных всех видов, без малейшего исключения и лишь с громадной разницей в отношении развитости, мы встречаем два противоположных инстинкта: инстинкт самосохранения Индивида и инстинкт сохранения Вида, или, говоря человеческим языком, эгоистический инстинкт и социальный инстинкт. С точки зрения науки, как и с точки зрения самой природы, эти два инстинкта равно естественны и, следовательно, законны, более того, они равно необходимы для естественной экономики существ, поскольку индивидуальный инстинкт – основное условие сохранения вида; если бы индивиды всей своей энергией не защищались от лишений, всех внешних опасностей, постоянно угрожающих их существованию, то и сам вид, который живет лишь в индивидах и через индивидов, не мог бы сохраниться.

Но если судить об этих двух стремлениях,

исходя только из интересов вида, то можно было бы сказать, что социальный инстинкт хорош, а индивидуальный, поскольку он ему противоположен, дурен. У муравьев, у пчел преобладает добродетель, ибо у них социальный инстинкт, как кажется, совершенно подавляет индивидуальный инстинкт. Совершенно иное видим мы у хищных зверей, и мы не ошибемся, если скажем, что в животном мире вообще преобладает эгоизм. Инстинкт вида, наоборот, пробуждается лишь на короткий срок и длится лишь столько времени, сколько необходимо для размножения и воспитания семьи.

Иначе обстоит дело с человеком. По-видимому, и это одно из доказательств его огромного превосходства над животными всех других видов, оба противоположных инстинкта, эгоизм и общественность, у человека и гораздо сильнее, как один, так и другой, и менее делимы, чем у всех нижестоящих видов животных: в своем эгоизме он свирепее самых кровожадных зверей и в то же время — куда больший социалист, чем пчелы и муравьи.

Проявление в каком-либо животном большей силы эгоизма или индивидуальности есть несомненное доказательство сравнительно большего совершенства его организма и признак более развитого ума. Каждый вид животных конституирован как таковой особым законом, т. е. свойственным только ему способом формирования и сохранения, отличающим его от всех прочих видов. Этот закон не существует вне реальных индивидов, принадлежащих виду, которым он управляет; помимо них у него нет реальности, но он безраздельно правит ими, и они являются его рабами.

У самых низших видов, проявляясь как способ скорее растительной, чем животной жизни, он почти совсем отделен от них, являясь чуть ли не внешним законом, которому едва определенные как таковые, индивиды повинуются, так сказать, механически. Но, по мере развития видов и их постепенного восходящего приближения к человеку, все более индивидуализируется управляющий ими специальный родовой закон; все более полно он претворяется и проявляется в каждом инди-

виде, приобретающем тем самым все большую определенность и отличительные признаки.

Продолжая повиноваться этому закону с такой же необходимостью, как и другие, при том, что этот закон все больше проявляется в нем как его собственное индивидуальное стремление, как скорее внутренняя, чем внешняя необходимость, — несмотря на то, что эта внутренняя необходимость всегда проявляется в нем, хотя он этого и не подозревает, под действием множества внешних причин, — индивид чувствует себя более свободным, более независимым, способным к более самостоятельным действиям, чем индивиды нижестоящих видов. У него появляется чувство свободы. Мы можем сказать, что сама природа в своих прогрессивных изменениях стремится к освобождению и что уже в ее лоне большая индивидуальная свобода является несомненным признаком более высокого развития.

Самым индивидуальным и самым свободным существом в сравнении с другими животными, бесспорно, является человек.

Письма о патриотизме

Письмо первое

Женева, 23 февраля 1869 г.

Друзья и братья!

Прежде чем покинуть ваши горы, я чувствую потребность еще раз выразить вам письменно мою глубокую благодарность за сделанный мне вами братский прием. Разве не удивительно, что какой-то человек, русский, бывший дворянин, которого вы до последнего времени совершенно не знали, и чья нога в первый раз ступила на вашу землю, тотчас же по своем прибытии, был окружен несколькими сотнями братьев! Подобное чудо в настоящее время может быть осуществлено лишь Международным Обществом Рабочих, и это по простой причине: оно одно теперь являет собой историческую жизнь и творческую мощь политического и социального будущего. Те, кого объединяет живая мысль, живая воля и великое общее стремление, являются действительно братьями, даже если они незнакомы друг с другом.

Было время, когда буржуазия, обладая та-

кой же жизненной мощью и являясь единственным историческим классом, представляла подобное зрелище братства и единения, как в действиях, так и в мыслях. Это было лучшее время этого класса, без сомнения всегда почтенного, но отныне бессильного, тупого, и бесплодного, эпоха его самого энергичного развития. Такова была буржуазия до великой революции 1793-го года; таковой была она еще, но в меньшей мере, до революции 1830 и 1848 года. Тогда пред буржуазией был целый мир для покорения, она должна была занять место в обществе, и, организованная для борьбы, умная, смелая, чувствуя себя сильной правом всех, она обладала непреодолимым всемогуществом; она одна совершила три революции против соединенных сил монархии, дворянства и духовенства.

В то время буржуазия тоже создала всемирную, могучую международную ассоциацию: Франк-Масонство.

Очень ошибся бы тот, кто судил бы о Франк-Масонстве прошлого века, или даже начала этого века, по тому, чем оно является теперь. Учреждение по преимуществу буржу-

азное, Франк-Масонство, в своем растущем могуществе сначала и потом в своем упадке, было как бы выражением интеллектуального и морального развития, могущества и упадка буржуазии. В настоящее время, спустившись до печальной роли старой интриганки и болтуни, оно ничтожно, бесполезно, иногда вредно и всегда, смешно, между тем как до 1830 и в особенности до 1793 года, оно соединяло в себе, за малым числом исключений, все выдающиеся умы, самые пылкие сердца, самые гордые воли, самые смелые характеры и, представляло собой деятельную, могучую и истинно полезную организацию. Это было мощное воплощение и осуществление на практике гуманитарных идей XVIII века. Все великие принципы свободы, равенства, братства, человеческого разума и справедливости, выработанные теоретически философией этого века, сделались в среде Франк-Масонства практическими догматами и как-бы основами новой морали и новой политики – душой гигантского предприятия разрушения и воссоздания. Франк-Масонство было в то время не более, не менее, как всемирным заговором

революционной буржуазии против феодальной, монархической и божеской тирании!

– Это был Интернационал буржуазии.

Известно, что все главные деятели первой революции были Франк-Масонами, и что, когда эта революция разразилась, она встретила, благодаря Франк-Масонству, друзей и преданных, могущественных союзников во всех других странах, что, конечно, сильно помогло ее торжеству. Но так же очевидно, что торжество революции убило Франк-Масонство, ибо после того, как революция в значительной мере выполнила пожелания буржуазии и поставила ее на место родовой аристократии, буржуазия, бывшая долгое время утесняемым и эксплуатируемым классом, естественно сделалась в свою очередь классом привилегированным, эксплуататорским, притесняющим, консервативным и реакционным, сделалась другом и самой надежной поддержкой государства. После захвата власти первым Наполеоном, Франк-Масонство сделалось, в большинстве стран европейского континента, императорским учреждением.

Реставрация его отчасти воскресила. Бур-

жуазия, видя угрозу возвращения старого режима, вынужденная уступить церкви и дворянству место, завоеванное ею в первую революцию, принуждена была снова сделаться революционной. Но какая разница между этим подогретым революционаризмом и горячим, могучим революционаризмом, вдохновлявшим ее в конце прошлого столетия! Тогда буржуазия была искренна, она серьезно и наивно верила в права человека, ее двигал, вдохновлял гений разрушения и обновления, она была в полной силе ума и в полном развитии сил; она еще не подозревала, что бездна отделяет ее от народа; она себя считала, чувствовала и действительно была представительницей народа. Реакция термидора и заговор Бабефа навсегда лишили ее этой иллюзии. — Бездна, разделяющая рабочий народ от эксплуатирующей, властвующей, и благоденствующей буржуазии, открылась, и чтобы заполнить эту бездну понадобится весь класс буржуазии, целиком, все привилегированное существование буржуа.

Поэтому, не вся буржуазия в ее целом, а только часть ее возобновила после реставра-

ции, заговорщицкую деятельность против дворянского, клерикального режима и законных королей.

В следующем письме, я разовью вам, если вы мне позволите, свои мысли, относительно последней фазы конституционного либерализма и буржуазного карбонаризма.

Письмо второе

Женева, 28 марта 1869 г.

Я сказал в предыдущем письме, что реакционные, легитимистические, феодальные и клерикальные попытки пробудили снова революционный дух буржуазии, но что между этим новым духом и телом, который одушевлял ее до 1793 года, была громадная разница. Буржуа прошлого столетия были гигантами, в сравнении с которыми самые смелые из буржуа этого столетия кажутся лишь пигмеями.

Чтобы в этом убедиться, надо только сравнить их программы. Какова была программа философии и великой революции XVIII столетия? Не более не менее, как полное освобождение всего человечества; осуществление для каждого и всех права и действительной и полной свободы путем всеобщего политиче-

ского и социального уравниения; торжество человечности на развалинах божеского мира; царство свободы и братства на земле. – Ошибкой этой философии и этой революции было непонимание, что осуществление человеческого братства невозможно пока существуют государства, и что действительное уничтожение классов и политическое и социальное уравниение индивидов, возможны не иначе, как при уравниении для всех и каждого экономических средств, воспитания, образования, труда и жизни. Тем не менее было бы несправедливо упрекать XVIII век за то, что он этого не понял. Общественные науки не создаются, не изучаются с помощью одних книг; они нуждаются в великих уроках истории, и надо было совершить революцию 1789 и 1793 годов, надо было повторить опыт 1830 и 1848 годов, чтобы прийти к этому, отныне несокрушимому заключению, что всякая политическая революция, не ставящая себе немедленной и прямой целью экономическое равенство, является, с точки зрения народных интересов и прав, ничем иным, как лицемерной и замаскированной реакцией.

Эта столь очевидная и простая истина была еще неизвестной в конце XVIII столетия, и когда Бабеф выдвинул экономический и социальный вопрос, сила революции была уже исчерпана. Тем не менее этой последней принадлежит бессмертная честь провозглашения самой великой цели, из всех когда либо поставленных в истории, – освобождение всего человечества в его целом.

Какую же цель, преследует в сравнении с этой громадной программой, программа революционного либерализма в эпоху Реставрации и Июльской монархии? Пресловутую благоразумную свободу, очень скромную, очень упорядоченную, очень ограниченную, принаровленную как раз к ослабевшему темпераменту полунасыщенной буржуазии, которая, уставши от борьбы и ощущая нетерпение начать благоденствовать, уже чувствовала для себя угрозу не сверху, но снизу, и с беспокойством видела появление на горизонте, черной массы бесчисленных миллионов эксплуатируемых пролетариев, уставших терпеть и готовящихся потребовать своих прав.

С начала настоящего столетия этот рожда-

ющийся призрак, названный позже красным призраком, этот ужасный призрак права всех, противоположного привилегиям класса счастливых, эта народная справедливость и народный разум, которые при своем дальнейшем развитии должны обратить в прах софизмы буржуазной экономики, юриспруденции, политики и метафизики, становятся посреди современных триумфов буржуазии, по-мехою ее счастью, ослабляют ее уверенность, ее ум.

А, ведь, при Реставрации, социальный вопрос был еще почти неведом или, лучше сказать, забыт. Было несколько отдельных великих мечтателей, как Сэн-Симон, Роберт Оуэн, Фурье, гениальный ум которых или великие сердца отгадали необходимость радикальной переработки экономической организации общества. Вокруг каждого из них группировалось малое число пылких и преданных учеников, составляя как бы несколько небольших церквей, но они были столь же неизвестны, как их учителя и не имели никакого влияния на окружающий мир. Было еще коммунистическое завещание Бабефа, переданное

его знаменитым товарищем и другом Буонаротти, наиболее энергичным пролетариям, посредством тайной народной организации. Но тогда это было еще подпольной работой, проявление которой дало себя почувствовать только позже, при Июльской монархии; во время Реставрации она совершенно не была замечена буржуазным классом. Народ, рабочие массы, оставались спокойными и ничего еще для себя самих не требовали.

Ясно, что если боязнь народной справедливости имела в эту эпоху какое либо существование, то она могла жить лишь в нечистой совести буржуа. Откуда явилась эта нечистая совесть? Или буржуа, жившие при Реставрации были, как индивиды, более злыми, чем их отцы, сделавшие революции 1789 и 1793 года? Нисколько. Это были почти одинаковые люди, но только поставленные в другую среду, и другие политические условия, обогащенные новой опытностью и, следовательно, имеющие другую совесть.

Буржуа прошлого столетия искренно верили, что, освобождая самих себя от монархического, клерикального и феодального ига, они

освободят вместе с собой весь народ. И это наивное, искреннее верование и было источником их геройской смелости и их невероятной мощи. Они чувствовали свое единение со всеми, и шли на приступ, неся в себе силу и право для всех. Благодаря этому праву и этой народной мощи, которая, так сказать, воплотилась тогда в классе буржуазии, буржуа прошлого столетия могли овладеть крепостью политического права, составлявшей предмет вожделения их отцов в продолжении стольких столетий. Но в то мгновение, как они водрузили на ней свое знамя, новый свет озарил их ум. Как только они завоевали власть, они начали понимать, что между их буржуазными интересами и интересами народных масс нет нечего общего, что, напротив, между ними есть радикальное противоречие, и что могущество и исключительное процветание класса собственников могут опираться лишь на нищету и политическую и социальную зависимость пролетариата.

С тех пор отношения между буржуазией и народом коренным образом изменились, и еще раньше чем рабочие поняли, что буржуа,

более по необходимости, чем по злой воле, являются их естественными врагами, буржуа уже достигли сознания этого фатального антагонизма. Это то создание я и называю нечистой совестью буржуа.

Письмо третье

Женева, 14 апреля 1869 г.

Нечистая совесть буржуа сказал я, парализовала с начала столетия, все интеллектуальное и моральное движение буржуазии. Я делаю поправку и заменяю слово парализовала, словом извратила. Ибо было бы неправильно обозвать параличным тот ум, который, перейдя от теории к приложению позитивных наук, создал все чудеса современной промышленности, пароходы, железные дороги и телеграф; который, с другой стороны, открыл новую науку – статистику, и, доведя политическую экономию и историческую критику развития богатства и цивилизации народов до их последних выводов, положил основание новой философии – социализму, являющемуся с точки зрения интересов буржуазии ничем иным, как великодушным самоубийством, отрицанием всего буржуазного мира.

Паралич наступил лишь позже, с 1848 года, когда буржуазия, испуганная результатами своих прежних работ, сознательно бросилась назад и, отрекшись, ради сохранения своих богатств, от всякой мысли и всякой воли, подчинилась военным покровителям и отдалась душой и телом самой полной реакции. С этого времени, она более ничего не изобрела, она потеряла вместе со смелостью и творческую мощь. У нее даже нет больше инстинкта самосохранения, ибо все что она делает для своего спасения, фатально толкает ее в бездну.

До 1848 года, она была еще в полной силе духа. Правда, этот дух уже не обладал той жизненной силой, с помощью которой в период от XVI до XVIII века, он создал целый новый мир. Это уже не был героический дух класса, который обладал всеми дерзновениями, ибо должен был все завоевать: теперь это был благоразумный и рассудочный дух нового собственника, который, приобретя горячо желанное имущество, должен теперь заботиться о его процветании и ценности. Характерной чертой буржуазного духа первой по-

ловины этого столетия является почти исключительно утилитарная тенденция.

Буржуазию в этом упрекали, и упреки эти несправедливы. Я, напротив, думаю, что буржуазия оказала человечеству последнюю великую услугу, проповедуя, гораздо больше собственным примером, чем теориями культ, или лучше сказать, уважение к материальным интересам. В сущности, эти интересы всегда имели в мире преобладающее значение; но раньше они маскировались под вид лицемерного и нездорового идеализма, который именно и делал их зловредными и отталкивающими.

Тот, кто хоть немного занимался историей, не мог не заметить, что в основе самых абстрактных, высоких и идеальных религиозных и теологических распрей всегда был какой-нибудь крупный материальный интерес. Все расовые национальные, государственные и классовые войны, никогда не имели другой цели, кроме владычества, являющегося необходимой гарантией и условием обладания богатствами и пользования ими. Человеческая история, рассматриваемая с этой точки зре-

ния, является ничем иным, как продолжением великой борьбы за существование, составляющей, согласно Дарвину, основной закон органической природы.

В животном мире эта борьба происходит без идей и без фраз, и ей нет разрешения; пока земля будет существовать, животные будут пожирать друг друга. Это естественное условие жизни животных. Люди, животные плотоядные по преимуществу, начали свою историю с людоедства. – Теперь они стремятся к всемирной ассоциации, к коллективному производству и потреблению.

Но между этими двумя крайними точками, какая кровавая и ужасная трагедия! И конец этой трагедии еще не настал. После людоедства наступило рабство; после рабства, крепостное право; после крепостного права наемный труд, за которым должны последовать во-первых, страшный день возмездия, а затем позже, много позже, эра братства. Вот, фазы, чрез которые проходит животная борьба за жизнь в истории, постепенно преобразуясь в человеческую организацию жизни.

И среди этой братоубийственной борьбы

людей против людей, в этом взаимном пожирании друг друга, в этом рабстве и этой эксплуатации одних другими, которые меняя название и формы, тянулись непрерывно из века в век до наших дней, какую роль играла религия? Она всегда освящала насилие и обратила его в право. Она перенесла человечность, справедливость и братство на фиктивное небо, чтобы оставить на земле царство несправедливости и грубой силы. Она благословляла счастливых бандитов, и чтобы сделать их, еще счастливее, она проповедовала их бесчисленным жертвам, народам, покорность и послушание. И чем выше и прекраснее казался идеал, которому она поклонялась на небе, тем действительность на земле становилась ужаснее. Ибо в природе всякого идеализма, как религиозного, так и метафизического, заложено презрение к реальному миру, и, презирая его, он вместе с тем его эксплуатирует, — откуда вытекает, что всякий идеализм необходимо порождает лицемерие.

Человек — материя, и не может безнаказанно презирать материю. Он — животное, и не может уничтожить свою животность; но он

может и должен ее переработать и очеловечить через свободу, т. е. посредством комбинированного действия справедливости и разума, которые в свою очередь могут иметь влияние на нее только потому, что они являются ее продуктом и высшим выражением. Напротив того, всякий раз, когда человек хотел отвлечься от своей животности, он становился ее игрушкой и рабом, а чаще всего даже лицемерным служителем, свидетельством чему служат священники самой идеальной и самой нелепой из религий – католицизма.

Сравните их хорошо известную безнравственность с их обетом целомудрия; сравните их ненасытную жадность с их учением об отречении от благ сего мира, – и согласитесь, что не существует больших материалистов, чем эти проповедники христианского идеализма. Даже сейчас, какой вопрос волнует всего больше церковь? Вопрос о сохранении своего имущества, угрожаемого повсюду теперь конфискацией со стороны государства, этой новой церкви, являющейся выражением политического идеализма.

Политический идеализм не менее нелеп,

не менее вреден, не менее лицемерен, чем идеализм религиозный, коего он является лишь разновидностью, лишь светским и земным выражением или проявлением. Государство, это младший брат церкви; а патриотизм, эта государственная добродетель, этот культ государства, является лишь отражением божественного культа.

Добродетельный человек, согласно предписаниям идеальной, религиозной и политической школы, должен служить Богу и жертвовать собой ради государства. И вот эту-то доктрину буржуазный утилитаризм с начала этого столетия и стал оценивать по достоинству.

Письмо четвертое

Женева, 28 апреля, 1869 г.

Одной из величайших заслуг буржуазного утилитаризма было, как я уже сказал, убийство религии государства, убийство патриотизма.

Патриотизм, как известно, добродетель мира античного, рожденная среди греческих и римских республик, где в действительности никогда не было другой религии, кроме рели-

гии государства, другого предмета поклонения кроме государства.

Что такое государство? Метафизики и юристы отвечают нам что, это общественная вещь; интересы, общее благо и право всех в противоположении разлагающему действию эгоистичных интересов и страстей каждого. Это справедливость, и осуществление морали и добродетели на земле. Следовательно, для индивидов не может быть более высокого подвига и более великой обязанности, как жертвовать собой и, в случае нужды, умереть ради торжества, ради могущества государства.

Вот в немногих словах вся теология государства. Посмотрим теперь, не скрывает ли эта политическая теология, также как и теология религиозная, под очень красивой и поэтической внешностью, очень обыденную и грязную действительность.

Проанализируем сперва самую идею государства, такую, какой нам ее представляют ее восхвалители. Это пожертвование естественной свободой и интересами каждого, как индивида, так и сравнительно мелких коллективных единиц – ассоциаций, коммун и про-

винций – ради интересов и свободы всех, ради благоденствия великого целого. Но это все, это великое целое, что это такое в действительности? Это совокупность всех индивидов и всех более ограниченных человеческих коллективов, которые его составляют. Но раз для того чтобы его составить, нужно пожертвовать всеми индивидуальными и местными интересами, то чем же является в действительности то целое, которое должно быть их представителем? Это не живое целое, представляющее каждому свободно дышать и становящееся тем более богатым, могучим и свободным, чем шире разворачиваются на его лоне, свобода и благоденствие каждого; это не естественное человеческое общество которое утверждает и увеличивает жизнь каждого посредством жизни всех; – напротив того, это заклятие как каждого индивида, так и всех местных ассоциаций, абстракция, убивающая живое общество, ограничение или лучше сказать, полное отрицание жизни и права всех частей, составляющих общее целое, во имя так называемого всеобщего блага. Это государство, это алтарь политической религии,

на котором приносится в жертву естественное общество: это всепожиратель, живущий человеческими жертвами, подобно церкви, государство, повторяю еще – меньший брат церкви.

Чтобы доказать тождество церкви и государства, я прошу читателя констатировать тот факт, что как церковь, так и государство основаны существенным образом на идее пожертвования жизнью и естественным правом, и что они исходят из одного и того же принципа; принципа прирожденной порочности людей, которая может быть побеждена лишь божьей благодатью и смертью в Боге естественного человека, согласно церкви, а согласно государству, лишь законом и закланием индивида на алтаре государства. И церковь и государство стремятся пересоздать человека, первая в святого, второе – в Гражданина. Но естественный человек должен умереть, ибо он осужден единогласно как религией церкви, так и религией государства.

Таковы в их идеальной чистоте тождественные теории церкви и государства. Это чистые абстракции; но всякая историческая

абстракция предполагает исторические факты. Эти факты, как я уже сказал в предыдущем письме, реального, грубого характера: это насилие, грабеж, порабощение, завоевание. Человек так создан, что он не довольствуется тем, что делает то или другое, он чувствует потребность объяснить и оправдать, перед своей собственной совестью и в глазах всего мира, то, что он делает. Религия явилась, стало быть, как раз кстати, чтобы благословить совершившиеся факты и, благодаря этому благословению, несправедливый и грубый факт превратился в право. Юридическая наука и политическое право, как известно, вначале вытекали из теологии, позже из метафизики, которая является ничем иным, как замаскированной теологией, имеющей смешную претензию не быть нелепой. Метафизика старалась, но тщетно, придать им характер науки.

Рассмотрим теперь, какую роль играла и продолжает играть в реальной жизни, в человеческом обществе, эта абстракция государства, параллельная исторической абстракции, называемой церковью?

Государство, сказал я, по самой сущности своей, есть громадное кладбище, где происходит самопожертвование, смерть и погребение всех проявлений индивидуальной и местной жизни всех интересов частей, которые и составляют все вместе, общество. Это алтарь, на котором реальная свобода и благоденствие народов приносятся в жертву политическому величию; и чем это пожертвование более полно, тем государство совершенней. Я отсюда заключаю, и это мое убеждение, что русская империя, это государство по преимуществу, это, без риторики, и без фраз, самое совершенное государство в Европе. Напротив того, все государства, в которых народы могут еще дышать, являются с точки зрения идеала, государствами несовершенными, подобно тому как все другие церкви по сравнению с римско-католической церковью, являются неудавшимися церквями.

Государство, сказал я, это абстракция, пожирающая народную жизнь; но для того, чтобы абстракция смогла родиться, заявиться и продолжать существовать в реальном мире, надо, чтобы существовало реальное коллек-

тивное тело, заинтересованное в ее существовании. Таковым не может быть большинство народа, ибо оно именно является жертвой государства: нуждаться в нем может лишь привилегированная группа, жреческое сословие государства, правящий и обладающий собственностью класс, являющийся в государстве тем же, чем в церкви является духовное сословие, священники.

И в самом деле, что видим мы в продолжение всей истории? Государство было всегда принадлежностью какого-нибудь привилегированного класса: духовного сословия дворянства или буржуазии; наконец, когда все другие классы истощаются, выступает на сцену, класс бюрократов и тогда государство падает или, если угодно, возвышается до положения машины. Но для существования государства непременно нужно, чтобы какой-нибудь привилегированный класс был заинтересован в его существовании. И вот солидарные интересы этого привилегированного класса, и есть именно то, что называется патриотизмом.

Письмо пятое

Женева 25 мая 1869 г.

Был ли когда либо патриотизм, в том сложном смысле, который придают этому слову, народной страстью или добродетелью?

Имея в руках историю, я не колеблясь, отвечаю на этот вопрос решительным нет, и чтобы доказать читателю, что я не ошибаюсь, отвечая таким образом, я прошу у него позволения проанализировать главнейшие элементы, которые, комбинируясь более или менее различным образом между собою, составляют то, что называется патриотизмом.

Таких элементов четыре: 1) Естественный или физиологический элемент; 2) экономический; 3) политический и 4) религиозный или фанатический.

Физиологический элемент является главным основанием всякого, наивного, инстинктивного и грубого патриотизма. Это естественная страсть, которая, именно потому, что она слишком естественная, т. е. совершенно животная находится в жесточайшем противоречии со всей политикой, и, что много хуже, сильно затрудняет экономическое, научное и гуманное развитие общества.

Естественный патриотизм, явление совер-

шенно звериное, встречающееся на всех ступенях животной жизни и даже, можно отчасти сказать, в растительном царстве. Взятый в этом смысле патриотизм, это губительная война, первое проявление в человечестве той великой и роковой борьбы за существование, которая составляет все развитие, всю жизнь естественного или реального мира, – борьбы непрерывной, всемирного пожирания друг друга, которое питает каждого индивида, каждую породу мясом и кровью индивидов других пород, и которое, фатально возобновляясь с каждым часом, с каждым мгновением, позволяет жить и развиваться самым совершенным, сильным и умным породам на счет других.

Те, кто занимается земледелием или садоводством, знают, как трудно уберечь свои посадки против паразитических видов, которые отнимают у них свет и необходимые для питания химические элементы земли. Наиболее могучее растение, которое лучше других приурочено к специальным условиям климата и почвы, развивается всегда со сравнительно большей силой и естественно стремится заду-

шить все другие. Это молчаливая, но неустанная борьба, и нужно энергичное вмешательство человека, чтобы защитить предпочитаемые им растения от этого нашествия.

В животном царстве продолжается та же борьба, только она происходит более драматически с большим шумом. Здесь уже не молчаливое, незаметное задушение. Здесь течет кровь, и мучимое, раздираемое, пожираемое животное наполняет воздух криками. Наконец, человек, животное говорящее, вносит в эту борьбу первую фразу, и фраза эта называется патриотизмом.

Борьба за жизнь в растительном и животном царстве, не есть лишь борьба между индивидами: это борьба между породами, группами и семействами. Во всяком живом существе есть два инстинкта, два главных интереса: питание и воспроизведение. С точки зрения питания, каждый индивид является естественным врагом всех других, не взирая ни на какие связи – семейные, групповые или родовые – его с другими. Поговорка, что волки не едят друг друга, справедлива лишь до тех пор, покуда волки находят для своего пи-

тания животных, принадлежащих к другим породам; но мы знаем, что как только в этих последних ощущается недостаток, волки преспокойно пожирают друг друга. Кошки, свиньи и еще многие другие животные часто съедают своих собственных детенышей и нет животного, которое бы этого не сделало, вынужденное голодом. А человеческие общества не начали ли с людоедства? И кто не слышал печальных историй о потерпевших крушение моряках, которые, блуждали среди океана, носясь на хрупком судне и будучи лишены пищи, бросали жребий, кто из них должен быть пожертвован и съеден другими. Наконец, разве мы не видели при последнем большом голоде, опустошившем Алжир, матерей которые съедали собственных детей?

Дело в том, что голод это жестокий и непобедимый деспот, и необходимость питаться, необходимость чисто индивидуальная, является первым законом, главным условием жизни. Это основание всей человеческой и социальной жизни, точно так же, как и жизни растительной и животной. Бунт против необходимости питания равносильен отрица-

нию всей жизни, самоприговору к небытию.

Но наряду с этим основным законом живой природы, есть и другой столь же существенный – закон воспроизведения. Первый стремится к сохранению индивидов, второй к созданию семейств, групп и пород. Индивиды, побуждаемые естественной необходимостью, стремятся соединиться, для целей воспроизведения, с индивидами, которые по организму близки к ним, подобны им. Бывают различия в организмах, делающие совокупление бесплодным или даже невозможным. Эта невозможность очевидна между царством растительным и царством животным; но даже и в этом последнем, совокупление четвероногих, например с птицами, рыбами, пресмыкающимися или насекомыми равным образом невозможно.

Ограничившись одними четвероногими, мы найдем ту же невозможность между различными группами, и, таким образом, приходим к заключению, что возможность совокупления и воспроизведения становится реальной для каждого индивида лишь в очень ограниченном кругу индивидов, которые, бу-

дучи одарены организмом тождественным или, близким к его организму, составляют вместе с ним одну и ту же группу или одно и то же семейство.

Так как инстинкт воспроизведения составляет единственную связь солидарности, могущую существовать между индивидами животного мира, то там, где эта способность прекращается, прекращается и всякая животная солидарность. Все, остающееся вне группы, в среде которой возможно для индивида воспроизведение, составляет другую породу, совершенно чуждый мир, мир враждебный и осужденный на истребление; все, что находится внутри, составляет обширное отечество породы, – как например, для людей, человечество.

Но это истребление и пожирание одного живого индивида другим происходит не только за пределами того ограниченного мира, который мы назвали обширным отечеством породы. Мы находим их внутри самого этого мира и такими же свирепыми, а иногда и более свирепыми вследствие сопротивления и стеснения, которые они здесь встречают потому

что к борьбе из за голода присоединяется столь же ожесточенная борьба из за любви.

Кроме того, каждая порода животных подразделяется на различные группы и семейства, видоизменяясь под влиянием географических и климатологических условий различных стран, в которых она живет. Большое или меньшее различие условий жизни определяет соответственное различие в организме индивидов, принадлежащих к одной и той же породе. К тому же известно, что всякий животный индивид естественно стремится совокупиться с индивидом, наиболее схожим с ним, откуда естественно вытекает развитие большого числа видоизменений в каждой породе. А так как различия, разделяющие все эти новые виды одни от других, основаны главным образом на воспроизведении, а воспроизведение есть единственная основа всей солидарности, то, очевидно, что широкая солидарность породы должна подразделяться на множество более ограниченных солидарностей и широкое отечество породы разбиваться на массу маленьких животных отечеств, враждебных и уничтожающих друг

друга.

Физиологический или естественный патриотизм

Я показал в своем предыдущем письме, каким образом патриотизм, как естественная страсть, вытекает из физиологического закона, а именно из закона, определяющего разделение живых существ на породы, семейства и группы.

Страсть патриотическая, очевидно страсть общественная. Чтобы найти ее яснейшее выражение в животном мире, надо обратиться к породам животных, которые подобно человеку, одарены в высшей мере общественной природой, например, к муравьям, к пчелам, к бобрам и ко многим другим животным, обладающим общими, постоянными жилищами, а также к животным, кочующим стадами. Животные, имеющие общее, постоянное жилище, представляют с точки зрения, конечно, естественного патриотизма, патриотизм земледельческих народов, а животные, кочующие стадами, патриотизм кочевых народов.

Очевидно, что патриотизм первых полнее патриотизма последних. Этот последний вы-

ражает лишь солидарность индивидов в стаде, между тем, как первый создает еще связь индивидов с почвой и жилищем, в котором они обитают. Привычка – эта вторая натура как людей, так и животных – и образ жизни гораздо определеннее, устойчивее у животных общественных и оседлых, чем среди бродячих стад; а из этих-то особенностей в привычках и в образе жизни и составляет главный элемент патриотизма.

Естественный патриотизм можно определить так: инстинктивная, машинальная и совершенно лишенная критики привязанность к общественно принятому, наследственному, традиционному образу жизни, и столь же инстинктивная, машинальная враждебность ко всякому другому образу жизни. Это любовь к своему и к своим и ненависть ко всему, имеющему чуждый характер. Стало быть, патриотизм, с одной стороны коллективный эгоизм, а с другой стороны – война.

Такая солидарность недостаточно сильна, чтобы индивиды-члены животной общины не пожирали друг друга в случае нужды; но она достаточно сильна, чтобы индивиды, за-

быв междуусобие, соединялись всякий раз, как им грозит вторжение чужой общины.

Посмотрите, например, на собак какой-нибудь деревни. Собаки в естественном состоянии не составляют коллективных республик; предоставленные собственным инстинктам, они живут, подобно волкам, в бродячих стаях, и только под влиянием человека обращаются в оседлых животных. Но прикрепленные к месту, они составляют в каждой деревне своего рода республику, основанную не на коммунистическом строе, а на индивидуальной свободе, согласно девизу, столь любимому буржуазными экономистами: каждый за себя и черт побери оплошавшего. У собак безграничная свобода и попустительство, конкуренция, безустанная, безжалостная гражданская война, в которой более сильный всегда кусает более слабого, — совершенно как в буржуазных республиках. Но пусть только собака соседней деревни пробежит по их улице, и вы тотчас увидите, как все эти ссорящиеся сограждане толпой бросаются на несчастного иностранца.

Не есть ли это точная копия или, лучше

сказать, оригинал, ежедневно копируемый человеческим обществом? Не есть ли это самое полное проявление того естественного патриотизма, о котором я сказал и осмеливаюсь повторить, что это чисто звериная страсть? Ее звериный характер несомненен, ибо собаки бесспорно звери, а человек, будучи животным подобно собаке и другим земным животным, но только животным, одаренным физиологической способностью думать и говорить, начинает свою историю со звериного состояния и только с течением веков завоевывает и создает свою человечность.

Раз мы знаем происхождение человека, нас не должна удивлять его звериная натура, являющаяся естественным фактом в серии естественных фактов; нас не должна она и возмущать, ибо отсюда нисколько не вытекает, что против нее не надо бороться с самой большой энергией, так как вся человеческая жизнь ничто иное, как непрерывная борьба с естественной животностью человека ради его человечности. Я хотел лишь констатировать, что патриотизм, восхваляемый нам поэтами,

политиками всех школ, правительствами и всеми привилегированными классами, как высшая и идеальная добродетель, имеет корень не в человеческих, но в звериных свойствах человека.

И действительно, безраздельное царствование естественного патриотизма мы видим в начале истории, а в настоящее время в наименее цивилизованных частях человеческого общества. Конечно, в человеческих обществах патриотизм является гораздо более сложным чувством, чем в других животных обществах, по той простой причине, что жизнь человека, животного мыслящего и одаренного словом, обнимает несравненно больше предметов, чем жизнь животных других пород. К чисто физическим привычкам и обычаям в нем присоединяются еще традиции, более или менее абстрактные, интеллектуальные и моральные, – целая масса истинных или ложных представлений вместе с различными религиозными, экономическими, политическими и социальными обычаями. Все это составляет элементы естественного патриотизма человека, поскольку все эти ве-

щи, комбинируясь тем или другим образом, создают для данного общества особую форму существования, традиционный образ жить, мыслить и действовать иначе, чем другие.

Но какова бы ни была разница, в отношении количества и даже качества охватываемых ими объектов, между естественным патриотизмом человеческих и звериных обществ, общее между ними то, что и тот и другой являются инстинктивными, традиционными, привычными, общественными страстями, и что интенсивность того и другого нисколько не зависит от характера их содержания. Напротив того, можно сказать, что чем это содержание менее сложно, чем оно проще, тем сильнее и исключительнее патриотическое чувство, которое служит его проявлением и выражением.

Животное, очевидно, гораздо более привязано к наследственным обычаям общества, к которому оно принадлежит, чем человек. У животного эта патриотическая привязанность фатальна; не будучи в состоянии самоосвободиться от нее, оно избавляется от нее иногда только под влиянием человека. Тоже

самое и в человеческих обществах; чем менее развита цивилизация, чем менее сложна сама основа социальной жизни, тем сильнее проявляется естественный патриотизм, т. е. инстинктивная привязанность индивидов ко всем материальным, интеллектуальным и моральным привычкам, составляющим обычную, традиционную жизнь отдельной общины, и ненависть их ко всему чуждому, ко всему отличающемуся. Откуда вытекает, что естественный патриотизм обратно пропорционален развитию цивилизации, т. е. торжеству человечности в человеческих обществах.

Никто не будет отрицать, что инстинктивный или естественный патриотизм жалких племен ледовитого пояса, едва затронутых человеческой цивилизацией и сама материальная жизнь чья так бедна, бесконечно сильнее или исключительнее, чем патриотизм, например, француза, англичанина или немца. Немец, англичанин, француз везде могут жить и акклиматизироваться, между тем, как уроженец полярных стран умер бы в скором времени от тоски по родине, если бы его

удерживали вдали от нее. И, однако, что может быть более ничтожным, менее человеческим, чем его существование! Это служит лишним доказательством, что интенсивность естественного патриотизма является показателем не человечности, а звериного состояния.

Наряду с положительным элементом патриотизма, заключающемся в инстинктивной привязанности индивидов к определенному образу существования, свойственному той общине, к которой они принадлежат, существует еще отрицательный элемент, столь же существенный как и первый и неотделимый от него; это равно инстинктивное отвращение ко всему чуждому – отвращение инстинктивное и, следовательно, совершенно звериное; да, действительно, звериное, ибо это отвращение тем энергичнее и непобедимее, чем менее тот, который его испытывает, думал и понимал, чем менее он человек.

В настоящее время это патриотическое отвращение ко всему иностранному встречается только у диких народов; в Европе его можно найти у полудикого населения, которое

буржуазная цивилизация не удостоила просветить, хотя она и не забывает его эксплуатировать. В самых больших столичных городах Европы, в самом Париже и особенно в Лондоне есть улицы, предоставленные нищенскому населению, которого никогда не касались лучи просвещения. Достаточно появления на этих улицах иностранца, чтобы толпа несчастных человеческих существ мужчин, женщин и детей, едва одетых и носящих во всей своей внешности следы самой ужасной нищеты и самого глубокого падения, окружила его и осыпала ругательствами, иногда даже побоями, единственно потому, что он иностранец. Разве подобного рода грубый и дикий патриотизм не является самым кричащим отрицанием всего, что называется человечностью?

И, однако есть, весьма просвещенные буржуазные газеты, как например *Journal de Geneve*, которые не чувствуют никакого стыда эксплуатировать столь мало человеческий предрассудок и столь всецело звериную страсть. Я, однако, должен отдать им справедливость и охотно сознаюсь, что, эти газеты

эксплуатируют патриотизм, нисколько его не разделяя и единственно лишь потому, что им выгодно его эксплуатировать, подобно тому как поступают в настоящее время почти все священники всех религий, проповедующие религиозные нелепости, сами не веря в них и единственно лишь потому, что в интересах привилегированных классов, чтобы народные массы продолжали верить.

Когда газета Journal de Geneve не находит уже более аргументов и доказательств, она говорит: эта вещь, эта идея, этот человек нам чужды, и она имеет столь низкое представление о своих соотечественниках, что надеется, что достаточно будет произнести это страшное слово чуждый, чтобы они, позабыв все и здравый смысл, и человечность, и справедливость, стали на ее сторону.

Я сам не женевец, но я слишком уважаю жителей Женевы, чтобы не думать, что Journal ошибается на их счет. Они, конечно, не захотят пожертвовать человечностью ради звериного состояния, эксплуатируемого коварством.

* * *

Я сказал, что патриотизм, поскольку он инстинктивен или естествен, имел все свои корни в животной жизни, не представляет ничего другого, кроме особой комбинации коллективных привычек: материальных, интеллектуальных и моральных, экономических, политических и социальных, развитых традицией или историей, в данном обществе. Эти привычки, прибавил я еще, могут быть хороши или плохи, так как содержание или объект этого инстинктивного чувства – патриотизма, не имеет никакого влияния на степень его интенсивности. Даже если бы пришлось допустить в этом отношении известную разницу, то она скорее склонялась бы на сторону худых, чем хороших привычек. Ибо – по причине животного происхождения всякого человеческого общества, и в силу той инертности, которая оказывает столь же могучее действие в интеллектуальном и моральном мире, как и в мире материальном, – во всяком обществе, которое еще не вырождается, а напротив, прогрессирует и идет вперед, плохие привычки, имея за собою первенство по времени, вкоренены более глубоко,

чем хорошие. Это нам объясняет, почему из общей суммы нынешних общественных привычек, в самых передовых странах цивилизованного мира, по крайней мере девять десятых никуда не годятся.

Пусть не воображают, что я вздумал объявить войну всеобщему обычаю общества и людей управляться привычками. Как и во многих других вещах, люди в этом лишь фатально повинуются естественному закону, а восставать против естественных законов было бы нелепо. Действие привычек в интеллектуальной и моральной жизни индивидов и обществ подобно действию растительных сил в жизни органической. Как то, так и другое являются условиями существования и реальности. Как добро, так и зло должны, чтобы сделаться реальной вещью, перейти в привычку, как в отдельном человеке, так и в обществе. Все упражнения, которым предаются люди, не имеют другой цели, и самые лучшие вещи не могут укорениться в человеке и сделаться его второй природой иначе, как в силу привычки. Легкомысленно восставать против нее, ибо это фатальная сила, которую не смог-

ли бы уничтожить никакой ум и никакая воля. Но, если просвещенные разумом нашего века и нашим представлением об истинной справедливости, мы серьезно пожелаем сделаться людьми, то нам остается только одно: постоянно направлять силу воли, т. е. привычку хотеть, развитую в нас независимыми от нас обстоятельствами, к искоренению плохих привычек и к насаждению на их место хороших. Чтобы очеловечить целое общество, надо беспощадно уничтожать все причины, все политические, экономические и социальные условия, порождающие в индивидах зло, и заместить их такими условиями, которые бы развили в этих самых индивидах привычку и практику добра.

С точки зрения современного сознания человечности и справедливости, какими, благодаря прошедшему развитию истории, мы их теперь наконец понимаем, патриотизм является привычкой дурной, узкой и злополучной, ибо он является отрицанием человеческого равенства и солидарности. Социальный вопрос, практически выставленный в настоящее время рабочим миром Европы и Амери-

ки, и разрешение которого возможно не иначе, как с уничтожением границ Государств, необходимо стремится искоренить эту традиционную привычку из сознания рабочих всех стран. Ниже я покажу, что уже с начала столетия эта привычка была сильно поколеблена в сознании высшей финансовой, торговой и промышленной буржуазии, благодаря удивительному и совершенно международному развитию ее богатств и экономических интересов. Но прежде я должен показать, каким образом, гораздо раньше этой буржуазной революции, инстинктивный, естественный патриотизм, являющийся по самой природе своей очень узким, очень ограниченным чувством и чисто местной общественной привычкой, потерпел в самом начале истории глубокое изменение, извращение и ослабление, благодаря образованию политических Государств.

В самом деле, патриотизм, поскольку это чисто естественное чувство, т. е. продукт реально солидарной жизни общества, еще не ослабленный или мало ослабленный развитием или действием экономических и

политических интересов, а также религиозных абстракций, такой патриотизм, если и не вполне, то в громадной своей части животный, может обнимать лишь очень ограниченный мир: одно племя, одну общину, одну деревню. В начале истории, как и ныне у диких народов, не было ни наций, ни национальных языков, ни национальных религий, — не было, значит, отечеств в политическом смысле этого слова. Каждое местечко, каждая деревня имела свой собственный язык, своего бога, своего священника или колдуна. Это было ничто иное, как размножившаяся, расширившаяся семья, которая, ведя войну со всеми, отрицала своим существованием все остальное человечество. Таков естественный патриотизм в своей энергичной и наивной неподкрашенности.

Мы встречаем еще остатки этого патриотизма даже в некоторых из самых цивилизованных стран Европы, например, в Италии, особенно в южных областях итальянского полуострова, где строение почвы, горы и море создают преграды между долинами, общинами и городами, отделяют их, изолируют и де-

лают почти совершенно чуждыми друг другу. Прудон заметил с большой основательностью в своей брошюре об итальянском единстве, что это единство является покуда еще только идеей и чисто буржуазной, но нисколько не народной страстью; что, по крайней мере, деревенское население осталось и поныне по отношению к этому единству в большинстве случаев совершенно равнодушно, а я прибавлю, даже враждебно, ибо это единство с одной стороны вступает в противоречие с местными патриотизмами, с другой стороны ничего до сих пор не принесло населению, кроме безжалостной эксплуатации, гнета и разорения.

Не видим ли мы часто даже в Швейцарии, особенно в отсталых кантонах, борьбу местного патриотизма против кантонального, а последнего против национального патриотизма, имеющего своим объектом всю республиканскую конфедерацию в ее целом?

В заключение, резюмируя все сказанное, я повторяю, что патриотизм, как естественное чувство, будучи по своей сущности чувством местным, является серьезным препятствием к образованию Государств, и что, следова-

тельно, эти последние, а с ними и цивилизация, не могли основаться иначе как уничтожив, если и не вполне, то в значительной мере, эту животную страсть.

* * *

Рассмотрев патриотизм с естественной точки зрения и показав, что с этой точки зрения, патриотизм является, с одной стороны, чувством собственно звериным или животным, ибо он свойственен всем животным породам, и что с другой стороны, он – явление существенно местное, ибо он может обнять лишь очень ограниченное пространство мира, где лишенный цивилизации человек проводит свою жизнь, – я перехожу теперь к анализу исключительно человеческого патриотизма, патриотизма экономического, политического и религиозного.

Это факт, констатированный натуралистами и теперь уже сделавшийся аксиомой, что количество всякого населения всегда соответствует количеству средств к пропитанию, находящихся в обитаемой этим населением стране. Население увеличивается всякий раз, как эти средства встречаются в большем ко-

личестве; оно уменьшается с уменьшением этого количества. Когда данное население съедает все запасы страны, оно переселяется. Но это переселение, разрывая все его старые привычки, все повседневные усвоенные жизненные обычаи, и принуждая искать, без всякого знания, без всякой мысли, инстинктивно и совершенно наудачу, средства пропитания в совершенно незнакомых странах, всегда сопровождается лишениями и страшными мучениями. Большая часть переселяющегося животного населения умирает с голоду, и часто служит пищей остающимся в живых; только меньшей части удается акклиматизироваться и разыскать новые средства к пропитанию в новой стране.

Потом возникает война, война между родами, которые, чтобы питаться, должны пожирать друг друга. Рассматриваемый с этой точки зрения, животный мир является ничем иным, как кровавой гекатомбой, ужасной и плачевной трагедией, написанной голодом.

Те, кто признает существование Бога-творца, и не подозревают, какой они делают ему милый комплимент выставляя его творцом

этого мира. Как? Всемогущий, всемудрый, всеблагий Бог не мог прийти ни к чему другому, как к созданию подобного мира, подобного страшилища?

Правда, теологи имеют превосходный аргумент для объяснения этого возмутительно-противоречия. Мир был создан совершенным, говорят они; в нем царила вначале абсолютная гармония, до того времени, как человек согрешил, и разгневанный на него Бог проклял человека и мир.

Это объяснение тем более поучительно, что оно полно нелепостей, а, как известно, в нелепом то и состоит сила теологов. Для них, чем какая-нибудь вещь более нелепа, невозможна, тем она истиннее. Вся религия ничто другое, как обожествление нелепого.

В 1860-е годы Бакунин стал убеждённым анархистом, он призывал к разрушению «державных государств». В связи с этим он выступил против «государственника» Маркса и между ними началась длительная борьба в I Интернационале. Несмотря на это, Бакунин сделал первый русский перевод «Манифеста коммунистической пар-

тии» Карла Маркса. Последние годы жизни
Михаил Александрович Бакунин провел в

крайней бедности, умер 19 июня (1 июля) 1876 года в Швейцарии, в больнице для чернорабочих, похоронен на Бремгартенском кладбище в Берне.

Совершенный Бог сотворил совершенный мир, но вот это совершенство поскальзывается и навлекает на себя проклятие творца; после этого абсолютное совершенство делается абсолютным несовершенством. Каким образом совершенство могло сделаться несовершенством? На это ответят, что так случилось именно потому, что мир, хотя и совершенный при сотворении, тем не менее не был абсолютным совершенством, ибо абсолютен один Бог, Высшее Совершенство. Мир был совершен лишь относительно и в сравнении с тем, каков он теперь.

Но в таком случае, зачем употреблять слово совершенство, слово, не применимое ни к чему относительному? Разве совершенство может быть не абсолютным? Скажите лучше, что Бог сотворил мир несовершенным, но лучшим, чем он есть в настоящее время. Но если он был лишь относительно лучшим, ес-

ли он не был совершенным, то он не представлял той гармонии и абсолютного мира, рассказами о которых господа теологи нам протрещали уши. И в таком случае, мы спросим у них: разве не должен творец, до вашим собственным словам, быть оцениваем по своему творению, как работник по совершенной им работе? Творец несовершенной вещи очевидно несовершенен; раз мир был создан несовершенным, то Бог, его творец, очевидно несовершенен. Ибо факт сотворения несовершенного мира может быть объяснен лишь его немудростью, или немощностью, или же злобой.

Но, возразят мне, мир был совершенен, но только менее совершенен, чем Бог. На это я отвечу, что когда дело идет о совершенстве, то нельзя говорить о большем или меньшем; совершенство полно, всецело, абсолютно, или же оно вовсе не существует. Стало быть, если мир был менее совершенен, чем Бог, мир был несовершенным; откуда вытекает, что Бог, творец несовершенного мира, был сам несовершенен, что он остается несовершенным, что он никогда не был Богом, что Бог не суще-

ствуует.

Чтобы спасти существование Бога, господя теологи будут принуждены согласиться, что созданный им мир был при сотворении совершенным. Но тогда я им поставлю два маленьких вопроса. Во-первых, если мир был совершенным, то каким образом два совершенства могли существовать вне друг друга? Совершенство может быть лишь едино; оно не терпит двойственности, ибо в двойственности одно ограничивается другим и становится таким образом несовершенным. Значит, если мир был совершенен, то не было Бога ни превыше его, ни даже вне его, сам мир был Богом. Второй вопрос: Если мир был совершенен, то каким образом он мог ниспасть? Хорошее совершенство, могущее измениться и исчезнуть! И если признать, что совершенство может ниспасть, то значит и Бог может ниспасть! Другими словами, Бог, конечно, существовал в верующем воображении людей, но человеческий разум, все более и более торжествующий в истории, обрекает его на уничтожение.

Наконец, как он странен, этот Бог Христи-

ан! Он сотворил человека таким образом, чтобы тот мог, чтобы тот должен был согрешить и ниспасть. Бог, имея между своими бесконечными атрибутами всеведение, не мог не знать, творя человека, что тот согрешит; а раз Бог это знал, человек должен был пасть: иначе он дерзко уличил бы во лжи божественное всеведение. Тогда, зачем говорят о человеческой свободе? Здесь была фатальность! Повинуясь этому фатальному влечению, – самый простодушный отец семейства и тот на месте Бога мог бы это предвидеть, – человек грешит: и вот Бог – совершенство вдруг впадает в ужасный гнев, столь же смешной, как и отвратительный. Бог проклинаяет не только тех, кто преступил его закон, но и все их потомство, хотя оно в то время еще не существовало, и следовательно, было совершенно невинно в грехе наших прародителей. Не удовольствовавшись этой возмутительной несправедливостью, он проклинаяет еще ни в чем неповинный, гармоничный мир и делает егоместилищем всех ужасов и преступлений, местом постоянной бойни. Потом, рабски связанный собственным гневом и проклятием,

изреченным им против мира и людей, против своего собственного творения, что делает Бог, вспомнив, наконец, что он Бог любви? Ему недостаточно, что он наполнил ради своего гнева кровью целый мир; этот кровавый Бог проливает еще кровь своего единственного Сына; он жертвует им под предлогом примирения мира с своим божеским Величием! И если бы еще это удалось! Но нет, природа и человечество остаются столь же раздираемыми и окровавленными, как и до этого чудовищного искупления. Отсюда с очевидностью вытекает, что христианский Бог, подобно всем предшествовавшим ему Богам, является Богом столь же бессильным, как и жестоким, столь же нелепым, как и злым.

И такие то нелепости хотят навязать нашей свободе, нашему разуму! Посредством подобных чудовищностей претендуют воспитать, очеловечить людей! Когда же господа теологи возымеют достаточно смелости, чтобы открыто отказаться не только от разума, но и от человечности? Недостаточно сказать с Тертуллианом: «Credo, quia absurdum» – верю в то, что нелепо; пусть они постараются

еще навязать нам, если могут, христианство с помощью кнута, как это делает всероссийский царь, с помощью костров, как Кальвин, с помощью Святой Инквизиции, как добрые католики, посредством насилий, пыток и казней, которые так бы желали еще применить священники всех религий. Пусть они испробуют все эти прекрасные средства, но пусть не льстят себя надеждой восторжествовать над нами каким-нибудь другим способом.

Что касается до нас, представим раз навсегда все эти божественные нелепости, и ужасы тем, кто безумно верит, что еще долго можно будет во имя их, эксплуатировать народ и рабочие массы. Возвратимся к нашему чисто человеческому разуму и будем всегда помнить, что человеческое просвещение, единственное могущее нас просветить, освободить, сделать достойными и счастливыми, является не в начале, но по отношению того времени, в котором мы живем, в конце истории и что человек в своем историческом развитии, изошел из животности, чтобы достичь мало-помалу человечности. Не будем же никогда смотреть вспять, но всегда вперед, ибо впереди наше

солнце и наше спасение. И если позволительно, если даже полезно иногда оглянуться назад, то только для того, чтобы констатировать, чем мы были и чем не должны уже более быть, что мы делали и чего не должны уже более делать.

Естественный мир является всегдашней ареной не прекращающейся борьбы, борьбы за жизнь. Нам нечего спрашивать себя, почему это так. Не мы это сделали, мы нашли это, рождаясь в жизнь. Это наша естественная исходная точка, и мы в этом нисколько не ответственны. Нам достаточно знать, что так было и, вероятно, всегда будет. Гармония устанавливается в этом мире через борьбу, через торжество одних, через поражение и чаще всего смерть других. Рост и развитие пород ограничены их собственным голодом и аппетитами других пород, т. е. страданием и смертью. Мы не говорим с христианами, что земной шар долина плача, но мы должны согласиться, что земля наша совсем не такая нежная мать, как иные рассказывают, и что живые существа должны иметь не мало энергии, чтобы жить на ней. В естественном мире

сильные выживают, а слабые гибнут, и первые выживают только потому, что вторые гибнут.

Возможно ли, чтобы этот фатальный закон естественной жизни, был столь же неизбежен в мире человеческом и социальном?

* * *

Присуждены ли люди самой своей природой к пожиранию друг друга, чтобы жить, подобно тому, как это делают животные других пород?

Увы! в колыбели человеческой цивилизации мы находим людоедство; в то же время и впоследствии всеуничтожающие войны, войны рас и народов: войны завоевательные, войны равновесия, войны политические и войны религиозные, войны во имя «великих идей», подобные той, которую ведет Франция, управляемая своим теперешним императором {Наполеон III.} и войны патриотические, во имя великого национального единства, подобные тем, которые задумывают ныне, с одной стороны, пангерманский министр в Берлине, и с другой стороны, панславистский царь в Петербурге.

И в основании всего этого, под всеми лицемерными фразами, которыми пользуются, чтобы придать себе внешний вид человечности и правоты, что мы находим? Всегда один и тот же экономический вопрос: стремление одних жить и благоденствовать на счет других. Все остальное лишь одна болтовня. Невежды, простецы и глупцы даются на эту удочку, но ловкие люди, управляющие судьбами государств, знают очень хорошо, что в основании всех войн, есть только один повод: грабеж, завоевание чужого богатства и порабощение чужого труда.

Такова жестокая и грубая действительность, которую Боги всех религий, Боги войны всегда благословляли; начиная с Иеговы, бога евреев, вечного Отца нашего Господа Иисуса Христа, который приказал своему избранному народу избить всех жителей Обетованной земли – и кончая католическим Богом, представленным папами, которые в вознаграждение за избиение язычников, магометан и еретиков, подарили землю этих несчастных их счастливым убийцам, еще не смывшим с себя их кровь. Для жертв – ад; для

палачей – имущество и земли убитых, – такая цель самых священных войн, религиозных войн.

Очевидно, что, по крайней мере, до сего времени, человечество не было исключением из общего закона животного мира, который приговаривает все живые существа пожирать друг друга, чтобы жить. Только социализм, ставя на место политической, юридической и божеской справедливости, справедливость человеческую, замещая патриотизм всемирной солидарностью людей, а экономическую конкуренцию международной организацией общества, всецело основанного на труде, может положить конец войне, этому грубому проявлению человеческой животности.

Но до тех пор, пока он не восторжествует на земле тщетно будут протестовать все буржуазные конгрессы мира и свободы, тщетно будут председательствовать на них все Викторы Гюго всего света; люди будут продолжать раздирать друг друга, как дикие животные.

Наши цели и задачи

Чего мы хотим?

(Из статьи «Наука и народ»)

Чего мы ищем? Чего мы хотим? Того же самого, чего хотели и искали живые люди всех времен и всех стран: Истины, Справедливости и Свободы.

Да не побоится читатель, что мы затеряемся в заоблачных рассуждениях о том, что такое Истина? Мы знаем, что за облаками ее не найдешь. Под этим словом мы разумеем простую, естественную логику, присущую всему действительному, или всеобщий порядок явлений, подмеченный человеческим разумом как в мире вещественном, так и в мире социальном.

Мы, разумеется, отрицаем самым решительным образом произвольное и нелепое разделение мира действительности на физический и духовный; но считаем полезным сказать несколько слов о том, как произошло

это разделение, пожалуй, естественное и в историческом смысле необходимое, но тем не менее имевшее на судьбу человечества самое плачевное действие. Оно было порождено в начале истории как бы недоразумением едва проснувшегося разума, не сознававшего себя и потому не подозревавшего, что он сам ни более ни менее как одно из естественных порождений природы.

Лишенный, таким образом, возможности действовать самосознательно, трезво, разум проявился сначала в поэтических грезах и в религиозных представлениях, а потом в форме метафизического самоуглубления и отвлеченного самостроения и стал искать в едином себе причины всего. Но раз противопоставив себя как нечто отдельное и самостоятельное не только всему внешнему миру, но даже и непосредственному производителю своему – человеческому организму, он непременно образом должен был раздвоить единый мир действительности на мир «физический» и на мир «духовный».

С тех пор как мы узнали физиологическое происхождение всей нашей умственной дея-

тельности, мы с одинаковою необходимостью пришли к сознанию нелепости подобного раздвоения.

Един мир, и едино средство для познания назначения законов или порядков его для добывания Истины – Наука; не метафизика и не отвлеченные умопостроения, а наука, основывающая свои рассуждения на опыте, употребляющая одинаково метод дедуктивный и метод индуктивный и проверяющая беспрестанно свои гипотезы строжайшим наблюдением и анализом фактов.

Таким образом изгнано из науки все сверхъестественное, все неразумное: понятие о боге и все другие понятия, вытекающие из него или соприкосновенные с ним. Единство и самая возможность рациональной науки впервые поставлены. Остается восстановить то же единство и тот же разум в жизни. Жизнь человека, коллективная и индивидуальная, от начала истории по самое настоящее время делится, как известно, между двумя противоположными, друг друга отрицающими, друг друга уничтожающими мирами: духовным и материальным, земным и небес-

НЫМ.

К небесному стремятся все религиозные помыслы и чувства, все идеальные движения души; к земному все интересы земли, все материальные хотения и похоти живого человека. Первому миру приписывается все, что называют истиною и добром; второму – все грехи и вся ложь. Историческая судьба человека, переходя через многообразные пути и ступени развития, была до сих пор результатом этой непримиримой борьбы двух миров, соединение которых в один мир, в одну дружную жизнь после многих серьезных попыток, сделанных в различные времена искусством, религией, политикою, и, наконец, метафизикою, – оказалось решительно невозможным.

Человек не умел и, пока оба мира в его сознании будут существовать друг от друга отдельно, он никогда не успеет освободиться в жизни своей от пагубного раздвоения: одна часть его существа будет в непрерывной борьбе с другою, а результатом такой борьбы может быть только «преступная анархия» – бунт материи или торжество духа, покорение материи, водворение порядка – добродетель-

ное рабство.

* * *

Итак, чтобы окончательно освободить человека, надо положить конец его внутреннему раздвоению – надо изгнать бога не только из науки, но и из самой жизни; не только положительное знание и разумная мысль человека, но и воображение и чувство его должны быть избавлены от привидений небесных.

Кто верит в бога, тот признает существование отдельного духовного или небесного мира, кто допускает в малейшей мере сверхъестественный, для разума непостижимый порядок вещей, тот обречен на неминуемое и безвыходное рабство. Люди науки освобождаются от него путем науки и только в области науки, но не в действительности, не в жизни. Потому что жизнь каждого человека, как бы он ни был учен и мудрен, находится, вследствие закона общественной солидарности, в прямой и непрерывной зависимости от жизни всех, от жизни народа; народ же своею верою обречен на рабство.

До сих пор всякое управление народом имело постоянною и непрерывною целью по-

рабощение народной производительной силы в пользу привилегированного и более или менее праздного меньшинства – в этом ведь именно и состоит вся суть государства, – то всем правительствам необходимо иметь в руках средство для убеждения непросвещенной толпы в необходимости такой жертвы. Средство это может быть только двойное: или религиозное убеждение, или насилие – или страх божий, или палочный страх.

Но только одним насилием не удержать в повиновении даже самого смиренного, самого вялого народа. Всякое существо, живущее в мире, какова бы ни была его относительная слабость, способно к самому энергическому отпору, когда у него отнимают условия, необходимые для его жизни; а материальная сила народа всегда значительнее силы притесняющего и эксплуатирующего его меньшинства. Поэтому для одержания полной и продолжительной победы над народом необходимо ослабить его натуральную энергию, ослабить и развратить в нем силу отпора. – Это дело религии.

С другой стороны, недостаточно также и

одного действия религии для порабощения народов. Логика интересов, нужд и потребностей жизни сама по себе так ясна, так сильна, что если бы ей дали только волю и не воздерживали бы ее постоянным насилием от фактической постановки вопросов, она была бы способна разбить все кумиры в народном воображении и сердце; что имело бы опять непременно последствием уничтожение всех привилегий ныне повсюду царящего меньшинства.

Итак, для сохранения порядка необходимо, чтобы обе власти: церковная и государственная, оба страха: земной и небесный – дополняли друг друга. Вот почему во всех государствах, с тех пор как существует история, палочное управление и религиозное управление были родными и неразлучными братьями.

Сторонники революции – мы враги не только всех религиозных попов, но также и попов науки, – враги всех, утверждающих, что религия нужна для народа, – отвратительная и подлая фраза, которая в сущности имеет вот какое значение: «Народное невежество

необходимо нам, эксплуататорам и притеснителям народа».

Мы хотим разрушения всякой народной религии и ее замены народным знанием. Да, мы хотим для народа разумного, строго научного знания.

Мы хотим его, потому что хотим окончательного освобождения народа из-под всякой государственной опеки; но не для того, чтобы подвергнуть его новой опеке революционных доктринеров. Настоящая революция именно состоит в совершенном уничтожении всякой опеки, в коренном упразднении всякого государственного управления. Мы хотим совершеннолетия народного, а для совершеннолетия действительного нужна наука.

Значит, ответят нам, вы признаете, по крайней мере, законность и необходимость хоть временной опеки над народом, а именно до тех пор, пока он не просветится наукою? Нет, не значит. Мы не только не признаем этой необходимости, но, напротив, уверены, что как бы ни была низка степень просвещения народного и как бы ни были просвещены и искренне честны народолюбивые люди, бе-

рущиеся за честолюбивое дело опекания народа, эта опека развратила бы их самих непременно и стала бы для народа непременно источником рабства, обеднения, умственного и нравственного застоя.

Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен.

* * *

Екатерина II, без сомнения, умнейшая из потомков Петра, писала одному из своих губернаторов, который, поверив ее обычным фразам о необходимости народного просвещения, поднес ей проект об установлении школ для народа: «Дурак! все эти фразы пригодны, чтобы морочить западных болтунов; ты же знать должен, что коль скоро народ наш станет грамотным, ни ты, ни я не останемся на своих местах». И действительно, народ, познавший при свете науки свою силу и свою настоящую пользу, не захочет платить ежегодно несколько сотен миллионов рублей и отдавать свою кровь на содержание империи, все существование и процветание кото-

рой со времени ее основания было и необходимым образом всегда будет основано на его разорении и рабстве.

Мы удивляемся тем, которые решаются утверждать, что правительство могло выдержать свободную критику; не ссылать на каторгу, в заточение и не губить сотни наших молодых людей, отдавших себя делу народного просвещения и народного освобождения; что оно могло, одним словом, помирить интересы империи с интересами русских и не русских народонаселений, работающих на нее как рабы и заключенных в ней, как в остроге. Признаемся, что нам такая вера в способность правительства не делать зла и делать добро, творить чудеса не только по минусу, но также и по плюсу казалась всегда удивительною наивностью.

Мы к этой наивности не причастны; ждем от правительства или далее, вернее, от государства, интересы которого оно представляет, всякого зла; и наперед обещаем, что как бы гнусно оно и впредь ни поступало, мы не только удивляться не станем, но будем видеть в его мерзейших поступках естествен-

ные и необходимые проявления его существа.

Удивимся, напротив, и мало порадуемся, когда ему удастся сделать хоть малейшую вещь в действительную пользу народа; потому что эта капля случайно сделанного им добра возбуждением новой и непременно глупой веры в него могла бы произвести много зла.

Мы же должны пробудить в народе сознание его собственной, со времени Пугачева опять заснувшей, силы; должны ему указать, как соединением всех местных доселе разрозненных усилий своих в одно дружное всенародное дело он должен восторжествовать над всеми притеснителями и врагами.

О свободе и демократии

(Из статьи «Федерализм, социализм и антиитеологизм»)

Свобода – это возвышенное слово, означающее великое дело, которое никогда не перестанет воспалять сердца всех живых людей. Но оно требует точного определения. Иначе мы не избежим двусмысленности, и в наших рядах могут оказаться бюрократы – сторонники гражданской свободы, монархисты-конституционалисты, либеральные аристократы и буржуа, все те, кто в той или иной степени является защитником привилегий и естественным врагом демократии, ибо слово «демократия» означает не что иное, как управление народом посредством народа и для народа, понимая под этим последним наименованием всю массу граждан – а в настоящее время надо прибавить и гражданок, – составляющих нацию.

В этом смысле мы все, конечно, демократы. Но мы должны в то же время признать, что термин, «демократия», рассматриваемый

в отдельности, может, так же как термин «свобода», дать повод к кривотолкам. Разве мы не видели, как в Америке плантаторы, рабовладельцы Юга и их приверженцы в Северных Штатах называли себя демократами? А современный цезаризм с его мерзкими последствиями, нависший как страшная угроза над всем, что зовется в Европе человечностью, не именуется ли он себя тоже демократичным? И даже московский и санкт-петербургский империализм, это Государство без фраз, этот идеал всех централизованных военных и бюрократических держав, не во имя ли демократии он раздавил недавно Польшу?

Очевидно, что демократия без свободы не может служить нам знаменем. Но что такое демократия, основанная на свободе, если не Республика? Мы думаем, что мы республиканцы в том смысле, что, движимые беспощадной логической последовательностью, предостерегаемые столь же спасительными, как и жестокими уроками истории, всем опытом прошлого и теми опасностями, которые ей угрожают сегодня, мы все пришли к одному убеждению: монархические институты

несовместимы с царством мира, справедливости и свободы.

Что касается нас, господа, то мы как русские социалисты и как славяне считаем своей обязанностью открыто заявить, что для нас слово «республика» не имеет другого значения, кроме значения чисто отрицательного: оно означает свержение или уничтожение монархии. Слово это не только не способно нас воспламенить, но, напротив, всякий раз, как нам представляют республику как положительное, серьезное решение всех злободневных вопросов, как высшую цель, к достижению которой мы должны направлять все наши усилия, нам хочется протестовать.

Мы ненавидим монархию всем сердцем; мы не хотим ничего большего, чем ее свержения в Европе и во всем мире, и мы убеждены, как и вы, что ее уничтожение есть условие освобождения человечества. С этой точки зрения мы – искренние республиканцы. Но мы не думаем, что достаточно свергнуть монархию, чтобы освободить народы и дать им мир и справедливость. Напротив, мы твердо убеждены, что крупная военная, бюрократическая,

политически централизованная республика может стать и непременно станет державой, стремящейся к внешним завоеваниям, к угнетению внутри страны, что она будет неспособна обеспечить своим подданным, даже если те будут называться гражданами, благоденствие и свободу. Разве мы не видели великую французскую нацию дважды объявляющей себя демократической республикой и оба раза теряющей свою свободу и дающей себя вовлечь в завоевательные войны?

Припишем ли мы, подобно многим другим, эти плачевные падения легкомысленному темпераменту и историческим дисциплинарным привычкам французского народа, который, как утверждают его клеветники, способен завоевать свободу внезапным сокрушительным порывом, но не умеет пользоваться ею и применять ее на практике?

Мы не можем, господа, присоединиться к этому осуждению целого народа, одного из самых просвещенных народов Европы. Мы убеждены, что если Франция дважды теряла свободу, а демократическая республика там превращалась в военную диктатуру и в воен-

ную демократию, то в этом повинен не характер ее народа, а ее политическая централизация. Централизация эта, издавна подготовленная французскими королями и государственными людьми, затем повергнутая в бездну позорными деяниями одряхлевшей монархии, конечно, погибла бы в грязи, если бы Революция не подняла ее своей могучей рукой. Да, странная вещь эта великая революция, впервые в истории провозгласившая свободу не только гражданина, но и человека: став наследницей монархии, которую она убила, она воскресила в то же время отрицание всякой свободы – централизацию и всемогущество Государства.

С этих пор для всех истинно желающих освобождения Европы должно быть ясно, что, сохраняя все свои симпатии к великим социалистическим и гуманистическим идеям, провозглашенным Французской Революцией, мы должны отбросить ее политику Государства и решительным образом воспринять североамериканскую политику свободы.

* * *

Мы должны провозгласить:

Что для того, чтобы свобода, справедливость и мир восторжествовали в международных отношениях Европы, для того, чтобы сделать невозможной гражданскую войну между различными народами, составляющими европейскую семью, есть только одно средство: образование Соединенных Штатов Европы.

Что Штаты Европы не могут быть образованы из государств в том виде, в каком они сложились сейчас, по причине чудовищного неравенства их сил.

Что ни одно централизованное, бюрократическое и тем самым военное государство, называясь оно даже республикой, не сможет серьезным и искренним образом войти в интернациональную конфедерацию. По своей конституции, которая всегда будет открытым или замаскированным отрицанием свободы внутри, оно неизбежно будет постоянным призывом к войне, угрозой существованию соседних стран. Основанное существенным образом на последующем акте насилия, на завоевании или на том, что в частной жизни называется кражей со взломом, – акте, благо-

словленном церковью любой религии, освященном временем и превратившемся, таким образом, в историческое право, – и опираясь на это божеское освящение торжествующего насилия как на исключительное и высшее право, всякое централистское государство считает для себя возможным абсолютное отрицание прав всех других государств, признавая их в заключенных с ними договорах только в политических интересах или по неспособности.

Если страна вошла в состав какого-либо государства, даже если она присоединилась добровольно, отсюда никак не следует, что она обязана оставаться в его составе всегда. Никакое вечное обязательство не может быть допущено человеческой справедливостью, единственной, с которой мы считаемся, и мы никогда не признаем иных прав или иных обязанностей, кроме тех, которые основаны на свободе. Право свободного присоединения, и равно свободного отделения, есть первое и самое важное из всех политических прав, без которого конфедерация всегда будет лишь замаскированной централизацией.

Единство есть цель, к которой непреодолимо стремится человечество. Но единство становится фатальным, разрушает просвещение, достоинство и процветание индивидуумов и народов всякий раз, как оно образуется вне свободы, или путем насилия, или под воздействием какой-либо теологической, метафизической, политической или даже экономической идеи. Патриотизм, стремящийся к единству помимо свободы, – это плохой патриотизм. Он всегда причиняет вред интересам народа и подлинным интересам страны, которую он якобы хочет возвысить и которой хочет служить, будучи, зачастую помимо воли, другом реакции и врагом революции, т. е. освобождения народов и людей.

С тех пор как Революция ниспослала в массы свое Евангелие, не мистическое, а рациональное, не небесное, а земное, не божественное, а человеческое, – свое Евангелие прав человека; с тех пор как она провозгласила, что все люди равны, что все одинаково призваны к свободе и человечности, народные массы всей Европы, всего мира начинают мало-помалу пробуждаться ото сна, который их ско-

вывал с тех пор, как христианство усыпило их своими маковыми цветами, и начинают спрашивать себя, не имеют ли они тоже права на равенство, свободу и человечность.

Как только этот вопрос был поставлен, народ, как в силу своего удивительного здравого смысла, так и инстинкта, понял, что первым условием его действительного освобождения, или, если вы мне позволите это слово, его очеловечения, является коренная реформа экономических условий. Вопрос о хлебе правомерно является для него первым вопросом, ибо еще Аристотель заметил: человек, чтобы мыслить, чтобы чувствовать свободно, чтобы сделаться человеком, должен быть свободен от забот материальной жизни.

Организовать общество таким образом, чтобы каждый индивидуум, мужчина или женщина, появляясь на свет, имел бы приблизительно равные возможности для развития различных способностей и для их применения в своей работе; создать такое устройство общества, которое сделало бы невозможным для всякого индивидуума, кто бы он ни был, эксплуатировать чужой труд и позволя-

ло бы ему пользоваться общественным богатством, являющимся, в сущности, продуктом человеческого труда лишь в той мере, в какой он своим трудом непосредственно способствовал его созданию.

Полное осуществление этой задачи будет, конечно, делом столетий. Но история ее выдвинула, и отныне мы не можем оставлять ее без внимания, не обрекая себя на полное бессилие.

Добавим сразу, что мы решительно отклоняем всякую попытку социальной организации, которая, будучи далекой от самой полной свободы как индивидов, так и ассоциаций, требовала бы какого-нибудь регламентирующего авторитета. Во имя свободы, которую мы признаем как единственную основу и единственный законный творческий принцип всякой организации, мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько-нибудь будет похоже на государственный социализм и коммунизм.

Единственное, что, по нашему мнению, может и должно сделать государство, это начать с постепенного изменения права насле-

дования, с тем чтобы по мере возможности упразднить его полностью. Право наследования, будучи всецело созданием государства, одним из основных условий самого существования авторитарного и божественного государства, может и должно быть уничтожено свободой в государстве; другими словами, государство должно раствориться в обществе, свободно организованном на началах справедливости.

Это право, по нашему мнению, необходимо упразднить, ибо, пока существует наследование, будет существовать наследственное экономическое неравенство – не естественное неравенство индивидуумов, а искусственное неравенство классов; а оно всегда будет непременно порождать наследственное неравенство в развитии и культуре умов и останется источником и освящением всякого политического и социального неравенства. Равенство исходного пункта в начале жизненного пути для каждого, при том, что это равенство будет зависеть от экономического и политического устройства общества, и с тем, чтобы каждый, независимо от разницы нату-

ры, был бы дитя своих дел, – вот в чем состоит проблема справедливости.

Революционный катехизис

(Принципы и организация интернационального революционного общества)

Наши цели и задачи следующие:

1. Отрицание наличности действительно-го, внемирового личного бога, а посему и всякого откровения и всякого божественного вмешательства в дела мира и человечества. Уничтожение служения божеству и его культа.

2. Заменяя культ божества уваженьем и любовью к человечеству, мы провозглашаем: человеческий разум единственным критерием истины, человеческую совесть основой справедливости,

индивидуальную и коллективную свободу единственной создательницей порядка в человечестве.

3. Свобода есть абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин не искать чье-

го-либо разрешения на свои деяния, кроме решения своей собственной совести и своего собственного разума, определяться в своих действиях только своей собственной волей и, следовательно, быть ответственными лишь ближайшим образом перед ними, затем перед обществом, к которому они принадлежат, но лишь постольку, поскольку они дают свое свободное согласие принадлежать к таковому.

4. Неправда, что свобода одного гражданина ограничивается свободой всех остальных. Человек действительно свободен лишь в той мере, в какой его свободно признанная свободной совестью всех остальных и как в зеркале в нем отражающаяся и излучающаяся из него свобода находит в свободе других подтверждение и расширение в бесконечность. Человек действительно свободен только среди равным образом свободных людей, и так как он свободен лишь в своем качестве человека, то рабство хотя бы одного-единственного человека на земле является как нарушение самого принципа человечности, отрицанием свободы всех.

5. Свобода каждого может, таким образом, найти осуществление только при равенстве всех. Осуществление свободы в правовом и фактическом равенстве является справедливостью.

6. Существует только один-единственный догмат, один-единственный закон, одна-единственная моральная основа для людей – свобода. Уважать свободу ближнего есть обязанность; любить его, служить ему есть добродетель.

7. Безусловное исключение всякого принципа авторитета и государственной необходимости.

Человеческое общество, которое при своем зарождении было естественным фактом, предшествовавшим свободе и пробуждению человеческой мысли, и позднее стало религиозным фактом, организованным по принципу божественного и человеческого авторитета, должно сегодня получить новый образ на основе свободы, которая отныне должна стать единственным образующим принципом его политической и экономической организации. Порядок в обществе должен быть

равнодействующей всех местных, коллективных и индивидуальных свобод, достигших возможно высшей степени развития.

8. Следовательно, политическая и экономическая организация социальной жизни не должна более, как это имело место до сих пор, исходить сверху вниз и от центра к периферии, по принципу единства и вынужденной централизации, но снизу вверх и от периферии к центру, по принципу свободной ассоциации и федерации.

9. Политическая организация. Невозможно установить конкретное, всеобщее и обязательное правило для внутреннего развития и политической организации наций, ибо существование каждой отдельной нации подчинено множеству различных исторических, географических и экономических условий, которые не позволяют установить образец организации, равно подходящий и приемлемый для всех. Такое, безусловно лишённое всякой практической полезности предприятие было бы, впрочем, вторжением в богатство и непосредственность жизни, которая любит бесконечное разнообразие, и, что имеет еще боль-

шее значение, стало бы в противоречие с самим принципом свободы. Но все же имеются существенные, абсолютные условия, вне которых практическое осуществление и организация свободы будут всегда невозможны.

Эти условия следующие:

а) Радикальная отмена всякой официальной религии и всякой привилегированной или даже только охраняемой, оплачиваемой и поддерживаемой государством церкви. Безусловная свобода совести и пропаганды для каждого с неограниченной возможностью для каждого воздвигать своим богам, каковы бы они ни были, сколько ему угодно храмов и оплачивать и содержать священников своей религии.

б) Церкви, рассматриваемые как религиозные корпорации, не будут пользоваться ни одним из прав, предоставляемых продуктивным ассоциациям, они не могут ни наследовать, ни иметь какое-либо принадлежащее общине имущество, за исключением их домов или молитвенных учреждений, они не могут ни в каком случае заниматься воспитанием детей, ибо их единственная жизненная

цель есть систематическое отрицание морали и свободы и доходное волшебство.

с) Отмена монархии. Республика.

d) Отмена классов, рангов, привилегий и всякого рода различий. Безусловное уравнивание в политических правах мужчин и женщин. Всеобщее право голоса.

e) Отмена, уничтожение и моральное, политическое, судебное, бюрократическое и финансовое банкротство опекающего главенствующего, централистического государства, являющегося двойником и другим «я» церкви и тем самым постоянным источником обеднения, отупения и порабощения народов. Как естественное следствие, упразднение всех государственных университетов, причем забота об общественном образовании должна быть возложена исключительно на общины и свободные ассоциации; отмена государственного суда, причем все судьи должны избираться народом; отмена, имеющая силу в настоящее время в Европе гражданских и уголовных кодексов, ибо все они вдохновляются одинаково культом бога, государства, религиозно или политически освященного семейства и соб-

ственности и противоречат общечеловеческому праву, а кодекс свободы может быть создан только самой свободой. Упразднение банков и всех остальных кредитных учреждений государства. Упразднение всякого центрального управления, бюрократии, постоянного войска и государственной полиции.

f) Непосредственное и прямое избрание народом всех общественных, судебных и гражданских служащих, а также всех национальных, провинциальных и коммунальных представителей или советников, то есть избрание их путем предоставления права голоса всем взрослым мужчинам и женщинам.

g) Внутренняя реорганизация каждой страны с безусловной свободой индивидов, производительных ассоциаций и общин, как исходной точкой и основой.

h) Индивидуальные права.

1) Право каждого отдельного мужского или женского существа пользоваться со дня своего рождения до своего совершеннолетия полным содержанием, охраной, защитой, воспитанием и обучением за счет общества во всех общественных школах, низших, средних

и высших, профессиональных, обучающихся искусству и наукам.

2) Равное право каждого на совет и в пределах возможности на помощь со стороны общества в начале своего жизненного пути, каковой каждый достигший совершеннолетия будет избирать свободно; затем общество, объявившее его абсолютно свободным, уже не будет иметь какого-либо дальнейшего авторитетного наблюдения за ним и сложит с себя всякую дальнейшую ответственность за него, причем на обществе остается лишь обязанность по отношению к нему уважать его свободу и в случае нужды защищать таковую.

3) Свобода каждого совершеннолетнего индивида, мужчины или женщины, должна быть полной и безусловной; свобода передвижения, свобода громко высказывать всякое свое мнение, быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным – одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим имуществом, не отдавая в этом никому отчета; свобода честно жить собственным трудом или позорной эксплуатацией благотворительности или лично-

го доверия, раз последние добровольны и оказываются взрослым лицом.

4) Неограниченная свобода всякого рода пропаганды путем речей, печати, в общественных и частных собраниях, без всякой другой узды, налагаемой на эту свободу, кроме благотворной естественной мощи общественного мнения. Безусловная свобода союзов и соглашений, не исключая тех, которые по своей цели будут неморальны или казаться таковыми, и даже тех, целью которых было бы извращение и разрушение индивидуальной и общественной свободы.

5) Свобода может и должна обороняться только свободой и опасным противоречием, и бессмыслицей является посягать на нее, подводящим в заблуждение своей кажущейся истинностью предлогом защиты ее, ибо мораль не имеет другого источника, другого побуждения, другой причины и другой цели, кроме свободы, а так как она сама не что иное, как свобода, то все налагаемые на свободу в защиту морали ограничения обращаются во вред морали. Психология, статистика и вся история доказывают нам, что индивиду-

альная и социальная имморальность всегда была следствием дурного общественного и домашнего воспитания и отсутствия или извращения общественного мнения, которое существует, развивается и морализуется только благодаря свободе, и прежде всего была следствием ошибочной организации общества.

Опыт учит нас, говорит знаменитый французский статистик Кеттле, что общество всегда подготавливает преступления, и преступники только необходимые орудия для выполнения их. Поэтому бесполезно противопоставлять социальной имморальности строгость вторгающегося в индивидуальную свободу законодательства. Опыт учит нас, напротив, что авторитарная репрессивная система не только не кладет предела преступности, но все глубже и шире развивает ее в странах, зараженных ею, и что общественная и частная мораль всегда падала или повышалась в меру ограничения или расширения личной свободы и что, следовательно, чтобы сделать современное общество моральным, мы должны начать прежде всего с радикального разрушения всей этой, основанной на неравенстве,

привилегиях, божественном авторитете и презрении к человечеству, политической и общественной организации, и когда мы перестроим ее заново на основах полнейшего равенства, справедливости, труда и воспитания, опирающегося на разум и вдохновляемого лишь уважением к человеку, мы должны поставить ее под охрану общественного мнения и вложить в нее душу безусловнейшей свободы.

6) Однако общество не должно оставаться совершенно безоружным перед лицом паразитирующих, злостных и вредных субъектов. Так как работа должна стать основой всех политических прав, то общество, нация, провинция или община могут каждая, в пределах своей компетенции, отнять эти права у тех взрослых лиц, которые, не будучи ни инвалидами, ни больными, ни старыми, живут за счет общественной или частной благотворительности, с обязательством восстановить их в их правах, как только они опять начнут жить собственным трудом.

7) Так как свобода каждого человеческого существа неотчуждаема, то общество никогда

не потерпит, чтобы кто-нибудь юридически продал свою свободу или как-либо иначе распорядился ею по контракту в пользу какого-либо другого лица иначе, как на основах полнейшего равенства и взаимности. Однако оно будет не в состоянии помешать тому, чтобы мужчина или женщина, совершенно лишённые чувства личного достоинства, стали к другому лицу и без контракта в отношении, носящие характер добровольного рабства, но оно будет рассматривать таких лиц как живущих за счёт частной благотворительности и, следовательно, лишит их пользования политическими правами на все время такого рабства.

8) Все лица, утратившие политические права, теряют равным образом право воспитывать своих детей и иметь их при себе.

9) В случае нарушения свободно принятых на себя обязательств или в случае открытого и доказанного посягательства на собственность, личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца общество налагает на местного или чуждого гражданина, совершившего проступок, нака-

зание, положенное по местным законам.

10) Безусловная отмена всех позорящих и жестоких наказаний, телесного наказания и смертной казни, поскольку закон одобряет и приводит в исполнение таковые. Отмена всех наказаний, имеющих неопределенную или слишком долгую длительность, не оставляющих никакой надежды, никакой возможности реабилитации, ибо преступление должно рассматриваться как болезнь и наказание скорее как лечение, чем как возмездие со стороны общества.

11) Каждый, осужденный по законам какого-либо общественного союза, нации, провинции или общины, получит право не подчиниться наложенному на него наказанию, если он заявит, что не желает больше принадлежать к этому обществу. В таком случае последнее будет иметь право, с своей стороны, изгнать его из своей среды и объявить его стоящим вне его гарантии и его защиты.

12) Строптивый, который при этих условиях вновь подпадает под действие естественного закона, око за око, зуб за зуб, может быть ограблен, оскорблен, даже убит, по крайней

мере на занимаемой этим обществом территории, причем обществу не будет до этого никакого дела. Каждый может от него отделаться, как от вредного животного, но ни в коем случае он не смеет поработить его, использовать его как раба.

і) Права ассоциаций. Кооперативные рабочие ассоциации представляют новое явление в истории; мы присутствуем ныне при их рождении и можем в настоящую минуту только предчувствовать то огромное развитие, которое им, без всякого сомнения, предстоит, и те новые политические и общественные отношения, которые из них возникнут, но ближе определить их мы не можем.

Возможно и даже весьма вероятно, что в один прекрасный день они, перешагнув за границы общин, провинций и даже современных государств, даруют всему человеческому обществу новый строй, причем последнее будет уже делиться не на нации, а на различные промышленные группы, организованные согласно потребностям производства, а не политики. Это дело будущего. Что нас касается, то теперь мы можем выставить толь-

ко следующий безусловный принцип: все ассоциации, какая бы ни была их цель, равно как и все индивиды, должны пользоваться безусловной свободой. Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация – не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели – религиозной, политической, научной, промышленной, художественной или даже в целях взаимного развращения и эксплуатации людей беспечных и глупых, при условии, что последние уже достигли совершеннолетия. Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения. Но общество имеет обязанность и право отказать в общественной гарантии, юридическом признании и политических и гражданских правах каждой ассоциации, как коллективу, которая по своим целям, своим программам и своим уставам будет противоречить началам, положенным в основу его строя, и все члены которой не находятся на положении полнейшего равенства и взаимности, причем оно не имеет, однако, права лишить самих членов

сказанной выше гарантии и прав только на основании их участия в незаконных через такую общественную гарантию ассоциациях. Разница между законными и незаконными ассоциациями будет, таким образом, заключаться в следующем: ассоциации, признанные коллективными юридическими лицами, будут по этому самому иметь право приносить общественным судам жалобы на все другие законные ассоциации в случае нарушения каких-либо принятых по отношению к ним обязательств. Непризнанные юридически ассоциации не будут иметь этого права как коллективы, но они не могут в этом случае и нести какой-либо юридической ответственности, ибо все их обязательства должны быть признаны не имеющими силы в глазах общества, не санкционировавшего их коллективное бытие, причем, однако, ни один из их членов не освобождается тем от взятых им на себя индивидуальных обязательств.

ж) Деление страны на области, провинции, уезды и общины или на департаменты и коммуны, как во Франции, будет, естественно, за-

висеть от положения, исторических привычек, потребностей данного времени и особых обстоятельств, в которых находится та или другая страна. Здесь необходимы только два общих и обязательных основных положения для всякой страны, которая хочет серьезно организовать свою свободу. Во-первых, каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации. Во-вторых, между общинами и государством должен стоять по меньшей мере хоть один автономный посредник: департамент, область или провинция. В противном случае община, в тесном смысле этого слова, будет всегда слишком слаба, чтобы сопротивляться равномерно и деспотически централизующему давлению государства, чем каждая страна по необходимости приводится к деспотическому режиму французской монархии, как мы это дважды видели на примере Франции, ибо деспотизм всегда имел свои корни скорее в централизующей организации государства, чем в постоянном естественном предрасположении королей к деспотии.

к) Основой политической организации страны должна быть безусловно автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей, мужчин и женщин на равных правах. Никакая власть не имеет права вмешиваться в ее внутреннюю жизнь, ее действия и ее управление. Она назначает и сменяет путем голосования всех служащих, правителей и судей и распоряжается без всякого контроля своим имуществом и финансами. Каждая община будет иметь безусловное право создать, независимо от какого-либо высшего утверждения, свое собственное законодательство и свой собственный внутренний строй. Но чтобы войти в провинциальную федерацию и стать интегральной частью провинции, она должна безусловно согласовать свой собственный строй с главнейшими основаниями строя провинции и получить на него санкцию парламента этой провинции. Она должна также подчиняться приговорам провинциального суда и предписываемым провинциальным правительством мероприятиям по отношению к ней, раз таковые санкциониро-

ваны голосованием провинциального парламента. В противном случае она была бы исключена из гарантии, солидарности и общения и стала бы вне закона провинции.

1) Провинция не имеет права быть ничем, кроме свободной федерации автономных общин. Провинциальный парламент, состоящий или из одной-единственной палаты, представителей всех общин, или из двух палат, представителей общин и представителей всего населения провинции, независимо от общин, – этот провинциальный парламент, который не будет вмешиваться во внутреннее управление общинами, установит основные положения провинциальной конституции, которые должны быть обязательными для всех общин, желающих принять участие в провинциальном парламенте. Эти основные положения, составляющие предмет настоящего катехизиса, перечислены в статье II. На этих положенных в основание началах парламент выработает провинциальное законодательство, объемлющее обязанности и права лиц, ассоциаций и общин, а также наказания за нарушение таковых, причем об-

щинное законодательство сохраняет право отклоняться во второстепенных пунктах от провинциального законодательства, но не от его основ; при этом необходимы стремление к действительному, живому единству, а не к однообразию, и вера в то, что еще более тесное единство принесут с собой опыт, время, развитие совместной жизни, собственное разумение и потребности общин, одним словом – свобода, но ни в каком случае не принуждение или насилие со стороны провинциальной власти, ибо даже истина и справедливость становятся, если они насильственно навязаны, неправдой и ложью. Провинциальный парламент установит конституцию федерации общин, их права и обязанности как таковые и по отношению к парламенту, суду и правительству провинции. Он голосует законы, распоряжения и мероприятия, вытекающие из потребностей всей провинции или связанные с решениями национального парламента, не теряя никогда из виду автономии провинций и автономии общин. Не вмешиваясь во внутреннее управление общин, он устанавливает долю их участия в националь-

ных и провинциальных сборах. Община сама распределяет эту повинность между всеми работоспособными и взрослыми жителями. Парламент контролирует, наконец, действия, одобряет или отвергает предложения провинциального правительства, которое, естественно, всегда является выборным. Провинциальный суд, также выборный, выносит беспелляционное решение по всем делам между лицами и общинами, ассоциациями и общинами и является первой инстанцией по всем делам между общинами и правительством или провинциальным парламентом.

m) Нация не может быть ничем иным, как федерацией автономных провинций. Национальный парламент, состоящий или из одной палаты, представителей всех провинций, или из двух палат, представителей провинций и представителей всего национального населения безотносительно к провинциям, этот национальный парламент, который не будет вмешиваться в управление и во внутреннюю политическую жизнь провинций, установит основные принципы национальной конституции, которые должны быть обязательными

для всех провинций, желающих принять участие в национальном соглашении. Эти основные положения перечислены в статье II. На основании их национальный парламент разработает национальную конституцию, от которой провинциальные конституции могут отклоняться во второстепенных пунктах, но отнюдь не в основных положениях. Он разработает конституцию федерации провинций, будет голосовать все законы, распоряжения и мероприятия, вытекающие из потребностей всей нации, определять все сборы и распределять их по провинциям, которым останется задача распределить таковые по общинам. Он будет, наконец, контролировать все действия национальной исполнительной власти, всегда избираемой на время, и принимать или отвергать ее предложения. Он заключает союзы между нациями, решает вопросы мира и войны и один имеет право, всегда на определенный срок, распорядиться набором национальной армии. Правительство будет только исполнительным органом его воли. Национальный суд выносит беспелляционные решения по всем делам между ли-

цами, ассоциациями и общинами и провинцией, а также по всем спорам между провинциями. В случаях возникновения споров между провинциями и государством, подлежащих разрешению того же суда, провинции могут принести апелляционную жалобу в интернациональный суд, если таковой будет учрежден.

п) Интернациональная федерация будет обнимать все нации, которые объединились на ранее изложенных и имеющих быть изложенными ниже основаниях. Весьма вероятно и крайне желательно, когда снова настанет час великой революции, чтобы все народы, ставшие под стяг народного освобождения, протянули друг другу руку для заключения прочного и тесного союза против коалиции стран, которые станут под начало реакции. Этот союз образует сначала ограниченную федерацию, являясь как бы зарождением всеобщей федерации народов, которая в будущем должна охватить весь земной шар. Интернациональная федерация революционных народов с парламентом, судом и правящим комитетом, которые все интернациональны,

естественно будет основана на принципах самой революции. В применении к международной политике эти принципы следующие:

1) Каждая страна, каждый народ, большой он или маленький, слабый или сильный, каждая область, провинция или община обладают абсолютным правом располагать своей собственной судьбой, определять свое существование, сами избирать себе союзы, которые они желают заключить, соединяться и расходиться по собственному желанию и согласно своим потребностям, не считаясь с так называемыми историческими правами и политическими, коммерческими или стратегическими потребностями государств. Чтобы объединение частей в одно целое было подлинным, плодотворным и могучим, оно должно быть безусловно свободным. Оно должно являться исключительно результатом местной, внутренней потребности и взаимного притяжения частей; единственными же судьями этих потребностей и этого взаимного притяжения могут быть лишь сами части.

2) Полная отмена так называемого истори-

ческого права и ужасного права завоевания, ибо таковые противоречат принципу свободы.

3) Абсолютное отрицание политики расширения, славы и могущества государства, – политики, которая обращает каждую страну в крепость, исключаящую из своей среды все остальное человечество и тем вынужденную смотреть на себя до известной степени как на все человечество, становиться самодовлеющей, самоорганизоваться внутри себя, как отдельный мир, независимый от человеческой солидарности в целом, и искать свое благоденствие и славу в том зле, какое она наносит другим народам. Страна-завоевательница по необходимости представляет внутри страну поработленную.

4) Слава и величие народа заключаются единственно в развитии его человечности; мерилom его мощи, единства и удельного веса его внутренней жизнеспособности может служить единственно степень его свободы. Если за основу взять свободу, то необходимо придешь к единству; от единства же трудно и, пожалуй, невозможно прийти к свободе.

Когда же в этом случае к ней приходят, то происходит это лишь путем разрушения образовавшегося внутри свободы единства.

5) Благосостояние и свобода как народов, так и отдельной личности абсолютно солидарны, отсюда – абсолютная свобода торговли, деловых сношений и передвижения между объединенными в федерацию странами. Упразднение границ, отмена паспортов и таможен. Каждый гражданин входящей в федерацию страны должен пользоваться всеми гражданскими правами во всех других странах той же федерации и иметь возможность легко приобрести в них все политические права и права гражданства.

6) Так как свобода всех, как отдельных личностей, так и коллективов, солидарна, то ни один народ, провинция, община и ассоциация не могут быть подвергнуты притеснению без того, чтобы это не угрожало свободе всех остальных и чтобы они не почувствовали этой угрозы. Каждый за всех и все за каждого – вот священный принцип интернациональной федерации.

7) Ни одна страна, входящая в федерацию,

не должна иметь постоянной армии, и в ней не должно быть такой организации, благодаря которой солдат отделялся бы от гражданина. Постоянные армии и солдатчина – источники разорения, разврата, отупения и тирании внутри страны, и к тому же они являются угрозой благосостоянию и независимости всех других стран. Каждый здоровый гражданин должен в случае нужды становиться солдатом для защиты своего очага или свободы. Национальная оборона должна быть организована в каждой стране по общинам и провинциям приблизительно так, как это сделано в Соединенных Штатах Америки или в Швейцарии.

8) Интернациональный парламент, состоящий из одной палаты представителей всех народов или из двух палат, из коих одна состоит из вышеуказанных представителей, а другая из непосредственных представителей всего населения федерации без различия национальности, этот федеральный парламент составит интернациональный договор и установит федеральное законодательство, развивать и дополнять которое в соответствии с

требованиями времени он один уполномочен. Единственное назначение интернационального суда заключается в том, чтобы в качестве высшей инстанции разрешать споры между государствами и их провинциями. Возможные же разногласия между отдельными федеративными государствами могут разрешаться лишь в первой и последней инстанции интернациональным парламентом, который тоже безапелляционно решает все вопросы общей политики, а также и вопросы войны против реакционной коалиции от имени революционной федерации.

9) Ни одно из федеративных государств не может вести войну против другого федеративного государства. Раз интернациональный парламент вынес свое решение, государство, против которого вынесено это решение, должно подчиниться. Если оно этого не сделает, то все остальные государства, входящие в федерацию, должны порвать с ним федеральные отношения, поставить его вне федерального закона, солидарности и федерального общения и, в случае нападения на них с его стороны, солидарно вооружиться против него.

10) Все государства, принадлежащие к революционной федерации, должны принимать деятельное участие во всякой войне, какую придется вести одному из них с не принадлежащим к федерации государством. Прежде чем объявить войну, каждое федеральное государство должно о том заявить парламенту и лишь тогда ее объявить, когда интернациональный парламент найдет, что имеется достаточный повод к войне. В таком случае исполнительная федеральная директория берет в свои руки дело обиженного государства и требует именем всей революционной федерации немедленного удовлетворения от нападающего чуждого государства. Если же парламент придет к заключению, что в данном случае ни нападения, ни действительной обиды не произошло, то он посоветует государству, принесшему жалобу, не затевать войны и заявит ему, что если оно тем не менее вздумает воевать, то ему придется вести эту войну одному.

11) Надо надеяться, что со временем входящие в федерацию государства откажутся от разорительной роскоши отдельного предста-

вительства и будут довольствоваться одним федеральным дипломатическим представительством.

12) Ограниченная интернациональная революционная федерация по отношению к народам, которые захотели бы впоследствии к ней примкнуть, должна оставаться открытой на основе идей и воинствующей, активной солидарности революции, как мы ее здесь изложили, никогда никому и ни при каких условиях не делая уступок в отношении этих принципов.

* * *

Социальная организация. Без политического равенства не может быть действительной политической свободы, но политическое равенство будет лишь тогда возможным, когда установится равенство экономическое и социальное.

а) Равенство не означает ни уравнивания индивидуальных различий, ни интеллектуального, морального и физического тождества индивидов. Это разнообразие способностей и сил, эти различия расы, национальности, пола, возраста среди людей вовсе не составляют

социального зла, а, напротив, представляют богатство человечества. Экономическое и социальное равенство в равной мере вовсе не обуславливает равенства личных состояний, поскольку они являются результатом способности, производительной энергии и бережливости отдельных лиц.

б) Равенство и справедливость требуют лишь одного, а именно: такого устройства общества, чтобы каждое человеческое существо при своем появлении на свет нашло в нем, поскольку это зависит не от природы, а от общества, одинаковые средства для развития в детстве и в юношеском возрасте до полной возмужалости, сначала в отношении своего воспитания и образования, а позднее для упражнения своих сил, которыми природа наделила каждого человека для работы. Это равенство в исходной точке, которая требует справедливости для всякого, окажется невозможным до тех пор, пока существует право наследования.

с) Справедливость и достоинство человека требуют, чтобы каждый был сыном лишь собственных своих дел. Мы с негодованием от-

вергаем догмат первородного греха, наследственного позора и ответственности. С той же последовательностью должны мы отвергнуть мифическую наследственность добродетели, ложную наследственность почестей и прав, а также и наследственность имущества. Наследник какого-нибудь имущества уже не является сыном своих дел и в отношении исходной точки оказывается в привилегированном положении.

d) Отмена права наследования. До тех пор, пока будет существовать это право, будут продолжаться существовать, если не по праву, то по крайней мере на деле, наследственные различия классов, положений, имущества – словом, социальное неравенство и привилегии. А фактическое неравенство по закону, присущему человеческому обществу, всегда приводит к неравенству юридическому; социальное неравенство обязательно приводит к неравенству политическому. А без политического равенства, как мы говорили, не может быть свободы в общем, человеческом, истинно демократическом смысле этого слова: общество продолжало бы распадаться на две

неравные части, из которых одна, неизмеримо большая, охватывающая всю массу народа, терпела бы притеснение и эксплуатацию другой. Следовательно, право наследования противостоит победе свободы; и если общество хочет сделаться свободным, оно должно его отменить.

е) Оно должно его отменить, ибо это право, основанное на фикции, салю противоречит принципу свободы. Все личные, политические и социальные права связаны с действительной, живой личностью. После смерти существует лишь фиктивная воля лица, уже не существующего и утесняющего во имя смерти живых. Если умерший дорожит выполнением своей воли, то пусть же сам придет и выполнит ее, если может; но он не имеет права требовать, чтобы общество предоставило в распоряжение его ничтожества всю свою власть и свои права.

ф) Законная и серьезная задача права наследования всегда заключалась в том, чтобы обеспечить грядущим поколениям средства развиваться и становиться зрелыми людьми. А потому право наследовать будет иметь

лишь фонд воспитания и общественного обучения, с обязательством заботиться о равном уходе, воспитании и обучении для всех детей от их рождения до совершеннолетия и полной их свободы. Таким путем все родители в равной мере будут успокоены относительно судьбы своих детей, а так как равенство всех является одним из основных условий нравственности каждого, а привилегии служат источником безнравственности, то все родители, любовь которых к детям благоразумна и служит не тщеславию их, а сознанию человеческого достоинства, даже если бы они могли оставить своим детям наследственную долю, которая поставила бы их в привилегированное положение, предпочтут для них режим полного равенства.

г) По устранении неравенства, вытекающего из права наследования, все же сохранится, хотя и в значительно меньшей силе, неравенство, вытекающее из различия природных способностей, сил и производительной энергии отдельных личностей, – различие, которое хотя никогда окончательно не исчезнет, однако постепенно будет ослабевать под влиянием

нением основанного на равенстве воспитания и социальной организации и которое, впрочем, с отменой права наследования никогда уже не будет ложиться бременем на грядущие поколения.

h) Труд – основа достоинства человека и его права, ибо лишь свободным разумным трудом творит человек цивилизованный мир, сам, как творец, отвоевывая у внешнего мира и у собственной животной природы свое человеческое естество и свое право.

Клеймо бесчестия, наложенное на идею труда в античном мире и в феодальном обществе, еще и донныне не вполне смытое, несмотря на все фразы о достоинстве труда, которые ежедневно повторяются на все лады, имеет два источника: прежде всего характерное убеждение древних, которое и в наши дни имеет тайных приверженцев, будто для того, чтобы дать части человечества возможность гуманизироваться при посредстве науки, искусства, правотворчества и правоосуществления, необходимо, чтобы другая его часть, и естественно гораздо более многочисленная, посвятила бы себя физическому труду в каче-

стве рабов. Этот основной принцип античной цивилизации был причиной ее крушения.

Городская община, развращенная и дезорганизованная привилегированной праздностью граждан и, с другой стороны, подточенная незаметной и медленной, но упорной деятельностью этого обездоленного мира рабов, который, несмотря на свое рабство, спасительным действием труда, хотя и подневольного, был морализован и сохранен в его первобытной силе, — эта античная городская община пала под ударами варварских народов, к которым эти рабы большей частью и принадлежали по рождению. Христианство, эта религия рабов, разрушило позднее античное неравенство лишь для того, чтобы создать новое; привилегия божьей милости и богоизбранничества [в соединении с] неравенством, по необходимости возникшим из права завоевания, снова разделила на два лагеря человеческое общество: на смердов и дворянство, на подвластных и на господ; последние получили в удел благородное военное ремесло и ремесло управления, в то время как на долю крепостных оставалась лишь работа, на кото-

рую смотрели не только как на унижительную, но и как на проклятую.

Та же причина вызывала неизбежно то же следствие: мир дворянства, обессиленный и деморализованный привилегией праздности, пал в 1789 году под ударами крепостных возмущенных рабочих, объединившихся и могучих. Тогда была провозглашена свобода труда, его правовая реабилитация. Но лишь правовая, ибо фактически труд по-прежнему унижен и порабощен. Первый источник этого порабощения, содержащийся в догмате политического неравенства людей, был засыпан великой революцией; поэтому современное презрение к труду приходится приписать второму источнику, который заключается не в чем ином, как в разделении между умственным и физическим трудом, постепенно развившимся и продолжающим существовать и поныне; оно воспроизводит в новой форме античное неравенство и снова делит социальный мир на два лагеря: меньшинство, ныне привилегированное не по закону, а по капиталу, и большинство рабочих по принуждению, принуждаемых ныне уже не неспра-

ведливый преимуществом, предоставляемым законом, а голодом.

Действительно, в наше время достоинство труда теоретически признается, и общественное мнение считает, что позорно жить без труда. Но так как человеческий труд, рассматриваемый в целом, распадается на две части, из коих одна, как всецело умственная, признается исключительно почетной, заключая в себе искусства, мышление, концепцию, изображение, исчисление, управление и общее, а также частное руководство трудом, другая же лишь физическое выполнение, которое через экономический и социальный закон разделения труда ограничивается чисто механической деятельностью без мысли и идеи, – при этих обстоятельствах привилегированные хозяева капитала, в том числе и люди, по своим личным способностям менее всего к этому призванные, овладели первой категорией труда и предоставили вторую народу. Отсюда проистекают три великих зла: одно для привилегированных капиталов, второе для народных масс и третье, вытекающее из двух предыдущих, для продукции, благосо-

стояния, справедливости и умственного и морального развития всего общества.

Зло, от которого страдают привилегированные классы, заключается в следующем: взяв себе при распределении социальных функций наиболее удобную их часть, они начинают занимать в умственном и моральном мире все менее и менее значительное место. Бесспорно, что для развития ума, науки и искусства известный досуг необходим; но такой досуг надо заслужить, он должен следовать за здоровым утомлением от дневного труда, как заслуженный отдых, который должен зависеть лишь от большей или меньшей степени энергии, способности и доброй воли отдельного лица и быть предоставлен обществом всем без исключения и в равной мере. Между тем всякое свободное время, предоставляемое по привилегии, нисколько не укрепляет ума, но расслабляет, деморализует и убивает его. Вся история учит нас, что, за редкими исключениями, привилегированные, благодаря богатству и званию, классы всегда были наименее продуктивными в умственном отношении, а величайшие открытия в области нау-

ки, искусства и промышленности были в большинстве случаев сделаны людьми, которые в юном возрасте были вынуждены зарабатывать себе пропитание тяжелым трудом. Человеческая природа так устроена, что возможность дурного всегда порождает это дурное и что нравственность отдельного человека в гораздо большей степени зависит от условий его жизни и от его среды, чем от его собственной воли. В этом отношении, как, впрочем, и во всех остальных, закон социальной солидарности неумолим, так что, если желаешь поднять мораль людей, надо не столько заботиться об их совести, сколько о социальных условиях их существования, и, как для отдельного человека, так и для общества, нет лучшего средства поднять нравственный уровень, как свобода при полнейшем равенстве. Посадите самого искреннего демократа на трон; если он немедленно его не покинет, то непременно сделается отъявленным негодяем. Человек, рожденный аристократом, если он по счастливой случайности не возненавидит своего звания и не будет стыдиться своего дворянства, неизбежно бу-

дет тщеславным и ничтожным, вздыхающим о прошлом, бесполезным для настоящего и яростным противником будущего. Точно также и буржуа, баловень капитала и привилегированного досуга, будет проводить свободное время в праздности, разврате и кутежах или использует капитал и досуг как страшное оружие для еще большего порабощения класса трудящихся и вызовет в конце концов против себя революцию, более ужасную, чем революция 1793 года.

Еще легче определить то зло, от которого страдает народ; он работает на других, и работа его – без свободы, досуга и умственной деятельности – тем самым делается недостойною и унижает, подавляет и убивает его. Он вынужден работать на других, ибо, рожденный в нищете, без воспитания и разумного обучения, морально порабощенный религиозными влияниями, он оказывается брошенным в жизнь, безоружным, лишенным авторитета, без инициативы и собственной воли. Вынужденный голодом с самого раннего возраста зарабатывать себе жалкий кусок хлеба, он должен продавать свою физическую силу, свой

труд на самых суровых условиях и даже не думает, да и не имеет к тому материальной возможности, потребовать иных условий. Под давлением нужды и отчаяния он иногда подымает восстание, но без единства и силы, сообщаемых мыслью, плохо руководимый большей частью предаваемый и продаваемый своими вождями, почти всегда в полном неведении, против которого из своих страданий ему направиться, часто нанося свои удары в ложном направлении, он, по крайней мере до сих пор, терпел неудачу в своих возмущениях и, утомленный бесплодной борьбой, снова впадал в прежнее рабство. Это рабство будет длиться до тех пор, покуда капитал, стоя вне совокупной деятельности рабочих сил, будет их эксплуатировать и покуда образование, которое в хорошо организованном обществе должно было бы быть равномерно распространено на всех, развивает интеллект только привилегированного класса и тем предает в его руки всю умственную область труда, оставляя народу лишь грубое применение его порабощенных физических сил, всегда обреченных выполнять идеи, ко-

торые принадлежат не ему. Благодаря такому несправедливому и пагубному извращению труд народа становится чисто механическим, напоминающим труд рабочего скота, и, обесчещенный и презираемый, естественно лишается всякого права.

Отсюда проистекает для общества огромное зло как в политическом, так и в умственном и моральном отношении. Меньшинство, пользующееся монополией науки, само, в результате такого преимущества, бывает поражено и в уме, и в сердце в такой степени, что от избытка знаний глупеет; ибо нет ничего вреднее и бесплоднее, как патентованная и привилегированная интеллигентность. С другой стороны, народ, совершенно лишенный науки, подавленный повседневным, механическим трудом, который скорее его притупляет, чем развивает его природные интеллектуальные способности, лишенный света, который указал бы ему путь к его освобождению, — народ напрасно надрывается над своей принудительной работой, и так как численное превосходство всегда на его стороне, то он всегда является угрозой существованию са-

мого общества.

Поэтому представляется необходимым, чтобы ныне несправедливое разделение работы умственной и работы физической было иначе организовано. От такого разделения сильно страдает сама экономическая продуктивность общества: интеллект, оторванный от физического труда, становится невозможным, засыхает, вырождается, в то время как физическая работа, оторванная от ума, тупеет, и в таком искусственном разъединении ни одна из обеих частей не производит и половины того, что они могут и должны произвести, когда, объединенные в новом социальном синтезе, обе станут единой производительной деятельностью. Когда человек науки будет работать, а человек труда будет думать, интеллигентный и свободный труд будет почитаться лучшим украшением и похвалой человека, основой его достоинства, его права, проявлением его человеческой мысли на земле – и тогда человечество обретет свое устройство.

к) Интеллигентный и свободный труд по необходимости будет ассоциированным тру-

дом. Свободному выбору каждого будет представлено объединяться с другими в труде или нет; но не подлежит сомнению, что, за исключением работ, связанных с воображением, самая природа которых требует сосредоточения в себе интеллекта отдельного лица, во всех промышленных и даже научных и художественных предприятиях, допускающих сотрудничество, все будут предпочитать совместную работу по той простой причине, что последняя самым удивительным образом приумножает продуктивность труда каждого отдельного человека и что каждый член и сотрудник производительного объединения гораздо больше заработает с гораздо меньшей затратой времени и труда.

Когда эти свободные производительные объединения уже не будут рабами, а в свою очередь станут хозяевами и владельцами необходимого им капитала, будут видеть в своей среде, в качестве сотрудников, наряду с рабочими силами, освобожденными благодаря всеобщему образованию, все специальные силы интеллекта, необходимые для каждого предприятия; когда они, объединившись

между собою, всегда свободно, в соответствии со своими потребностями и наиболее подходящим для себя образом, переступив рано или поздно через национальные границы, образуют огромную экономическую федерацию, когда стоящий во главе ее парламент, располагая столь же всеобъемлющим, как и подробным, и точным статистическим материалом, какой в наши дни не может существовать, комбинируя спрос и предложение, будет направлять, устанавливать и распределять между отдельными странами производство мировой промышленности, так чтобы уже не было или почти не было ни торговых, ни промышленных кризисов, вынужденной остановки производства, катастроф и нужды и потери капитала, – тогда человеческий труд, источник свободы всех и каждого, возродит мир к новой жизни.

m) Женщина, по своей природе отличная от мужчины, но не уступающая ему ни в чем, трудолюбивая и свободная как мужчина, будет провозглашена равной во всех политических и социальных правах, а также во всех политических и социальных функциях и обя-

занностях.

п) Упразднение не семьи естественной, а семьи легальной, основанной на гражданском законе и праве собственности. Церковный и гражданский брак заменяется браком свободным. Два взрослых лица разного пола имеют право по собственному желанию, согласно своим интересам и сердечным потребностям, соединяться и расходиться без того, чтобы общество имело право препятствовать их союзу или против их желания поддерживать его. Ввиду отмены права наследования и обеспечения обществом воспитания детей исчезают все доводы, которые до сих пор обычно приводятся в пользу политического и гражданского освящения нерасторжимости брака, и союз полов должен быть предоставлен полной свободе, которая и в этом случае, как и во всех других, является необходимым условием искренней нравственности. В свободном браке муж и жена должны в равной мере пользоваться безусловной свободой. Ни сила страсти, ни раньше добровольно предоставленные права не должны служить извинением для нападения одной стороны на сво-

боду другой – всякое насилие в этом направлении должно рассматриваться как преступление.

о) За все время беременности вплоть до рождения ребенка женщина имеет право на поддержку со стороны общества, которая выплачивается не за счет матери, а за счет ребенка; мать, кормящая и воспитывающая своих детей, имеет равным образом право получать от общества возмещение ее расходов по содержанию их и оплату труда, который она несет ради них.

р) Родителю будет предоставлено право оставить детей у себя и заняться их воспитанием под опекой и высшим надзором общества, которое всегда будет иметь право и обязанность отнять детей у родителей, если только последние дурным примером, неправильным обучением или грубым, бесчеловечным обращением могут деморализовать детей или помешать их развитию.

q) Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу, они принадлежат сами себе и своей будущей свободе. Как дети, до достижения ими возраста свободы, они находятся лишь в

состоянии потенциальной свободы и должны поэтому подчиняться режиму авторитета. Родители являются их естественными опекунами, это правда; однако законный и верховный их опекун – общество, право и обязанность которого – заниматься ими, ибо его собственная будущность зависит от того интеллектуального и морального руководства, какое преподадут детям, а взрослым общество может дать свободу лишь при том условии, что оно будет наблюдать за воспитанием несовершеннолетних.

г) Школа должна заменять церковь с той огромной разницей, что, в то время как церковь в своей религиозно-воспитательной деятельности преследует лишь одну цель – увековечить режим человеческого несовершеннолетия и так называемого божественного авторитета, воспитание и образование, даваемое школой, имеет, напротив, лишь ту цель, чтобы дать детям, по достижении ими совершеннолетия, действительное освобождение, так что и воспитание, и образование будут не чем иным, как постепенным, последовательным посвящением в свободу через тройное

развитие: физических сил, ума и воли детей.

Разум, истина, справедливость, уважение к человеку, сознание собственного достоинства, солидарно и неразрывно связанного с человеческим достоинством других, любовь к свободе для себя и для всех других, культ труда как основы и условия всякого права, презрения к неразумию, лжи, несправедливости, трусости, рабству и праздности – вот те начала, которые должны быть положены в основу общественного воспитания. Оно сперва должно образовать людей, затем рабочих, – специалистов и граждан, а по мере приближения детей к зрелому возрасту начало авторитета должно, естественно, все более и более уступать свое место в воспитании началу свободы, дабы юноши, достигшие зрелости к тому времени, когда закон делает их свободными, успели позабыть, как в детстве ими руководило и над ними властвовало что бы то ни было иное, чем свобода.

Уважение к человеку, этот зародыш свободы, должно оставаться налицо даже при самых суровых и безусловных проявлениях авторитета. Все моральное воспитание заклю-

чается в следующем: внушайте детям это уважение, и вы из них сделаете людей.

По окончании начального и среднего образования дети, сообразно их способностям и склонностям, будут выбирать, по совету и разъяснению, но не по принуждению старших, высшее или специальное учебное заведение. Одновременно каждый должен изучать теоретически и практически наиболее привлекательную для него отрасль промышленности, а деньги, заработанные им за время ученичества, он получит по достижении совершеннолетия.

с) Юноша, достигший совершеннолетия, объявляется свободным и становится безусловным хозяином своих поступков. В возмещение забот, проявленных по отношению к нему во время его детства обществом, последнее потребует от него трех вещей: чтобы он остался свободным, чтобы он жил своим трудом и чтобы он уважал свободу других. А так как преступление и пороки, от которых страдает современное общество, являются исключительно продуктом плохой социальной организации, то можно быть уверенным, что

при организации и воспитании, основанных на разуме, справедливости, свободе, уважении к человеку и полном равенстве, добро станет правилом, в то время как зло будет представлять болезненное исключение, которое под всемогущим влиянием морализованного общественного мнения будет все реже и реже встречаться.

t) Старики, неспособные к труду и больные, окруженные заботами и уважением, сохраняя все политические права, будут пользоваться обильным содержанием и полным уходом за счет общества.

Сводка основных идей Катехизиса

a) Отрицание бога.

b) Почитание человечества должно заменить культ божества. Человеческий разум признается единственным критерием истины, человеческая совесть – основой справедливости, индивидуальная и коллективная свобода – источником и единственной основой порядка в человечестве.

c) Свобода индивида может быть осуществлена лишь в равенстве всех. Осуществление свободы в равенстве есть справедливость.

d) Безусловное исключение принципа авторитета и государственной необходимости. Свобода должна являться единственным устрояющим началом всей социальной организации, как политической, так и экономической. Общественный порядок должен быть совокупным результатом развития всех местных, коллективных и индивидуальных свобод. Следовательно, вся политическая и экономическая организация в целом не должна, как в наши дни, исходить сверху вниз, от центра к периферии по принципу единства, а снизу вверх, от периферии к центру, по принципу свободного объединения и федерации.

e) Политическая организация. Упразднение всякой официальной – охраняемой и оплачиваемой государством – церкви. Абсолютная свобода совести и культура с неограниченным правом для каждого строить храмы своим богам и оплачивать свое духовенство. Абсолютная свобода религиозных ассоциаций, которые, впрочем, не должны обладать никакими гражданскими и политическими правами и не могут заниматься воспитанием детей. Упразднение и банкротство

централизирующего и опекающего государства. Абсолютная свобода каждого индивида, признание политических прав лишь за теми, кто живет собственным трудом, при условии, что они уважают свободу других. Всеобщее право голоса, безграничная свобода печати, пропаганды, слова и собраний (как для частных, так и для общественных собраний). Абсолютная свобода союзов, причем, однако, юридическое признание дается лишь тем из них, которые по своим целям и внутренней организации не стоят в противоречии с основными началами общества. Абсолютная автономия общин с правом самоуправления и даже издания собственных законов, поскольку таковые соответствуют принципам, лежащим в основе строя провинции, раз данная община желает входить в состав федерации и пользоваться гарантией, предоставляемой провинцией. Провинция должна представлять лишь федерацию общин. Автономия провинций по отношению к нации с правом самоуправления и издания законов, поскольку таковые соответствуют основным принципам национального строя, если провинция желает при-

надлежать к федерации и пользоваться гарантиями, предоставляемыми нацией.

Нация должна представлять лишь федерацию провинций, желающих добровольно к ней принадлежать; она обязана уважать автономию каждой провинции, но в то же время она вправе требовать, чтобы строй и сепаратное законодательство провинций, принадлежащих к федерации и желающих пользоваться гарантиями, предоставляемыми нацией, соответствовали в существенных пунктах национальному строю и законодательству, чтобы в делах, касающихся взаимоотношений провинций и общих интересов нации, каждая провинция выполняла декреты, принятые национальным парламентом и сообщенные ей национальным правительством, и чтобы каждая провинция подчинялась решениям национального суда, с оговоркой ее права принести апелляционную жалобу международному суду, когда таковой будет учрежден. При отказе повиноваться в одном из этих трех случаев провинцию ставят вне закона и национальной солидарности, и, в случае нападения с ее стороны на одну из феде-

ративных провинций, национальная армия внушает ей должное благоразумие.

Отмена так называемого исторического права, права завоевания и всякой политики, направленной на округление, расширение, славу и внешнее могущество государства. Благосостояние и свобода наций – солидарны, и каждая должна искать своей мощи в свободе. Национальная независимость есть национальное, неотчуждаемое право, как независимость отдельного лица есть таковое же его право; она должна быть священна на основании этого факта, а не на основании исторического права. Из того, что какая-либо страна была объединена с какой-нибудь другой страной в течение нескольких столетий, хотя бы и добровольно, не следует, что она должна и впредь терпеть это объединение, если она того не желает; ибо прошлые поколения не имеют никакого права отчуждать свободу настоящего и будущих поколений. Итак, каждая нация, провинция и община будет обладать безусловным правом располагать сама собою, вступать в союз с другими, порывать прежние и настоящие союзы и вступать в новые,

без того чтобы какая-либо другая сторона имела право или интерес ей в этом помешать. Всякое насильственное действие в этой области должно встретить дружный отпор со стороны всей национальной федерации в целом, ибо каждое посягательство на свободу отдельной страны является оскорблением, угрозой, косвенным посягательством на свободу всех наций. Наконец, интернациональная федерация и революционная солидарность свободных народов против реакционной коалиции еще поработоченных стран.

f) Социальная организация. Политическое равенство немислимо без равенства экономического. Экономическое равенство и социальная справедливость немислимы до тех пор, пока в обществе не установлено полного равенства исходной точки для каждого человеческого существа, вступающего в жизнь, равенства, заключающего в себе равенство средств для содержания, воспитания и обучения, а позднее и для применения тех разнообразных способностей и сил, какие природа вложила в каждого отдельного индивида. Отмена права наследования. Фонд общественно-

го воспитания один будет иметь право наследовать, ибо на нем будет лежать обязанность содержания, надзора, воспитания и обучения детей, от их рождения до совершеннолетия. Так как только труд производит продукты, то каждый должен работать, чтобы жить, в противном случае на него будут смотреть, как на вора. Интеллигентный и свободный труд, основа человеческого достоинства и всех политических прав, и одиночная работа с каждым днем все более сливаются между собою в сотрудничестве. Поверхность и недра земли, собственность всех, будут в обладании лишь тех, кто их разрабатывает. Равенство мужчины и женщины во всех политических и социальных правах. Упразднение легальной семьи, основанной на гражданском праве и имуществе. Свободный брак. Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу. Верховная опека над детьми, их воспитание и обучение принадлежат обществу. Школа заменит церковь. Ее задача – создать свободного человека. Уничтожение института тюрем и палача. Уважение к старикам, неспособным к труду, и больным и забота о них.

12. Революционная политика. Наше основное убеждение заключается в том, что так как свобода всех народов солидарна, то и отдельные революции в отдельных странах должны тоже быть солидарны; что отныне в Европе и во всем цивилизованном мире нет больше революции, а существует лишь одна всеобщая революция, точно так же как существует лишь единая европейская и мировая реакция; что, следовательно, все особые интересы, все национальные самолюбия, притязания, мелкие зависти и вражды должны теперь слиться в одном общем, универсальном интересе революции, которая обеспечит свободу и независимость каждой нации через солидарность всех наций; что далее священный союз мировой реакции и заговор королей, духовенства, дворянства и буржуазного феодализма, опирающийся на огромные бюджеты, постоянные армии, обширную бюрократию, располагающий всеми теми ужасными средствами, которые дает им современная централизация с ее привычкой, так сказать, рутинной ее приемов и правом конспирировать и основывать все свои действия на законе, что все это – чу-

довещный, грозный, губительный факт и что для того, чтобы бороться с ним, для того, чтобы противопоставить ему столь же мощный факт, для того, чтобы победить и уничтожить этот заговор, требуется по меньшей мере такой же революционный союз и действие всех народов цивилизованного мира.

Против этой мировой реакции изолированная революция отдельного народа не может иметь успеха; она была бы безумием, а следовательно, ошибкой, для самого этого народа и изменой и преступлением по отношению ко всем остальным. Отныне восстание каждого народа должно происходить не с точки зрения его интересов, а с точки зрения интересов всего мира. Но дабы одна нация могла восстать таким образом во имя всего мира, она должна иметь и мировую программу, достаточно широкую, глубокую и истинную – словом, достаточно общечеловеческую программу, охватывающую таким образом интересы всех и возбуждающую страсти всех народных масс Европы, без различия национальности, – а такой программой может быть лишь программа демократической и соци-

альной революции.

а) Цель демократической и социальной революции может быть формулирована в двух словах: политически – это отмена исторического права, права завоевания и права дипломатического. Это – полное освобождение лиц и ассоциаций от ига божественного и человеческого авторитета, – полное разрушение принудительных объединений и сочетаний общин в провинции, провинций же и завоеванных стран в государстве. Это, наконец, – полное коренное упразднение централистического, опекающего, авторитарного государства со всеми его военными, бюрократическими, правительственными, административными, судебными и гражданскими установлениями. Одним словом, это – возвращение свободы всем – лицам, коллективам, ассоциациям, общинам, провинциям, областям, нациям и взаимная гарантия этой свободы посредством федерации.

С социальной же точки зрения это – подкрепление политического равенства при посредстве равенства экономического. В начале жизненного поприща каждого человека ле-

жит равенство исходной точки, не природой данное, а равенство социальное для каждого, т. е. равенство средств содержания, воспитания и обучения для каждого ребенка того и другого пола до достижения им совершеннолетия.